

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2025 – 3

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.11

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Социология»

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред. (ИНИОН РАН); *Г.С. Абдирайымова* – д-р социол. наук (КазНУ им. аль-Фараби); *Е.В. Андрианова* – канд. социол. наук (ТюмГУ, ЗСФ ФНИСЦ РАН); *А.С. Готлиб* – д-р социол. наук (СамГУ); *В.А. Давыденко* – д-р социол. наук (ТюмГУ); *А.Ю. Долгов* – канд. социол. наук, отв. секретарь (ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *Я.В. Евсеева* – МА (Дортмундский технический университет); *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *М.В. Ильин* – д-р полит. наук (МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *А.Ю. Казакова* – д-р социол. наук (КГУ им. К.Э. Циолковского, ИНИОН РАН); *Е.В. Карчагин* – д-р филос. наук (ВолгГТУ); *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Немировский* – д-р социол. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *Г.А. Погосян* – д-р социол. наук, академик НАН РА, иностранный член РАН (Институт философии, социологии и права НАН РА); *Е.Ю. Рождественская* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ, ФНИСЦ РАН); *А. Степченко* – PhD (Латвийский ун-т); *Л.Г. Титаренко* – д-р социол. наук (БГУ); *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук (МГИМО МИД России); *А.Ф. Филипов* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.00

ISSN 2219-8830

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-80063 от 31.12.2020

© ИНИОН РАН, 2025

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (INION RAN)

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

INFORMATION-ANALYTICAL
JOURNAL

SERIES 11

SOCIOLOGY

2025 – 3

Published since 1991
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.11

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the «Sociology» Series

M.A. Yadova – Candidate of Sociological Sciences, Editor-in-Chief (INION RAN); *G.S. Abdirajymova* – Doctor of Sociological Sciences (Al-Farabi Kazakh National University); *E.V. Andrianova* – Candidate of Sociological Sciences (Tyumen State University, WSB – FCTAS RAS); *A.S. Gotlib* – Doctor of Sociological Sciences (Samara University); *V.A. Davydenko* – Doctor of Sociological Sciences (Tyumen State University); *A.Yu. Dolgov* – Candidate of Sociological Sciences, Executive Secretary (INION RAN, HSE University); *Ya.V. Evseeva* – MA (TU Dortmund University); *D.V. Efremenko* – Doctor of Political Sciences (HSE University, INION RAN); *M.V. Ilyin* – Doctor of Political Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia, INION RAN, HSE University); *A.Yu. Kazakova* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski); *E.V. Karchagin* – Doctor of Philosophical Sciences (Volgograd State Technical University); *Yu.A. Kimelev* – Doctor of Philosophical Sciences (INION RAN); *V.G. Nemirovsky* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN); *V.G. Nikolaev* – Candidate of Sociological Sciences (HSE University, INION RAN); *G.A. Pogosyan* – Doctor of Sociological Sciences, Full Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA); *E.Yu. Rozhdestvenskaya* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University, FCTAS RAS); *A. Stepčenko* – PhD (University of Latvia); *L.G. Titarenko* – Doctor of Sociological Sciences (Belarusian State University); *N.N. Fedotova* – Doctor of Sociological Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia); *A.F. Filippov* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University)

The information-analytical journal «Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.00

ISSN 2219-8830

© INION RAN, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

Долгов А.Ю. Многомерность социального конфликта: <i>введение к тематическому разделу</i>	9
Долгов А.Ю. «Социальные теоретики и Первая мировая война»: обзор спецвыпуска <i>Journal of Classical Sociology</i>	13
Персикова Т.Н. Национальные особенности разрешения межкультурных конфликтов	54
Немировский В.Г. Социокультурные и психологические характеристики трудовых мигрантов в Российской Федерации: конфликтогенный потенциал	67
Казакова А.Ю. Конфликт в лингвистической антропологии: размышление над работой Кристины Дэвис «Языковая политика и этнический конфликт»	84
Пряжников О.Н. Рецензия на кн.: Bramsen I. <i>The micro-sociology of peace and conflict</i> . [Брамсен И. Микросоциология мира и конфликта]	93

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Балабейкина О.А., Махров М.А., Хрусталева А.С., Янковская А.А. Римско-католическая церковь как доминанта конфессионального пространства Новой Зеландии	103
Ядова М.А. Рецензия на кн.: <i>Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one</i> / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. [Христианство и социальные изменения в современной Африке. Том первый / под ред. Ф.Б. Ньямнжоха, Ж.А. Карпендера]	122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Козин С.В., Жидяева Т.П. Социология в динамичном мире: теоретические основы, прикладные исследования, образо-	
---	--

вательный процесс (Обзор по итогам XVIII Ковалевских чтений)..... 128

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

Самнер У.Г. Народные обычаи (Избранные фрагменты). (Пер. с англ. В.Г. Николаева) 140

CONTENTS

ISSUE THEME: SOCIAL RESEARCH ON CONFLICTS

Dolgov A.Yu. The multidimensionality of social conflict: <i>introduction to the thematic section</i>	9
Dolgov A.Yu. "Social theorists and the First World War": a review of the special issue of the Journal of Classical Sociology	13
Persikova T.N. National peculiarities of intercultural conflict resolution	54
Nemirovsky V.G. Socio-cultural and psychological characteristics of migrant workers in the Russian Federation: conflict potential	67
Kazakova A.Yu. Conflict in linguistic anthropology: reflections on the work "Language policy and ethnic conflict" by Christina Davis	84
Pryazhnikova O.N. Book review: Bramsen I. The micro-sociology of peace and conflict	93

SOCIOLOGY OF RELIGION

Balabeikina O.A., Makhrov M.A., Khrustalyova A.S., Yankovskaya A.A. The Roman Catholic Church as the dominant religious institution in New Zealand	103
Yadova M.A. Book review: Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter	122

SCIENTIFIC LIFE

Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. Sociology in a dynamic world: theoretical foundations, applied research, educational process (Review of the XVIII Kovalevsky readings)	128
--	-----

CURRICULUM: SOCIOLOGICAL CLASSICS

Sumner W.G. Folkways (Selected fragments). (Translated from English by V.G. Nikolaev) 140

ТЕМА НОМЕРА: СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

УДК 316.2; 316.48

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.01

ДОЛГОВ А.Ю.* МНОГОМЕРНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА: *введение к тематическому разделу*

Аннотация. Во введении к тематическому разделу кратко описывается суть проблематики конфликта в социологии, показывается, что конфликт – многомерный и многоуровневый феномен. Представляются материалы, вошедшие в подборку номера.

Ключевые слова: конфликт; социальные отношения; социальные взаимодействия; культура.

Для цитирования: Долгов А.Ю. Многомерность социального конфликта: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 9–12. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.01

Статья поступила: 27.08.2025.

Принята к публикации: 01.09.2025.

DOLGOV A.Yu.** The multidimensionality of social conflict: *introduction to the thematic section*

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; dolgovalexandr@yandex.ru

** Dolgov Aleksandr Yur'ievich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology, National Research University “Higher School of Economics”; dolgovalexandr@yandex.ru

Abstract. The introduction to the thematic section briefly describes the core issues of conflict in sociology and demonstrates that conflict is a multidimensional and multilevel phenomenon. The materials included in this section are presented.

Keywords: conflict; social relations; social interactions; culture.

For citation: Dolgov A.Yu. The multidimensionality of social conflict: introduction to the thematic section. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 3. – P. 9–12. DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.01

Received: 27.08.2025.

Accepted: 01.09.2025.

Конфликт – многомерный и многоуровневый феномен, и для социологов стало стандартной задачей находить его во всех проявлениях социальной жизни: от повседневного языка до войны. Более того, социологи вслед за Л. Козером, переформулировавшим и «осовременившим» тезисы Г. Зиммеля, уже давно анализируют конфликт не как форму негативного отклонения и «патологии» социальной системы, но как явление, выполняющее позитивные социальные функции [Козер, 2002].

Р. Коллинз, описывая «традицию конфликта» в социальных науках, отмечает, что в рамках этой традиции «видение социального порядка предполагает наличие групп и индивидов, пытающихся продвинуть свои собственные интересы за счет других; в процессе борьбы за преимущества могут происходить открытые столкновения» [Коллинз, 2009, с. 61]. При этом для Коллинза конфликт подобен айсбергу, верхушка которого – это видимая часть конфликта, т.е. наблюдаемые события революций, войн, социальных движений и т.п. Основная же часть обычно скрыта «под водой» и представляет собой повседневные структуры господства, т.е. наличие доминирующих и подчиненных групп со своими интересами [там же].

Несмотря на длительную историю развития «традиции конфликта» в социологии, остается множество связанных с ней дискуссионных исследовательских проблем. Так, М. Вивьерка полагает, что многие подходы в социальных науках либо отказываются рассматривать конфликт в обществе, либо преуменьшают его значение (яркий пример – Т. Парсонс), либо заменяют его социал-дарвинистским видением социальной борьбы, которую обычно

ассоциируют с работами Г. Спенсера [Wieviorka, 2013]. Он предлагает всегда смотреть на конфликт как на отношения. В этом случае: «Конфликт – не непримиримая конфронтация между врагами; это не игра с нулевой суммой, в которой выигрыш одной стороны означает проигрыш другой. Это отношения между противниками, разделяющими некоторые культурные основания» [ibid., p. 699]. Такой подход отличает понятие конфликта от понятий войны, насилия или кризиса, когда речь идет о разрыве отношений. Вивьерка считает, что на смену классовому конфликту пришли новые социальные конфликты, имеющие культурное измерение (движения за гражданские права, экологические, антирасистские движения и т.д.) [ibid., p. 706–707].

Сегодня социальные исследования конфликтов все так же актуальны. Это значит, что социологи продолжают работать над новыми языками описания конфликтов, сочетая при этом классические исследовательские подходы и новейшие эмпирические наблюдения. Подборка материалов для представленного тематического раздела призвана продемонстрировать широту исследовательских перспектив и многообразие подходов к осмыслению конфликта.

В обзоре специального выпуска *Journal of Classical Sociology* (2024, № 4), подготовленном А.Ю. Долговым, рассматривается влияние Первой мировой войны на жизненные траектории и интеллектуальное наследие классиков социологии – Георга Зиммеля, Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, Вернера Зомбарта, Фердинанда Тённиса и других теоретиков. В обзоре делается акцент на том, что война стала вызовом для них, поскольку им пришлось пересмотреть некоторые ключевые моменты своих исследований.

В статье Т.Н. Персиковой показано, что выбор стратегии разрешения конфликтов – соревнования, сотрудничества, ухода от конфликта, уступчивости или компромисса – во многом предопределен культурным контекстом. Используя подходы к сравнению культур, представленные Э. Холлом и Г. Хофстеде, а также модель стилей межкультурных конфликтов М. Хаммера, автор демонстрирует различия между индивидуалистическими и коллективистскими обществами, низко- и высококонтекстными культурами.

В.Г. Немировский в своей статье анализирует специфику социокультурных и психических особенностей мигрантов из Центральной Азии. Автор показывает, как эти особенности влияют на формирование межэтнической напряженности и риски конфликтов.

А.Ю. Казакова на примере работы Кристины Дэвис «Языковая политика и этнический конфликт» рассматривает отношения языка, политики и общества. Она делает вывод о том, что состояние многоязычия в России не совпадает с описанием постколониальных языковых конфликтов.

Тематический раздел завершается рецензией О.Н. Пряжниковой на книгу Изабель Брамсен «Микросоциология мира и конфликта», вышедшую в 2024 г. В этой книге представлен микросоциологический взгляд на конфликт, показано, как конкретные ситуации, возникающие например на мирных переговорах, можно анализировать через внимание к микровзаимодействиям представителей конфликтующих сторон.

Таким образом, тематический раздел объединяет тексты, в которых конфликт рассматривается с разных исследовательских позиций: историко-социологической, социокультурной, социолингвистической, антропологической, микросоциологической, что обеспечивает комплексный взгляд на многообразие конфликтов в различных контекстах.

Список литературы

Козер Л. Функции социального конфликта / пер. О.А. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. – Москва: Идея-Пресс, 2002. – 205 с.

Коллинз Р. Четыре социологических традиции / пер. В. Россмана. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 317 с.

Wieviorka M. Social conflict // *Current sociology review*. – 2013. – Vol. 61, N 5/6. – P. 696–713. – DOI: 10.1177/0011392113499487

References

Collins R. *Four sociological traditions*. Trans. V. Rossman. – Moscow: Publishing house “Territory of the future,” 2009. – 317 p. (In Russian)

Coser L. *Functions of social conflict*. Transl. by O.A. Nazarova; ed. by L.G. Ionin. – Moscow: Idea-press, 2002. – 205 p. (In Russian)

Wieviorka M. Social conflict. *Current sociology review*. – 2013. – Vol. 61, N 5–6. – P. 696–713. – DOI: 10.1177/0011392113499487

УДК 316.2; 316.48

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.02

ДОЛГОВ А.Ю.* «СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА»: ОБЗОР СПЕЦВЫПУСКА *JOURNAL OF CLASSICAL SOCIOLOGY*

Аннотация. В статье представлен обзор специального выпуска *Journal of Classical Sociology* (2024, № 4), посвященного влиянию Первой мировой войны на жизненные траектории и интеллектуальное наследие классиков социологии. Показано, как Георг Зиммель, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Вернер Зомбарт, Фердинанд Тённис, Уильям Э.Б. Дьюбуа, Джордж Герберт Мид, Торстейн Веблен, Роберт Парк, Марсель Мосс, Альфред Шюц и Антонио Грамши пережили и осмыслили этот международный конфликт. Отмечается, что война стала вызовом и проверкой для их теорий, поскольку им пришлось пересмотреть некоторые ключевые моменты своих исследований.

Ключевые слова: Первая мировая война; классическая социология; социальная теория; интеллектуальная история; конфликт; национализм; послевоенный порядок.

Для цитирования: Долгов А.Ю. «Социальные теоретики и Первая мировая война»: обзор спецвыпуска *Journal of Classical Sociology* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 13–53. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.02

Статья поступила: 05.08.2025.

Принята к публикации: 15.08.2025.

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; dolgovalexandr@yandex.ru

DOLGOV A.Yu.** “Social theorists and the First World War”: a review of the special issue of the Journal of Classical Sociology.

Abstract. The paper provides an overview of a special issue of the Journal of Classical Sociology (2024, N 4) devoted to the impact of World War I on the life trajectories and intellectual legacy of the classics of sociology. It shows how Georg Simmel, Émile Durkheim, Max Weber, Werner Sombart, Ferdinand Tönnies, W.E.B. Du Bois, George Herbert Mead, Thorstein Veblen, Robert Park, Marcel Mauss, Alfred Schütz, and Antonio Gramsci experienced and interpreted this international conflict. It is noted that the war became a challenge and a test for their theories, as they had to revise some key points of their research.

Keywords: World War I; classical sociology; social theory; intellectual history; conflict; nationalism; postwar order.

For citation: Dolgov A.Yu. “Social theorists and the First World War”: a review of the special issue of the Journal of Classical Sociology. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology].* – 2025. – N 3. – P. 13–53. DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.02

Received: 05.08.2025.

Accepted: 15.08.2025.

Введение

В 2024 г. исполнилось 110 лет с начала Первой мировой войны (1914–1918) – глобального конфликта, потрясшего прежний социальный порядок. Хотя до сих пор эту войну часто называют «забытой» (особенно в России), нельзя сказать, что прошедшая годовщина осталась незамеченной научным сообществом. За последние годы постоянно появляется множество новых социально-гуманитарных исследований, посвященных Первой мировой войне, и, как нетрудно догадаться, ведущую роль в этом играют исто-

** Dolgov Aleksandr Yur'ievich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology, National Research University “Higher School of Economics”; dolgovalexandr@yandex.ru

рики. Но вклад в изучение Первой мировой войны вносят и социологи.

Поскольку эта война по времени совпала с периодом активного развития социологии, и еще были живы ее «отцы-основатели», важно продолжать обращаться к научному наследию социальных теоретиков как к полезному и актуальному ресурсу осмысления проблем войны и мира, конфликта и социального порядка. Однако этот период часто остается второстепенным или вовсе «выпадает» из интеллектуального наследия и биографий социологов начала XX в., хотя та война была чем-то вроде вызова и проверки для их теоретических исследований.

Заметный вклад социологов в изучение Первой мировой войны – подготовка спецвыпуска *Journal of Classical Sociology* (2024, № 4), посвященного теме «Социальные теоретики и Первая мировая война»¹. Его приглашенные редакторы-составители – Бабак Амини (Университет Британской Колумбии, Канада; Университет Западной Шотландии, Великобритания) и Томас Кемпл (Университет Британской Колумбии, Канада). Открывая выпуск, в своей вводной статье они поясняют, что в публикуемых текстах рассматривается то, как некоторые выдающиеся социальные теоретики из континентальной Европы и США были лично затронуты и политически вовлечены в ход Первой мировой войны, и какое воздействие она оказала на их теории [Amini, Kemple, 2024, p. 309]. Авторы предлагают перепрочтение текстов классиков социологии сквозь призму переосмысления ими войны и тех процессов, которые она запустила.

Амини и Кемпл подчеркивают, что Первая мировая война не оставила социальным теоретикам возможность занимать нейтральные позиции. Она стала не только поворотным событием в их жизни (например, некоторые из них лично принимали участие в боевых действиях, кто-то занимал посты в государственных учреждениях или общественных организациях, а кто-то терял на фронте родственников и друзей), но и повлияла на социальные науки в целом [ibid., p. 308].

Хотя многие социальные теоретики, биографии и работы которых рассматриваются в номере, в той или иной степени поддерживали войну, они отвергали экспансионистскую политику [ibid., 2024, p. 311], а их позиции не сводились к простым дихотомиям

¹ См: *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 1. – URL: <https://journals.sagepub.com/toc/jcsa/24/4> (accessed: 01.08.2025).

«за войну – пацифизм» или «патриотизм – космополитизм». Амини и Кемпл отмечают, что война поставила перед учеными того периода «вопросы о геополитике международных военных действий и мира; о роли современного государства и его бюрократических институтов; о природе гражданского общества и этнических сообществ; о потенциале политической экономии и культурной мобилизации; и о перспективах эмансипации в рамках колониального капитализма и расового империализма» [Amini, Kemple, 2024, p. 309]. Некоторые их идеи впоследствии стали востребованы в период послевоенного восстановления. В целом Первая мировая война стала переломным событием, которое перестроило глобальную динамику, что стало вызовом для социальной науки, обращенной на изучение перехода от «традиционных» к «современным» обществам и влияния промышленности и военного дела на повседневную жизнь. Таким образом, если обобщить, то в статьях спецвыпуска представлено экстерналистское объяснение развития социологического знания, при котором акцент делается на внешних факторах, повлиявших на специфику теоретических и эмпирических исследований того времени.

Георг Зиммель (1858–1917) о войне, смерти и будущем Европы

Спецвыпуск открывается статьей Остина Харрингтона (Лидский университет, Великобритания) о Георге Зиммеле. Харрингтон акцентирует внимание на том, как трансформировались взгляды Зиммеля на Первую мировую войну: от воинствующего пыла и комплекса немецких обид на западноевропейские державы до поиска новых принципов построения коллективной идентичности европейцев [Harrington, 2024].

Весной 1914 г. Зиммель переехал из Берлина в Страсбург, чтобы занять профессорскую должность в местном университете. Соответственно, он стал жить в Эльзасе – пограничной территории, отвоеванной у Франции немцами под предводительством Отто фон Бисмарка в ходе Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Проживая там, как отмечает Харрингтон, Зиммель «мог непосредственно наблюдать тупиковую ситуацию конфликта, который он и другие стали все больше рассматривать как европейскую гражданскую войну апокалиптических масштабов» [Harrington, 2024, p. 317]. Общим фоном такого восприятия была преобладающая в то время немецкая риторика войны за национальный «Дух» (*Geist*) и «Культуру» (*Kultur*) против декадентской, эгоистичной «цивили-

зации» (*Zivilisation*) Франции, Великобритании и США [Harrington, 2024, p. 316].

В начале войны Зиммель поддержал всеобщую мобилизацию, связывая происходившие события с идеей войны за немецкую национальную Культуру. Он писал, что «конфликт создал “абсолютную ситуацию”, возвышенный час расплаты, который объединил прошлое, настоящее и будущее в бескомпромиссном опыте историчности», и что война должна вестись «не только за немецкую мощь и экономику», но прежде всего за «бытие или небытие немецкого Духа» [цит. по: Harrington, 2024, p. 318].

Харрингтон считает, что постепенно Зиммель перешел к менее резким высказываниям, и это свидетельствует о его повороте в сторону более умеренной позиции [ibid.]. С весны 1915 г. Зиммель стал подчеркивать принадлежность немцев к широкому европейскому сообществу и предостерегать соотечественников от впадения в «шовинизм и националистическую ограниченность» [цит. по: ibid.]. Немецкий характер, таким образом, уже не противопоставлялся «европейскости», которая признавалась его сущностной составляющей.

В сборнике эссе 1917 г. «Война и духовные решения»¹ Зиммель представил свои основные размышления о войне и Европе. Он писал об оформившейся «идеи Европы», призывая враждующие нации превзойти себя через более возвышенный союз. Суть этой «идеи» состоит в том, что европейские нации могли бы реализоваться, не отказавшись от своих традиций и переоткрыв себя через что-то большее, чем их собственные отдельные особенности [Harrington, 2024, p. 318]. К сожалению, констатировал Зиммель, война свела «идею Европы» к гнусной реальности ненависти [ibid.].

Беспокойство Зиммеля вызвали новости о поставках боеприпасов из США в Великобританию, о чем он написал в берлинской прессе в мае 1915 г. По мысли Зиммеля, США, несмотря на декларируемый нейтралитет², становились бенефициарами европейской войны всех против всех, поскольку, оставаясь за кулисами, они ждали удобного момента, когда можно будет перехватить у Европы «корону цивилизации» [Harrington, 2024, p. 319]. Разви-

¹ *Simmel G. Der Krieg und die geistigen Entscheidungen: Reden und Aufsätze.* – München; Leipzig: Duncker & Humblot, 1917. – 72 S.

² Официально США вступили в войну 6 апреля 1917 г., до этого момента страна формально сохраняла нейтралитет.

вая свои рассуждения о будущем отношений Европы с Америкой и со всем миром, Зиммель писал, что возможно «настанет время, когда Европа будет для Америки тем же, чем стали Афины для поздних римлян: пунктом назначения для молодежи, путешествующей в поисках культуры, местом, полным впечатляющих руин и прекрасных воспоминаний, источником подпитки для художников, ученых и неумолкающих литераторов» [цит. по: Harrington, 2024, p. 319].

Харрингтон отмечает, что Зиммель был одним из тех мыслителей, кто пронизательно почувствовал приближение нового социального порядка, в рамках которого будут вестись битвы за структурное доминирование в мировой политике и культуре будущего [ibid., p. 320]. Первая мировая война подтвердила существование эпохального соперничества различных конкурирующих представлений о современности, каждое из которых имело равные шансы на победу – будь то капиталистическая либеральная демократия, реформистский социализм и социал-демократия, советский коммунизм, авторитарный консерватизм или фашизм в его ранних проявлениях в Италии [ibid.].

При этом, подчеркивает Харрингтон, Зиммель оставался космополитическим мыслителем, который писал «о взаимности или взаимодействии (*Wechselwirkung*) между акторами и идентичностями в мировой истории, о постоянно пересекающихся и размыывающихся границах, о пересекающихся социальных кругах, о “мостах и дверях”, о деньгах и денежных аналогах как связующих нитях коммуникации между множественными пространственно-временными положениями, о конститутивной фигуре “чужака” для любого возможного сообщества и <...> о метрополисе как “средоточии космополитизма”» [ibid., p. 321]. Такой космополитизм, отмечает Харрингтон, хоть и опирается на универсализирующие этические ценности, направленные против любой аут-групповой стигматизации, предполагает четкое отделение от любой «меркантильной культуры глобальной туристической мобильности или этоса мировой торговли, или притворного морального благочестия международных элит» [Harrington, 2024, p. 321–322]. Европа для Зиммеля была примером космополитической универсалии, символом потенциального космополитического сообщества наций, в котором существование в рамках целостности не препятствует сохранению специфических национальных отличий.

Важными направлениями исследований, взаимосвязанными с войной, в творчестве Зиммеля становятся также темы смерти,

смертности и конечности разума [Harrington, 2024, p. 322]. Зиммель размышлял о том, что «чем более индивидуально существо, тем более абсолютна его смерть; и наоборот, чем более унифицировано и заменяемо существо – т.е. чем больше оно приближается к воспроизводимому типу, роли или функции существования – тем менее абсолютна смерть в ее значении для жизни» [ibid., p. 323]. По Зиммелю, типы, формы, функции субъектов как таковые не умирают; умирают лишь индивиды. Таким образом, смертность / конечность существования создает уникальность индивидуальной жизни. Война же, сводящая жизнь людей к расходуемому пушечному мясу, т.е. к заменяемым и воспроизводимым типам, уводит от понимания индивидуальности жизни перед смертью. Согласно Зиммелю, это в целом характерно для технонаучной цивилизации с ее стремлением к типизации и индустриально-бюрократической организации [ibid., p. 323].

Мысль о «трагедии культуры», при которой субъективная индивидуальность жизненного опыта «затирается» обезличенной объективной культурой, сближает Зиммеля с такими представителями Франкфуртской школы, как Хоркхаймер, Адорно и Беньямин. Война усилила эту трагедию, переведя ее на уровень коллективных формирований. Она поставила перед Зиммелем важный вопрос о том, как национальные государства способны сохранить автономию и уникальность, войдя при этом в сообщество более высокого уровня. Надежда, заключает Харрингтон, оставалась на создание общеевропейского дома этической принадлежности, в который не только «механически» входили национальные государства, но который также подкреплял их чувство общности друг с другом как членов общего исторического наследия [Harrington, 2024, p. 325].

Эмиль Дюркгейм (1858–1917) о войне «цивилизации» против «варварства» и послевоенном устройстве Франции

Жан-Кристоф Марсель (Университет Бургундии, Франция) и Томас Кемпл исследуют сотрудничество Эмиля Дюркгейма с другими французскими интеллектуалами во время Первой мировой войны. Авторы рассматривают это сотрудничество, с одной стороны, как продолжение его социологических идей о социальной солидарности, социологии как науке, социализме, современном государстве и моральных основах цивилизации, с другой – как вызов им [Marcel, Kemple, 2024].

Основное напряжение вокруг темы «Дюркгейм и Первая мировая война» связано с тем, что французский социолог старался держаться в стороне от политических дебатов и каких-либо форм активизма. Тем не менее 2 раза он нарушил свое молчание. Первый случай – дело Дрейфуса¹, когда он стал защищать сторону «дрейфусаров». Второй раз он сделал это во время Первой мировой войны, когда вместе со многими известными французскими учеными того периода вступил в Священный союз (*Union Sacrée*)² для противостояния немецкой пропаганде. Дюркгейм также входил в состав других комитетов и комиссий со схожими задачами (например, он был членом Комитета по изучению и документированию войны). Французских интеллектуалов, включая бывших оппонентов, во время войны объединило и мотивировало убеждение в том, что им предстояло защитить «моральное государство» от «варварского» [Marcel, Kemple, 2024, p. 331]. Нельзя не упомянуть и про сильную личную вовлеченность и трагедию Дюркгейма – на фронте погибли его сын Андре и коллега Роберт Герц.

Как отмечают Марсель и Кемпл, в пропагандистских текстах Дюркгейма, которые он писал в поддержку французских военных, он искал социологическое обоснование тому, что «моральная цивилизованная Франция» борется против «возвращения к варварству», осуществляемого милитаристской и аморальной Германией [ibid., p. 332]. Авторы статьи полагают, что хотя труды военного времени³ были написаны и опубликованы Дюркгеймом в качестве

¹ Альфред Дрейфус (1859–1935) в 1894 г. был обвинен в шпионаже в пользу Германии и в государственной измене. Несмотря на его невиновность (позже, через восемь лет, он был оправдан), военный трибунал приговорил его к пожизненному заключению. «Дело Дрейфуса» разделило Францию на лагерь «дрейфусаров», который состоял из республиканцев, радикальных левых, социалистических левых, антимилитаристских интеллектуалов, пацифистов и масонов; и лагерь «антидрейфусаров», в который вошли некоторые традиционалистские католики и антисемиты, а также те, кто ностальгировал по монархии и ставил честь армии превыше всего.

² Священный союз подразумевал заключение политического перемирия во Французской Третьей республике, руководствуясь которым, социалистическое движение и другие примкнувшие к ним силы во время Первой мировой войны согласились не выступать против правительства.

³ К ним в первую очередь относятся: брошюра «Германия превыше всего: немецкий менталитет и война» (*L'Allemagne au-dessus de tout: la mentalité allemande et la guerre*) – опубликована на французском и английском языках в 1915 г.; брошюра «Кто хотел войны?» (*Qui a voulu la guerre?*) – также опубликована на

казанной пропаганды, они тем не менее открыли перед ним возможность проверить, уточнить и в некоторых случаях пересмотреть социологические аргументы, над которыми он работал на протяжении всей своей карьеры [Marcel, Kemple, 2024, p. 332].

Объяснение особенностей немецкого и французского «менталитетов» соотносится с дюркгеймовским описанием эволюции обществ и различием механической и органической солидарности. Согласно Дюркгейму, позиция Германии противоречит постоянному прогрессу Разума, которому сопутствовали изменения в способах демократического управления и организации государства [Marcel, Kemple, 2024, p. 333]. Хотя немцы были частью «великой семьи цивилизованных народов», они стали «агрессивными и беспринципными варварскими существами» [цит. по: *ibid.*]. Дюркгейм называет «ментальность», лежащую в основе поведения немецких агрессоров и военных преступников, «коллективным заболеванием», которое какое-то время как бы не выходило на поверхность. Немецкая «ментальная и моральная система» уходит своими корнями в специфику исторического и политического развития Германии, где лидер государства стоит выше международного права, морали и гражданского общества, действуя и обязывая свой народ подчиняться его руководству через преданность и самопожертвование [*ibid.*]. Войну он также объявляет и ведет по своему усмотрению.

Возникший в Германии социальный порядок имеет схожие черты с обществами с механической солидарностью – это так называемые примитивные общества, в которых социальные связи крепки, поскольку коллективное сознание фактически стирает индивидуальности [Marcel, Kemple, 2024, p. 334]. В обществах с механической солидарностью единство людей обязательно воплощено в вожде, который является эманацией этого коллективного сознания. Власть, которой он наделен, таким образом, осуществляется силой, которой индивиды покорно подчиняются, не подвергая сомнению ее легитимность [*ibid.*]. Индивиды в таких обществах сильно привязаны группе, они полностью зависят от нее, а любое отклонение от норм вызывает сильную тревогу быть наказанным. Возникает сильная эмоциональная нестабильность, из-за которой индивиды быстро переходят из состояния крайней радости в состояние сильной грусти. Такая психическая нестабиль-

французском и английском языках в 1915 г.; статья «Политика завтрашнего дня» (*La politique de demain*) – написано в 1916 г., опубликовано в 1917 г.

ность и культурный дискомфорт остались частью ментального состояния Германии и проявились во время войны, как предположил Дюркгейм, несмотря на то что эта страна является одной из самых развитых стран мира [Marcel, Kemple, 2024, p. 334].

Франция же, согласно Дюркгейму, воплощает одну из самых совершенных форм «цивилизованного общества», идеал свободы и равенства [ibid., p. 335]. Вместо немецкого «религиозного» типа власти, основанного на мистическом престиже безоговорочно признаваемого всеми божественного права, Франция заменяет его «моральным» типом, который предопределяется рациональным сознанием и «техническим» типом, основанным на доказанной компетентности (поэтому для Дюркгейма социология вполне закономерно возникла именно во Франции) [ibid.]. На войне это проявляется в том, что французские солдаты свободно и сознательно готовы отдать свою жизнь за родину, они высоко мотивированы пожертвовать собой, а немецкие солдаты вынуждены подчиняться своим офицерам из страха, они менее мотивированы [ibid., p. 336].

Кроме обоснования «патологического» состояния немецкой «ментальности» Дюркгейм также проанализировал дипломатическую документацию для доказательства виновности Германии в развязывании войны. В его работе «Кто хотел войны?»¹ (в соавторстве с Эрнестом Дени, 1915 г.) были тщательно изучены русские, французские, бельгийские, немецкие и британские документы, подробно описывающие ультиматумы, попытки примирения и мирные предложения до объявления Германией войны России и Франции [Marcel, Kemple, 2024, p. 335]. Здесь Дюркгейм концентрируется не на обезличенных силах или общих закономерностях, как это было в его предыдущих работах, а на определенных действиях и решениях конкретных политических деятелей (канцлера, царя и короля, их генералов, министров и дипломатов). Таким образом, национальные государства рассматривались Дюркгеймом и Дени как комбинация и следствие индивидуальных волей, из которых они состоят, а история была представлена в терминах последовательностей событий, обусловленных конкретными решениями [Marcel, Kemple, 2024, p. 336].

Еще один важный сюжет, который рассматривается в статье Марселя и Кемпла – размышления Дюркгейма о послевоенном

¹ *Durkheim É., Denis E. Qui a Voulu La Guerre?* – Paris: Armand Colin, 1915. – 67 p.

устройстве Франции. Дюркгейм попытался представить, каким образом после окончания войны Франция могла бы обратиться к своим основополагающим принципам свободы и равенства, поскольку для него величие нации определяется уровнем ее морального совершенства, а не только материальными условиями. Как отмечают Марсель и Кемпл, опыт войны заставил Дюркгейма сфокусироваться на значении государства в грядущих процессах, поскольку перед страной стояла проблема не столько в увеличении богатства, сколько в организации современной экономики таким образом, чтобы блага распределялись более справедливо в соответствии с принципами сен-симонистского социализма [Marcel, Kemple, 2024, p. 340]. Дюркгейм писал о том, что государство стало играть все более активную роль в экономике, национализируя промышленные предприятия, и война лишь усилила эту тенденцию. Война также показала, что индивиды могут подчинять свои интересы интересам общества и жертвовать собой ради других [ibid.]. Таким образом, проявляется одна из базовых установок социологии Дюркгейма, согласно которой нужна особая моральная сила, способная сдерживать индивидуальные эгоистичные направленности и доминировать над ними. Эта сила, подчеркивают авторы статьи, следуя за ходом мысли Дюркгейма, суть само общество, воплощенное в государстве, которое является его наиболее сознательным и рефлексивным органом [ibid., p. 341]. В целом, заключают Марсель и Кемпл, Дюркгейм не просто нашел подтверждение и обоснование своих социологических аргументов благодаря личному опыту наблюдений за войной, но переосмыслил и переформулировал многие из этих аргументов в свете этого опыта [Marcel, Kemple, 2024, p. 340].

Макс Вебер (1864–1920): гражданин, политик, публичный интеллектual и ученый во время войны

Хиннерк Брунс (Центр исторических исследований, Франция) начинает свою статью с замечания о том, что в веберiane последних десятилетий тема Первой мировой войны обычно сводилась к «национализму Вебера» (а также к «силовой политике» и «империализму»), и никто из его биографов так и не раскрыл ни связь между войной и наукой, ни вопрос о влиянии войны на социальную науку Вебера [Bruhns, 2024, p. 348]. Как заявляет автор, его статья посвящена не просто социологу Веберу во время войны, а одновременно социальному ученому, интеллектуалу и гражда-

нину Веберу, поскольку в военный период все эти роли непродуктивно рассматривать отдельно друг от друга [Bruhns, 2024, p. 348].

Известно, что на протяжении 17 месяцев с начала Первой мировой войны, с августа 1914 по декабрь 1915 г., Вебер не делал никаких публичных заявлений о ней в отличие от большинства других немецких интеллектуалов. С 1916 г. он периодически стал делать публичные заявления, но не против внешних врагов, а против внутренних противников. В тот период двумя главными темами для него были «мир» и «нация» [Bruhns, 2024, p. 348–349]. В отличие от Дюркгейма, отмечает Брунс, Вебер при этом никогда не подкреплял свою позицию в политических дебатах опорой на авторитет науки [ibid., p. 349]. Иными словами, Вебер никогда не смешивал свои роли ученого и политика, он четко разделял их.

Участие в войне Вебера как гражданина началось с того, что он в августе 1914 г. в возрасте 50 лет как офицер запаса пошел добровольцем на военную службу, желая попасть на фронт. Он был признан физически негодным к военной службе, но получил назначение создать и управлять резервными военными госпиталями в Гейдельберге [Bruhns, 2024, p. 350]. Там он с полной управленческой отдачей отработал до октября 1915 г. Далее он стал искать позицию, на которой можно было бы задействовать его профессиональные знания экономиста. Осенью 1915 г. он безуспешно подавал заявки на подобные должности в немецкой оккупационной администрации в Брюсселе и Варшаве. В последующем ему было поручено подготовить исследование экономической и финансовой ситуации в Царстве Польском и экономического положения всего польскоязычного региона [ibid., p. 351]. Таким образом, Вебер стал вести работу, нацеленную на конкретный практический результат. Брунс полагает, что его мотивацией для вступления в армию был не националистический «военный энтузиазм», а чувство гражданской ответственности и необходимость «быть там» [ibid.].

Публичное участие Вебера как интеллектуала и ученого в осмыслении Первой мировой войны началось 25 декабря 1915 г., когда он опубликовал статью в газете *Frankfurter Zeitung* под названием «Внешняя политика Бисмарка и настоящее»¹ [Bruhns, 2024, p. 349]. Это была историко-политологическая работа о том, как внешняя политика, основанная на принципах Бисмарка, могла

¹ См.: *Weber M. Zur Politik im Weltkrieg: Schriften und Reden 1914–1918 / Hrsg. W.J. Mommsen. – Tübingen: Mohr Siebeck, 1988. – S. 71–92.*

бы не привести к войне или ограничить ее. В этой статье Вебер также однозначно выступил против военной политики правительства Германской империи и стремления правых националистов к аннексиям [Bruhns, 2024, p. 349]. 1 августа 1916 г. Вебер произнес свою первую публичную речь с начала войны под названием «На пороге третьего года войны». Оба эти выступления были раскритикованы его оппонентами как неподдержка немецкой военной политики и как мирная речь в условиях активных действий на фронте. В целом с лета 1916 г. Вебер вел активную журналистскую деятельность, освещая такие темы, как «внешнеполитическая ситуация», «ведение войны и внутривойсковые события». Он концентрируется на политической и социальной реорганизации после войны, будущем нации и ее внутренней консолидации как предпосылках для равноправной интеграции Германии в европейскую систему государств [ibid., p. 350]. Эта деятельность в итоге привела к тому, что Вебер принял непосредственное участие в разработке конституции будущей Веймарской республики.

Постепенно стала возобновляться научная работа Вебера, которую он, по сути, оставил после начала войны. Брунс указывает, что важнейшими его проектами до войны были: «Очерк социальной экономики» (*Grundriß der Sozialökonomik*) и, как часть этого, «Хозяйство и общество» (*Wirtschaft und Gesellschaft*); обсуждение ценностных суждений; экономическая этика мировых религий [ibid., p. 352]. Все эти проекты, считает Брунс, были дополнены под влиянием войны. Так, Брунс предполагает, что без войны и Русской революции темы военной и плановой экономики не стали бы центральными в работах Вебера 1919/1920 гг. В целом же война не повлияла на методологию социальных наук Вебера, но, например, тот же принцип свободы от ценностей приобрел для него еще большую актуальность из-за публичных дискуссий по экономическим и политическим вопросам, которые часто велись некоторыми ангажированными учеными, использующими авторитет науки в политических дебатах [ibid., p. 353].

Одной из центральных тем военных сочинений Вебера является «нация». Хотя общая теоретическая рамка понимания нации была разработана Вебером до войны, военное время предоставило возможность проверить и реконструировать некоторые ее элементы. В довоенной рукописи «Хозяйства и общества» Вебер определил нацию как сообщество судьбы, сообщество памяти [ibid., p. 355]: «Общие политические судьбы, т.е. в первую очередь политические сражения не на жизнь, а на смерть, порождают общность

памяти, которая порой спаивает сильнее, чем узы общей культуры, языка или происхождения»¹.

Вебер был убежден, что немецкое национальное государство Бисмарка и его преемники было неправильной конструкцией, и что консолидация Германской империи как европейской державы не могла быть достигнута только посредством внешней политики или успешной войны. Он считал, что Германия должна развиваться в том же направлении, что и ее западные соседи. Поэтому его так волновала проблема будущей социальной и политической конституции, с помощью которой можно было бы завершить формирование нации. Брунс отмечает, что для реорганизации нации в послевоенной Германии Вебер, в частности, предлагал сфокусироваться «на политическом равенстве, отмене трехклассного избирательного права в Пруссии, массовой демократизации, повышении роли парламента, сокращении прусского влияния в империи, отмене двойной функции рейхсканцлера и премьер-министра Пруссии, а также прусских привилегий в Бундесрате» [Bruhns, 2024, p. 356]. При этом, чтобы быть жизнеспособным в европейской системе государств, национальное государство также должно было быть силовым государством [ibid., p. 357], что никак не исключает его функционирования в рамках более широкого экономического и политического союза европейских государств. Будущей социальной основой немецкого государства, по Веберу, могли бы стать «страта техников и другие страты, которые были вытеснены в свободную конкуренцию в качестве наемных работников крупных частных компаний», а также солдаты, возвращающиеся с войны, которые будут участвовать в восстановлении нации как активные граждане с равными избирательными правами [ibid., p. 356].

Брунс заключает, что для Вебера война – это своего рода естественное событие в истории государств, форма неизбежной «вечной борьбы наций», порождаемой самой структурой общества [Bruhns, 2024, p. 358]. Первая мировая война означала для него прежде всего триумфальное продвижение определенной «формы жизни», а именно «рациональной, бюрократической организации <...> всех человеческих объединений, основанных на власти, от фабрики до армии и государства по всему миру» [цит. по: ibid.]. Наблюдения 1918–1919 гг. за крахом легитимной власти, разрушением войной традиционных связей, распространением правонару-

¹ Перевод взят из книги: *Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии.* – Москва: Издательский дом ВШЭ, 2017. – Т. 3. – С. 273.

шающего поведения и многим другим затем были включены в социологию Вебера [Bruhns, 2024, p. 358].

Вернер Зомбарт (1863–1941) о «героической» войне немцев против «торгашества»

Статью о Вернере Зомбарте для спецвыпуска подготовил Фридрих Ленгер (Гисенский университет, Германия) [Lenger, 2024]. К 1914 г. Зомбарт был известен и признан во всем мире как историк современного капитализма и активный деятель социалистического рабочего движения, но, когда началась Первая мировая война, его взгляды радикализировались, в его высказываниях стала преобладать шовинистическая риторика, а его анализ капитализма свелся к культурной критике современного мира. Из-за этого ученый оказался в академической изоляции, и Ленгер в своей статье анализирует, в какой степени Зомбарту удалось или не удалось вернуться к более научной позиции после 1918 г. [ibid.].

До войны Зомбарт был популярным автором и влиятельной фигурой в немецкой социологии. Он вместе с Вебером и другими ведущими учеными редактировал важнейший немецкий журнал по социальным наукам «Архив социальной науки и социальной политики» (*Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*) и входил в состав правления Немецкого социологического общества. Отправной точкой его очевидного отдаления от академического мира Ленгер называет работу 1915 г. «Торгаши и герои»¹.

Если в своих ранних работах о капитализме он ввел понятие экономического рационализма как центрального элемента капиталистического духа, формулируя этот аргумент относительно нейтрально, то в последующем он стал определять рационализм с явной ценностной окраской как типичный элемент еврейской жизни и религии. Он характеризовал экономический рационализм как тип холодного интеллектуализма, противостоящий «теплому» (немецкому) разуму [Lenger, 2024, p. 367]. Капитализм, как он теперь стал утверждать, был ответственен за ошибочную иерархию ценностей, которая выстраивалась вокруг количественных показа-

¹ *Sombart W. Händler und Helden: Patriotische Besinnungen.* – Munich: Duncker & Humblot, 1915. – 180 S. Русский перевод см. в книге: *Зомбарт В. Торгаши и герои: раздумья патриота. Евреи и экономика.* – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2022. – 653 с.

телей потребления и комфорта вместо идеалистических порывов [Lenger, 2024, p. 367].

На этом фоне радикализация взглядов Зомбарта с началом Первой мировой войны не была удивительной. Ленгер пишет, что поскольку культурный упадок, заставивший Зомбарта отчаяться, был результатом капиталистического развития, глубокий смысл разразившейся войны казался ему очевидным: Германия Зомбарта должна была стать «последним барьером на пути грязевого потока торгашества» [ibid.]. Основным приверженцем торгашества и, соответственно, главным врагом выступала Англия, а немцы как «избранный народ этого века» должны были быть воинами, поскольку это позволит им оставаться героями [ibid., p. 368]. В итоге для Зомбарта, в условиях усиливающегося доминирования обезличенных и бюрократических структур позднего капитализма, только автаркия страны и возвращение к простоте жизни крестьян и ремесленников могли спасти немцев. Эти идеи стали мостиком к его более позднему увлечению фашизмом [ibid., p. 363–364].

Послевоенное творчество Зомбарта, как отмечает Ленгер, характеризуется двумя основными принципами. Первый: капитализм и социализм в равной степени подвержены холодному рационализму, который он презирал. Второй: презрение к массам, которое выразилось в отстаивании авторитарного правления и легло в основу его политической программы [Lenger, 2024, p. 371–372]. Таким образом, Зомбарт продолжил нападать на «еврейско-интернационально-социал-демократическую тенденцию» [цит. по: ibid., p. 370]. Социалистическое движение (включая социалистических мыслителей, в которых он разоблачал буржуазных деклассированных представителей, компенсировавших свои неудачи через политику) тоже было подвергнуто им резкой критике.

Ленгер полагает, что, говоря о влиянии Первой мировой войны на работу ведущих социологов, необходимо подчеркнуть, что в случае с Зомбартом война сыграла роль катализатора, а не причины, поскольку его «поворот» к тем идеям, которые он стал высказывать во время и после войны, уже случился около 1903 г. [Lenger, 2024, p. 372].

Дихотомия «общность – общество» Фердинанда Тённиса (1855–1936) и Первая мировая война

Нил Бонд (Университет Лион 2, Франция; Университет Йоханнесбурга, ЮАР) в своей статье рассматривает, как дихотомия

Фердинанда Тённиса «общность – общество» была использована для понимания и формирования социальной реальности во время и после Первой мировой войны [Bond, 2024]. *Gemeinschaft* (общность), отмечает автор, оказался одним из наиболее важных терминов для мобилизации национализма и военных усилий в Германии, который Тённис противопоставлял (капиталистическому, современному, западному) *Gesellschaft* (обществу) [ibid., p. 376].

Тённис родился в 1855 г. в Ольденсворте, в немецкоязычном герцогстве Шлезвиг, находившемся под управлением Дании, а умер в 1936 г. в Киле, в нацистской Германии. На протяжении жизни он имел амбивалентные отношения с немецким национализмом. В 1864 г. герцогство перешло под протекторат Пруссии и Австрии, а в 1866 г. было включено в состав Германской империи, после чего население было лишено своей автономии. Это, как полагает Бонд, частично объясняет враждебность Тённиса к Пруссии большую часть его жизни, за исключением периода Первой мировой войны, когда он выступил в защиту Германии с довольно шовинистических позиций [Bond, 2024, p. 377]. В 1914 г. немецкое правительство назначило его эмиссаром для продвижения немецких военных инициатив в нейтральных Дании и Швеции. В конце жизни он дистанцировался от немецкого национализма, и за критический настрой нацисты уволили его с гражданской службы и лишили пенсии. Бонд называет Тённиса сентиментально консервативным мыслителем и осторожным реформатором, чье космополитическое мышление было обязано как критической форме либерализма, унаследованной от англоязычной социальной теории, так и радикализму Карла Маркса [ibid., p. 377].

Раннюю немецкую социальную теорию характеризовало внимание к пониманию основ общности как чувства общей принадлежности или преданности индивида целому – в отличие от французской (дюркгеймовской), которая больше фокусировалась на разделении функций и обменах. Дихотомия Тённиса и вариации на эту тему стали важным элементом при объяснении специфики наций. Тённис, как отмечает Бонд, не утверждал, что Германия обладает монополией на культуру, но в 1887 году он предположил, что США лишены национального характера, и это привело к представлению о том, что степень общности зависит от национальности [Bond, 2024, p. 376].

Термин *Gemeinschaft* был связан с немецкими романтиками и их стремлением к свободе и единству, в то время как *Gesellschaft* отражал современную тенденцию к индивидуализации и эгоизму.

При этом в иерархии человеческих отношений на вершине находятся отношения, которыми люди обладают от рождения, т.е. отношения в *Gemeinschaft*. Первая мировая война, таким образом, порождала ассоциации с тем, что люди наконец-то отвернутся от эгоистичного индивидуализма, чтобы принять высшие жертвы ради нации [Bond, 2024, p. 378–379]. Так во время Первой мировой войны Тённис нашел союзников среди консерваторов, для которых дихотомия Тённиса была удобным и полезным идеологическим инструментом.

Занимая патриотическую позицию в период работы эмиссаром в Скандинавии, Тённис публиковал работы, в которых он утверждал, что за предыдущие 43 года мира Германия не предпринимала никаких попыток поставить другое государство в зависимость посредством союзов и уступок, и критиковал британскую внешнюю политику и британскую политическую систему как непредставительные для народа [Bond, 2024, p. 379]. Но при этом он выступал против дальнейшего расширения Германской империи через аннексии. Примерно с середины Первой мировой войны до середины 1920-х годов Тённис сконцентрировался на поиске обоснований невинности Германии в развязывании войны, обвиняя в этом сначала Великобританию, а затем русского царя [ibid., p. 382].

Влияние Первой мировой войны на Тённиса с точки зрения его социальной теории, как заключает Бонд, на первый взгляд было незначительным: послевоенные издания «Общности и общества»¹ были лишь немного пересмотрены. В издании 1922 г. Тённис добавил, что если призывы к установлению общности со ссылками на его работы становились все громче после ужасных потрясений, которые пережила капиталистическая мировая система *Gesellschaft*, новая общность должна основываться на жизнеспособном принципе, таком как принцип автаркических кооперативов, при условии, что они не будут сведены исключительно к коммерческой бизнес-модели [Bond, 2024, p. 379]. Одним из идейных последствий увлечения немецких интеллектуалов дихотомией Тённиса стало то, что они были склонны верить, что жертвенный героизм был характерен только для немецкой *Gemeinschaft*, а меркантильное преследование личной выгоды – для западной *Gesell-*

¹ См. русский перевод: Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / пер. с немецкого Д.В. Складнева. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. – 452 с.

schaft [Bond, 2024, p. 384]. Во многом из этого еще во время Первой мировой войны родилась идеологическая концепция *Volks-gemeinschaft* («народная общность», «народное единство»), которая затем активно использовалась в государственной пропаганде Третьего рейха.

Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа (1868–1963) о расовых аспектах Первой мировой войны

Чэд Уильямс (Университет Брандейса, США) посвятил свою статью тому значительному влиянию, которое Первая мировая война оказала на жизнь, интеллектуальную работу и политическую эволюцию У.Э.Б. Дюбуа – одного из самых известных афроамериканских ученых и активистов своего времени [Williams, 2024]. Война, как отмечает автор, стала одним из важнейших и противоречивых моментов в его долгой жизни [ibid., p. 390]. Дюбуа разработал оригинальную теорию войны, в основе которой лежали его личный опыт как темнокожего американского ученого и понимание расы и дискриминации по цвету кожи как глобальных исторических и социологических феноменов [ibid.].

Работая в Университете Атланты (США) на позиции профессора социологии, Дюбуа занимался сбором и обнародованием данных для опровержения расистских заблуждений о темнокожих людях, их человеческих качествах и их способности быть полноправными гражданами. Его научная работа постепенно неразделимо переплелась с политическим активизмом. В 1909 г. Дюбуа покинул Атланту, чтобы принять участие в основании Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP) в Нью-Йорке и стать редактором ее журнала *The Crisis* [Williams, 2024, p. 391].

Первую мировую войну Дюбуа назвал «внезапным крахом цивилизации» [цит. по: Williams, 2024, p. 391], до ее начала полагая, что из-за крепких экономических и культурных связей между нациями всеобщая европейская война невозможна. Воспоминания Дюбуа, отмечает Уильямс, показывают его «заокеанскую» наивность, корни которой уходят в веру в европейскую рациональность и цивилизацию Просвещения [ibid.]. Тем не менее его взгляд со стороны позволил проницательно увидеть в войне то, что упускали европейские мыслители. В ноябрьском выпуске *The Crisis* за 1914 г.

он написал статью «Мировая война и цветной барьер»¹, в которой назвал войну «одной из величайших катастроф, вызванных расовыми предрассудками и предрассудками из-за цвета кожи», отметив, что она «предвещает большие катастрофы в будущем» [цит. по: Williams, 2024, p. 391]. Дюбуа утверждал, что причины войны кроются в «дикой жажде имперской экспансии» среди европейских воюющих сторон [цит. по: *ibid.*]. Он развил эту мысль об «африканских корнях войны» в своих последующих публикациях, доказывая, что в основе имперской жадности Европы лежит представление о неполноценности темнокожих народов и непризнание их прав. Конкуренция за эксплуатацию Африки и получение торгово-имперской добычи довела национальные соперничества до такой степени, что разразилась европейская гражданская война, полагал Дюбуа [*ibid.*, p. 392].

Вступление США в войну в 1917 г. стало испытанием для пацифизма Дюбуа, но он принял решение поддержать призыв Вудро Вильсона сделать мир «безопасным для демократии» [Williams, 2024, p. 392]. Дюбуа, используя свой моральный авторитет, призвал сторонников на время войны забыть обиды и сплотиться перед общим врагом. Некоторые активисты после этого обвинили его в отступничестве от борьбы за права темнокожих. Десятилетия спустя он говорил: «Я не верил в войну, но я думал, что в сражении вместе с Америкой против милитаризма и за демократию мы будем бороться за освобождение негроидной расы» [цит. по: *ibid.*].

В октябре 1918 г. на одном из заседаний руководства *NAACP* была озвучена идея организовать и провести полномасштабное исследование участия афроамериканских солдат в Первой мировой войне и выпустить книгу об этом к концу боевых действий. Дюбуа возглавил этот проект и 1 декабря 1918 г. отплыл во Францию для проведения полевых исследований и сбора данных. Он посетил лагерь темнокожих солдат 92-й дивизии в городе Марон, остановившись в доме французской пары, которая потеряла четырех сыновей на войне [Williams, 2024, p. 394]. От солдат-афроамериканцев он услышал множество гнетущих рассказов и сам был свидетелем их дискриминации со стороны офицерского состава. В итоге, по его воспоминаниям, он вернулся из этой поездки «полностью сломленным и потрясенным» [цит. по: *ibid.*, p. 395]. Он «столкнулся с

¹ *Du Bois W.E.B. World war and the color line // The crisis. – 1914. – Vol. 9, N 1. – P. 28–30.*

проблемой того, как примирить свою поддержку войны с ее разрушениями, свидетелем которых он был, и страшными доказательствами, которые он накопил», резюмирует Уильямс [Williams, 2024, p. 395].

Собранные материалы должны были быть опубликованы в книге Дюбуа под рабочим названием «Темнокожий человек и израненный мир» (“*The black man and the wounded world*”). Основная идея книги заключалась в том, чтобы на конкретных эмпирических данных, используя качественные и количественные методы, показать: «война продемонстрировала, что для темнокожих людей даже патриотическая лояльность, гражданский долг и пролитие крови за нацию были недостаточны для преодоления сил превосходства белой расы и расовой ненависти» [Williams, 2024, p. 397–398]. Несмотря на то, что Дюбуа посвятил более двух десятилетий работе над исследованием и написанием рукописи из 21 главы и более 800 страниц, его *magnum opus* об опыте темнокожих в войне остался незавершенным и так и не был опубликован [ibid., p. 399].

Первая мировая война разрушила веру Дюбуа в реформаторскую силу безоговорочного патриотизма и ограниченного национализма как способов улучшить жизнь афроамериканцев. Его расчет на то, что демонстрация лояльности со стороны темнокожих уменьшит расовые предрассудки и поможет в борьбе за гражданские права, оказался трагически неверным. В итоге анализ войны стал для Дюбуа ключом к более жесткой социологической концептуализации расы в 1930-х и 1940-х годах как структурного феномена, укорененного в материальной и физической эксплуатации темнокожих [Williams, 2024, p. 400].

Джордж Герберт Мид (1863–1931) о враждебности людей, наднациональных институтах и международном обществе

В статье Дэниела Р. Хюбнера (Университет Северной Каролины в Гринсборо, США) научное творчество Джорджа Герберта Мида, которого традиционно считают микросоциологическим теоретиком, представлено с точки зрения его вклада в макросоциологический анализ [Huebner, 2024]. В последние годы, отмечает Хюбнер, взгляд на работы Мида стал меняться, отчасти потому что были переоткрыты и переосмыслены его тексты, связанные с Первой мировой войной [ibid., p. 407]. В статье утверждается, что опыт личного переживания войны поспособствовал макросоциоло-

логическим дополнениям к мидовским рассуждениям о социальном Я и символах [Huebner, 2024].

Когда 1 августа 1914 г. Германия объявила о начале войны, единственный ребенок семьи Мидов Генри находился в Мюнхене, собираясь поступить там в аспирантуру (сам Дж.Г. Мид в 1888–1891 гг. тоже учился в Германии) и работать по приглашению в должности исполняющего обязанности главы берлинского бюро новостей газеты *Chicago Daily News*. Но война нарушила эти планы. Когда США 6 апреля 1917 г. объявили Германии войну, 24-летний Генри Мид в первые недели мобилизации записался на офицерские курсы, а летом 1918 г. был отправлен во Францию. Самый драматичный личный эпизод военного периода для семьи Мидов произошел осенью 1918 г. [Huebner, 2024, p. 412]. Генри получил боевое ранение, но родители узнали об этом только через три недели после случившегося, поскольку между ними на тот момент отсутствовала регулярная коммуникация. Больше месяца Генри провел в полевом госпитале, восстанавливаясь после ранения и борясь с инфекцией, из-за которой он был прикован к постели. После выздоровления он вернулся в свою часть и остался в Европе.

Дж.Г. Мид во время войны вел активную общественно-просветительскую деятельность. К осени 1917 г. Чикагский университет, в котором он работал, начал заметно меняться: все больше студентов и преподавателей мобилизовывались, а университетские кампусы перепрофилировались в военно-учебные полигоны. По всей стране оказывалось общественное давление на высшее образование, чтобы оно внесло свой вклад в «военную службу» [ibid., p. 411]. Мид участвовал в работе университетского «Комитета по связям с общественностью», где он, например, вел подготовку публикаций, излагающих результаты анализа международного рабочего движения, германского милитаризма и демократических идеалов, которые США должны отстаивать [ibid.]. Он также активно участвовал в работе общественных организаций Чикаго. В 1918 г. Мида пригласили на государственную службу в качестве регионального директора «Курса по военным вопросам» для Студенческого армейского учебного корпуса (SATC). С октября по декабрь 1918 г. он ездил по колледжам Канзаса, Миссури и Колорадо, читал лекции и инспектировал учебные программы обучения будущих специалистов по культуре и истории Европы и причинам войны. Он также обсуждал усилия по продолжению преподавания таких курсов «гражданства» после войны с целью «привить обу-

чающемуся чувство жизни страны и его места в ней» [цит. по: Huebner, 2024, p. 413].

На начальных этапах Первой мировой войны тема войны прямо и косвенно поднималась Мидом в его научных работах. Например, говоря о политических институтах в статье «Естественные права и теория политических институтов»¹, Мид определил их как «социальные механизмы, которые способствуют расширению социальных отношений и взаимно обязывающих социальных контролей за пределы непосредственных контактов» [Huebner, 2024, p. 408]. Таким образом, институты зависят от предсуществования более широких кооперативных социальных процессов, не ограниченных эксплицитными международными законами или социальными границами [ibid.]. При этом без международных институтов не было бы формального социального контроля над противоречиями и враждебностью, которые возникают в таких отношениях [ibid.]. Милитаристские социальные установки, по Миду, оживляли и структурировали отношения, а институты, развившиеся между нациями, предполагали милитаристскую ориентацию по умолчанию. Хьюбнер полагает, что благодаря такой точке зрения Мид мог сначала выступать за то чтобы США не вступали в войну, а затем за то чтобы страна безоговорочно воевала, поскольку так можно быстро положить конец войне и работать над созданием международного общества, которое могло бы разрешать споры через демократические процессы [ibid., p. 409].

Еще одно направление научной работы Мида в период Первой мировой войны было связано с исследованиями по социальной психологии патриотизма или национализма с целью объяснить, как эти солидаризирующие силы дают людям чувство «идентификации», «слияния» или «потери» себя по отношению к другим [Huebner, 2024, p. 409]. Мид называл этот феномен первым «духовным дивидендом» войны. Он утверждал, что то, что со стороны выглядит как «самопожертвование» участников, на самом деле является более полной их «самореализацией» [ibid.].

Хьюбнер отмечает, что к 1917 г. Мид и многие другие его коллеги заняли интеллектуальную позицию, которая принимала

¹ Mead G.H. Natural rights and the theory of the political institution // Journal of philosophy. – 1915. – Vol. 12, N 6. – P. 141–155. См. русский перевод: Мид Дж. Г. Естественные права и теория политических институтов / пер. с англ. В.Г. Николаева // Личность. Культура. Общество. – 2016. – Т. 18, вып. 3/4, № 91–92. – С. 26–39.

войну как уже свершившийся факт. Хоть война и противоречила их пацифистско-интернационалистическим принципам, это не означало, что ее можно было отрицать. США, по мнению Мида, столкнулись с дилеммой: либо уступить надежды на международное общество империалистическому контролю германского милитаризма, либо взять на себя ответственность защищать и реконструировать международное общество, исходя из демократических оснований, что могло бы институционализировать способы мирного разрешения конфликтов в будущем [Huebner, 2024, p. 410]. Исходя из этого Мида иногда называют предвестником «теории демократического мира». Он также активно выступал за создание наднациональных институтов, например Лиги наций [ibid.].

В мае 1918 г. Мид признавал, что масштабы и значимость войны привели не только к формированию нового международного порядка, но и к новым установлениям государственной власти, укрепившей обеспечение внутренних «стандартов жизни» (включая заработную плату, жилье, всеобщее избирательное право, контроль над болезнями и т.д.) [Huebner, 2024, p. 412]. Война, полагал он, показала, как сообщество в целом может быть приведено в движение для масштабных и постоянных усилий [ibid.].

В последующем, уже ближе к концу войны, Мид более подробно обосновал свою «военно-антивоенную» позицию. Он был сторонником международного мира и демократии, но тем не менее признавал практические реалии войны и необходимость обеспечить такое ее протекание, чтобы высвобожденные ею силы не разрушили условия мира и демократии [Huebner, 2024, p. 414]. Он также рассматривал вопрос отказа граждан от участия в войне и пришел к выводу, что демократическое государство как выражение воли сообщества имело право призывать граждан к жертвенности и даже отменять обычные ограничения свобод, когда выживание сообщества находилось под угрозой [ibid.]. Хотя при этом не отрицалось, что социализированная совесть индивида может конфликтовать с этими требованиями. В этом смысле воинская обязанность похожа на требование платить налоги, даже если кто-то не согласен с тем, на что они идут [ibid.]. Отсюда следует, что по отношению к войне в демократическом государстве у гражданина есть «право на пропаганду» как ненасильственное сопротивление несправедливым законам или действиям правительства, но не «право на отказ» [ibid.].

Мида также занимал вопрос о природе индивидуальной и коллективной враждебности. Он считал враждебность эволюцион-

ным человеческим импульсом, который встречается во всех формах самоутверждения и даже в таких, казалось бы, просоциальных установках, как родительская забота о детях [Huebner, 2024, p. 414]. Опыт коллективной враждебности, направленной на врага, опасно привлекателен, потому что он активизирует эти глубокие, социальные корни личности; люди, находящиеся под властью таких импульсов, наслаждаются чувствами коллективного самоутверждения [ibid.]. Но война, по Миду, не сводится механически к уровню фиксированного «инстинкта враждебности». Мид настаивал на том, что для понимания войны необходимо исследовать, «как исторически меняющиеся социальные структуры направляют и формируют человеческие импульсы в те формы выражения, которые они принимают в определенное время и в определенных местах» [ibid., p. 415].

Хьюбнер пишет, что итоговый синтез взглядов Мида на войну и международное общество был опубликован только в 1929 г.¹ [Huebner, 2024, p. 416]. Мид опирался на идею своего наставника Уильяма Джеймса о «моральном эквиваленте войны». Джеймс утверждал, что война психологически привлекательна, потому что она вызывает неискоренимые естественные импульсы агрессии и доминирования, которые никак иначе не удовлетворяются в современной социальной жизни. Но, учитывая неприемлемую разрушительность войны, необходимо найти конструктивные альтернативные выходы, которые бы позволили выразить такие импульсы [ibid.]. Решение этой проблемы у Джеймса заключалось в создании национальной программы всеобщей обязательной службы, но Мид с этим не согласился, поскольку, как он считал, это способ «произвести» и установить «культ» порядка, вместо того чтобы концептуализировать то, как ценности и мотивы общества могли бы через органическое развитие функционально реструктурироваться изнутри, чтобы люди перестали рассматривать войну как вариант [ibid.].

Согласно Миду, существуют две основы для переживания социального единства: национальное «чувство», берущее начало в общности импульсов, над которыми индивиды не имеют прямого контроля; и «национальное сознание», возникающее из функциональных взаимосвязей, через которые люди могут осознавать себя, принимая роли других [Huebner, 2024, p. 416]. Отсюда следует, что

¹ Mead G.H. National-mindedness and international-mindedness // International journal of ethics. – 1929. – Vol. 39, N 4. – P. 385–407.

люди могут экспериментировать с социальными условиями, которые способствуют функциональной корректировке международных противоречий и, таким образом, создавать интернализированное социальное сознание себя как части международного сообщества взаимных отношений [Huebner, 2024, p. 417].

Торстейн Веблен (1857–1929) об экономических аспектах войны и мира

Чарльз Камик (Северо-Западный университет, США) в своей статье показал эволюцию взглядов Торстейна Веблена на проблемы мира и войны [Camic, 2024]. На момент вступления США в Первую мировую войну в 1917 г. Веблену было 60 лет, а в таком возрасте многие ученые либо публикуются все меньше, либо только уточняют в работах свои прежние выводы и аргументы. Но с Вебленом было по-другому. После начала войны в течение нескольких лет он опубликовал много новых текстов, в которых подробно исследовались вопросы войны и мира и пересматривались его предыдущие теоретические взгляды. Важно и то, что из-за войны Веблен обратился к решению практических задач социальной политики, хотя ранее он решительно настаивал на том, что эта область находится за пределами компетенций социологов.

Основная часть научного творчества Веблена связана с формулированием принципов эволюционной и институциональной экономики и критикой классической и маржиналистской экономики. В частности, он критиковал маржиналистскую теорию распределения, которая, как он считал, ошибочно видела в богатстве награду за продуктивный человеческий труд, а не расточительное поведение паразитических элит. Согласно его «теории праздного класса», богатые люди не усиленно трудятся, а, наоборот, предаются социально непродуктивным практикам потребления [Camic, 2024, p. 423]. Продолжая развивать эти идеи, в своей книге «Теория делового предприятия»¹ он предложил фундаментальное различие продуктивной «промышленной» деятельности, выполняемой большинством людей на благо «сообщества в целом», и непродуктивной «финансовой» деятельности, практикуемой немногочисленной элитой владельцев частной собственности [ibid.].

¹ *Veblen T. The theory of business enterprise. – New York: Scribner's, 1904. – 408 p. См. русский перевод: Веблен Т. Теория делового предприятия / пер. с англ. М.Я. Каждана. – Москва: Дело, 2007. – 288 с.*

Это различие использовалось в актуальных для того времени дебатах о государственном регулировании, тарифах, налогообложении, но Веблен от них дистанцировался, считая, что цель социальных наук, как и естественных наук, – «стремление к знанию ради самого бездействующего знания» [цит. по: Camic, 2024, p. 423]. Веблен выступал за бескорыстный и ценностно-нейтральный научный поиск знаний об эмпирических фактах и каузальных теориях, которые порождаются этими фактами. Хотя такие знания могут иметь практическое значение и последствия для политики, работа в «практической плоскости» не является прерогативой ученого, и она не должна быть движущей силой его исследования [ibid., p. 424].

В начале войны Веблен занимал, скорее, пацифистскую позицию, но по мере усиления конфликта он стал резко критиковать официальную политику нейтралитета президента Вудро Вильсона, открыто призвал США вступить в войну и осудил милитаристские тенденции «Имперской Германии» [Camic, 2024, p. 424–425]. Исследуя причины войны, он поставил вопрос о сравнении двух стран: почему Англия была первой европейской страной, которая индустриализировалась, тогда как Германия была отстающей с ее промышленной системой? [ibid., p. 425]. Довоенный ответ Веблена-институционалиста, как можно предположить, был бы основан на выявлении совокупности институциональных различий между двумя нациями. Но теперь Веблен делает следующий шаг, указывая на фундаментальную роль политических и культурных институтов. Хотя при этом он по-разному отвечает на вопрос о том, какие именно факторы – экономические, политические или культурные – имеют большее историческое влияние [ibid., p. 425].

Камик показывает, что внимание Веблена, когда он рассматривает позднее развитие немецкой индустриализации, чаще всего обращено на роль политических факторов, особенно на многовековую «воинственную злобу» прусских князей, а также чиновников в бюрократии имперского государства; их постоянные, истощающие ресурсы усилия по созданию и сохранению правящей династии; их стремление к достижению всеми средствами амбиций по «господству» на территории, несмотря на то что эти действия значительно препятствовали развитию технологий и промышленному росту [Camic, 2024, p. 425–426]. Веблен противопоставляет негативное экономическое воздействие «воинственной государственности» Пруссии с ее духом долга и повиновения государственным властям позитивному воздействию более мирных, демократи-

чески организованных политических институтов Англии с ее ценностями народной автономии и частной инициативы [Саміс, 2024, р. 426].

Из этих выводов рождается вебленовская сравнительно-историческая теория войны и мира. Веблен полагает, что династические государства с их имперскими интересами и варварским «хищническим происхождением» были по своей сути «воинственными образованиями» [Саміс, 2024, р. 426]. Чтобы сохранять свои режимы, правителям нужна была более широкая и прочная база поддержки от своих подданных, основанная как на материальных интересах, так и на «духовной основе моральных настроений» [ibid.]. Но в XVII в. «моральная санкция сообщества», выражавшаяся в династической лояльности, национальной чести и патриотизме, стала трансформироваться. Сообщества стали скрепляться, скорее, на основе взаимных интересов, а не по воле начальника или правителя. Иными словами, произошел культурный сдвиг от устаревшего династического государства к демократически устроенным правительствам [ibid., р. 426–427]. Германии при этом не хватало «культурной зрелости», однако Веблен допустил, что немецкое государство может догнать своих соседей в культурном отношении. Тем не менее перспективы мира для него оставались неопределенными, поскольку с ростом науки и технологий многие европейские нации скапливали мощные вооружения и продолжали быть связанными с дестабилизирующими экономическими силами, особенно с хищническими действиями бизнес-элит и других собственников на национальном и международном уровнях [ibid., р. 427].

Война поменяла отношение Веблена к участию ученых в разработке практических рекомендаций для решения социальных проблем. Он, в частности, принял участие в работе нью-йоркского «Хаус-исследования» (House Inquiry) – неправительственной организации, задуманной президентом Вильсоном и его советником, полковником Эдвардом Хаусом. Организация состояла из консорциума академических социальных ученых и публичных интеллектуалов, которым было поручено собирать информацию, готовить предложения и разрабатывать способы построения и поддержания международного мира, когда наступит послевоенная эпоха [Саміс, 2024, р. 426]. Веблен в рамках подготовки экспертно-аналитических материалов для этой организации выступал за создание в будущем демократической федерации США, европейских государств и других народов. Веблен также с 1918 г. занимал должность

«специального следователя» в Статистическом отделе Управления по продовольствию США, где в круг его задач входила разработка мер по решению проблемы нехватки рабочей силы в американском сельскохозяйственном секторе в военное и послевоенное время [Camic, 2024, p. 429]. Веблен, в частности, предлагал перенаправить рабочую силу, которая была занята у торговцев в продажах, маркетинге, банковской сфере, недвижимости и т.п., на фермы в зерновые штаты [ibid., p. 430].

В целях послевоенной реконструкции Веблен также призывал к ограничению власти корыстных интересов «паразитических элит» через передачу полномочий «в руки централизованного контроля» со стороны инженеров, которые могли бы управлять промышленностью «как предприятием общественного пользования» [Camic, 2024, p. 433].

Роберт Эзра Парк (1864–1944): «Что могут сделать социологи для решения проблем нынешней военной ситуации?»

Питер Кивисто (Колледж Августана, США) считает, что отношение Роберта Парка к Первой мировой войне можно понять, если рассмотреть пять его статей, написанных как до начала этой войны, так и почти в конце его жизни [Kivisto, 2024]. Обращаясь к временному интервалу с 1900 по 1943 г., П. Кивисто отмечает, что хотя в совокупности эти статьи не составляют исчерпывающего описания войны, надо иметь в виду, что Парк планировал подытожить «проблему войны и мира» в книге в соавторстве со своим сыном Эдвардом [ibid., p. 437–438]. Однако такая книга так и не была подготовлена.

Первая работа Парка на военную тему была написана им за 14 лет до начала Первой мировой войны. В 1900 г., обучаясь в аспирантуре в Германии, он опубликовал журналистскую статью «Немецкая армия: самая совершенная военная организация в мире»¹. В его повествовании заслуга создания «самой эффективной боевой машины из существующих» в тот период принадлежала начальнику штаба генералу фон Мольтке, который считался талантливым и изобретательным тактиком на поле боя, хорошо понимавшим важность технологических достижений для современной войны [Kivisto, 2024, p. 439]. И речь шла не только об оружии

¹ Park R.E. The German army: the most perfect military organization in the world // Munsey's magazine. – 1900. – Vol. 24, N 3. – P. 376–395.

и военной технике, но и о современных коммуникациях и транспортной инфраструктуре. Новые технологии были также важны для формирования общественного мнения во время войны, которая требовала проведения пропагандистских кампаний, направленных на мобилизацию граждан в поддержку боевых действий [Kivisto, 2024, p. 439].

Парк писал о том, что фон Мольтке обосновал оборонительный характер необходимости сильной армии: географическое положение Германии между великими державами и отсутствие «запасного выхода» означали, что вечная боевая готовность была неизбежностью, а не выбором [Kivisto, 2024, p. 440]. Фон Мольтке также считал, что действия Германии не должны были быть ограничены международными нормами, и что война должна вестись не только на поле боя, но и нацеливаться на все средства и ресурсы, которыми обладает враг (финансы, железные дороги, продовольственное снабжение и даже его престиж) [ibid.]. Для фон Мольтке «Вечный мир – это всего лишь мечта <...> Без войны мир впал бы в упадок и потерялся бы в материализме» [цит. по: ibid.]. Вероятно, в этих взглядах фон Мольтке Парк предвидел возникновение в будущем «тотальных войн».

Следующий текст Парка на военную тему был написан уже в разгар Первой мировой войны (это была его единственная работа о войне, опубликованная во время той войны). Редактор *American Journal of Sociology* Альбион Смолл разослал письма 100 социологам, попросив их написать эссе объемом 300–500 слов с ответом на вопрос: «Что могут сделать социологи для решения проблем нынешней военной ситуации?» [Kivisto, 2024, p. 440]. Парк, отвечая на поставленный вопрос, оказался среди тех, говорил о роли социологии, которую она могла бы сыграть, продвигая полезные исследовательские повестки [ibid.].

Свой ответ, озаглавленный как «Социальные науки и война»¹, Парк начал с утверждения о том, что «социальные науки не выйдут нетронутыми из мировой войны» [цит. по: Kivisto, 2024, p. 440], и предположил, что существующее разделение социальных наук будет трансформироваться. Парк писал, что война ускорила процесс переопределения роли государства, и что «с появлением промышленного государства, организованного политически и экономически для международной конкуренции и международной

¹ Park R. The social sciences and the war // *American journal of sociology*. – 1917. – Vol. 23, N 1. – P. 64–66.

войны, сцена меняется» [цит. по: *ibid.*, p. 441]. Следовательно, социальные проблемы должны восприниматься в коллективных, а не в индивидуалистических категориях, и все более ошибочным становится разделять проблемы на экономические, политические или социальные. Скорее, социальные проблемы фундаментально переплетены друг с другом, считал Парк, а социология как развивающаяся наука об обществе способна понять «исторические силы, действующие в нас и через нас» [цит. по: *ibid.*]. В текущей военной ситуации Парк предложил социологам взять на себя задачу выявления актуальных проблем, которые породил нынешний кризис, утверждая, что «административные изменения, сделанные в условиях войны, можно рассматривать как полезные эксперименты» [цит. по: *ibid.*].

Следующая рассматриваемая в статье Кивисто работа, «Иммигрантская пресса и ее контроль»¹, является примером представления Парка о том, на что нацелено социологическое исследование, направленное на решение актуальных социальных проблем. Парка заинтересовала роль иммигрантских газет во время войны в условиях, когда стали подниматься вопросы о потенциальной двойной лояльности, влиянии враждующих государств на иммигрантскую прессу и действиях, предпринимаемых правительством США в ответ [Kivisto, 2024, p. 441]. Парк с пониманием относился к желанию иммигрантов оставаться привязанными к своим культурным корням и видел в газетах одно из средств сохранения их наследия. Но война усложнила роль коммуникативных институтов, которые теперь могли использоваться в качестве «источников разногласий и волнений» и потенциально могли «изменить характер войн» [цит. по: *ibid.*]. В США пропагандистская кампания, запущенная Германией, была направлена на две аудитории: немецких американцев и широкую американскую общественность. До вступления США в войну, как показал Парк, цели немецкой пропагандистской кампании включали подогрев нежелания отправлять вооружение союзникам, поощрение пацифизма и американского изоляционизма, а также убеждение общественного мнения в пользу «немецкой точки зрения» [*ibid.*, p. 442]. Только ближе к концу войны правительство США предприняло шаги по контролю над иммигрантской прессой.

¹ Park R. The immigrant press and its control. – New York: Harper & brothers, 1922. – 488 p.

Две свои последние статьи о войне Парк написал во время Второй мировой войны. В статье «Социальная функция войны»¹ он называет войну «нашей социальной проблемой № 1» [цит. по: Kivisto, 2024, p. 443], которую так и не удалось решить. Война описывается им как политический институт в процессе, т.е. институт с неопределенной функцией и структурой, не закрепленной в обычаях и традициях; или, по-другому, – как политика в ее первоначальной, неинституциональной и нерациональной форме. Парк выделил три функции войны: расширение территории, на которой можно поддерживать мир; создание нового порядка на этой территории; установление идеологии, которая рационализирует и обосновывает принятие этого порядка. Он также обратил внимание на то, что Вторая мировая война, в отличие от Первой мировой, была «идеологической войной – войной за установление нового порядка» [цит. по: *ibid.*].

В статье «Расовые идеологии»² Парк изучил связь между расовыми идеологиями и войной, что можно сопоставить с исследовательскими интересами Дюбуа. Парк задался вопросом, смогут ли США достичь национальной солидарности при том, что история США – это история демократии господствующего народа. В идеале демократический социальный порядок должен выстроиться вокруг идеи о том, что люди друг другу – не хозяева и слуги, а братья, живущие в условиях добрососедской близости и взаимного понимания. Но Парк пессимистично заключил, что в США пока «слишком много расового сознания», чтобы это произошло в обозримом будущем [Kivisto, 2024, p. 443].

Марсель Мосс (1872–1950): продолжение научной работы после глубокой личной травмы

Марсель Фурнье (Университет Монреаля, Канада) полагает, что Первая мировая война стала глубоко травматичным событием и поворотным моментом в жизни и научной работе Марселя Мосса [Fournier, 2024]. Хотя Мосс сохранил преемственность с ранними работами (например постоянным оставался его интерес к кол-

¹ *Park R.* The social function of war: observations and notes // *American journal of sociology.* – 1941. – Vol. 46, N 4. – P. 551–570. См. русский перевод: *Парк Р.* Социальная функция войны: наблюдения и заметки / пер. с англ. С.П. Баньковской // *Социологическое обозрение.* – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 233–251.

² *Park R.E.* Racial ideologies // *American society in wartime* / ed. by W.F. Ogburn. – Chicago (IL): University of Chicago press, 1943. – P. 165–184.

лективным представлениям), опыт войны привел к расширению и перенаправлению некоторых тем его исследований. Мосс, в частности, начал активно изучать такие темы, как воинствующий национализм и международный социализм.

Фурнье отмечает, что до начала Первой мировой войны Мосс был пацифистом и интернационалистом [Fournier, 2024, p. 447]. В июне 1913 г., размышляя о франко-германском конфликте, он писал, что опасность войны не была предотвращена, и что Европа все еще находится в ситуации военного кризиса. Он сравнил конфликтующие нации с некоторыми примитивными племенами, в которых кланы постоянно бросали друг другу вызов и обменивались оскорблениями [ibid.]. Мосс признавал, что отношения между Францией и Германией были непростыми, но не соглашался с тем, что немцы и французы обречены на «вечный конфликт» [ibid., p. 448].

Когда началась Первая мировая война, французские социалисты отказались от своей пацифистской позиции и откликнулись на призыв отправиться на войну. 3 сентября 1914 г. Мосс записался добровольцем на военную службу и был прикреплен в качестве переводчика к Двадцать седьмой британской дивизии. На войне он начал писать книгу под названием «О политике». По задумке Мосса, в книге рассматривались бы следующие темы: 1) цивилизация (распространение торговли, технологий, религии, языка и т.д.); 2) морфологические явления (миграция, колонии, пути сообщения); 3) социальные явления (войны, колонизация и т.д.) [Fournier, 2024, p. 449]. Но книга так и не была им закончена.

Сильное потрясение Мосс испытал после смерти двоюродного брата Андре Дюркгейма 18 декабря 1915 г. В последующем Мосс сильно беспокоился за здоровье своего дяди – Эмиля Дюркгейма, после смерти которого в 1917 г. именно ему пришлось взять на себя решение многих задач для продолжения существования дюркгеймианской школы. В июне 1916 г. Мосс был переведен в Пятую австралийскую дивизию, которая на фронте понесла значительные потери в ходе продолжительных боев. Некоторые наблюдения за австралийскими солдатами Мосс затем использовал в своей известной работе 1936 г. «Техники тела»¹, в которой он ввел понятие «habitus».

¹ См.: Mauss M. Les techniques du corps // Sociologie et Anthropologie / ed. by M. Mauss. – 3 rd ed. – Paris: PUF, 1966. – P. 365–389. Русский перевод: Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной ан-

Проекты, которые Мосс разрабатывал в начале 1920-х годов, были интеллектуально и политически переплетены. Он задумал провести крупное исследование нации, основанное на рукописи книги, которую он начинал писать как солдат в 1915 г. В 1920 г. он представил ее первые фрагменты в докладе под названием «Проблема национальности» [Fournier, 2024, p. 451].

Мосс одобрил положения о репарациях и отмене долгов, которые французские солидаристы внесли в Версальский договор. Но Мосс также осознал, что юридическое оформление этой идеи само по себе не может восстановить чувство солидарности среди европейских народов. Для этого были необходимы более широкие системы политического союза и антропологические нормы дарения [Fournier, 2024, p. 451–452]. Мосс также внимательно относился к отношениям французской метрополии с колониями, настаивая на необходимости фундаментальной открытости обществ, пористости социальных границ и циркуляции товаров и идей как обмена [ibid., p. 452].

В 1930-е годы, как опытный активист и бывший солдат, Мосс снова стал сильно беспокоиться о будущем Европы. По его словам, существовал риск, что ситуация станет трагической. В эти годы он столкнулся со многими проблемами: осложнениями со здоровьем, тяжелой педагогической и административной работой, расколом внутри Французской секции Рабочего интернационала (SFIO) и ростом фашизма [Fournier, 2024, p. 453]. Мосс увидел в фашизме «возвращение к примитиву», и эта «регрессия» была «одной из горестей его жизни» [цит. по: ibid.].

Альфред Шюц (1899–1959): война, «чужак» и «возвращающийся домой»

Симон Лафонтен (Технический университет Берлина; Констанцкий университет, Германия) так же, как и некоторые другие авторы статей спецвыпуска, полагает, что травмирующие переживания Альфреда Шюца в Первой мировой войне, где он служил лейтенантом, оказали глубокое влияние на его интеллектуальные и политические взгляды, особенно на его идеи о «чужаке», «возвращающемся домой» и здравом смысле [Lafontaine, 2024].

Альфреду Шюцу было 17 лет, когда в 1917 г. он поступил на службу в австрийскую армию в качестве фенриха (лейтенанта). По воспоминаниям его жены Ильзе, Альфред в подростковом возрасте задумывался о самоубийстве из-за личностного кризиса, поэтому на войну он пошел не столько из-за чувства национальной гордости или поиска приключений (он вообще мог быть освобожден от службы из-за хронического воспаления уха), сколько из-за решимости умереть [Lafontaine, 2024, p. 458]. Во время службы Шюц участвовал в одних из самых ожесточенных артиллерийских боев и обстрелов Первой мировой войны, которые прошли в июне 1918 г. [ibid.]. Он пробыл на фронте десять месяцев, и об этом у него остались самые ужасные воспоминания. Лафонтен предлагает перепрочтение поздних работ Шюца с учетом наличия в них отпечатков этих событий, которые явно или неявно проявились в творчестве социолога.

Разбирая понятие «чужак», Лафонтен отмечает, что Шюц исследует критические ситуации и роковые события жизненного пути, особенно миграцию и возвращение домой, в которых чуждость (foreignness) вторгается в сферу личностного бытия (selfhood) [Lafontaine, 2024, p. 459–460]. Трудность всегда заключается в том, что у Я есть привилегированный доступ к собственным переживаниям, в то время как субъективное чувство другого опосредовано знаками, метками и символами, интерпретация которых основана на собственном запасе знаний и системе соотнесения (relevance) каждого [ibid., p. 460]. Согласно Шюцу, Я должно предполагать, что его намерения, мотивы и действия согласуются с намерениями, мотивами и действиями другого, по крайней мере, в обозримом будущем, даже несмотря на то, что они «всегда будут носить характер правдоподобия, т.е. субъективной вероятности» [цит. по: ibid.].

В эссе «Чужак»¹ Шюц подробно описывает проблему «встраивания» и последующего отчуждения от собственного Я, когда при столкновении различных культурных образцов возникают конфликты [Lafontaine, 2024, p. 460]. Лафонтен полагает, что хотя основные примеры в этом эссе взяты из опыта мигрантов

¹ Schuetz A. The stranger: an essay in social psychology // American journal of sociology. – 1944. – Vol. 49, N 6. – P. 499–507. См. русский перевод: Шюц А. Чужак: социально-психологический очерк / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 1998. – № 3. – С. 177–193.

(в том числе из личного опыта вынужденной эмиграции Шюца из Австрии в США после аншлюса в 1937 г.), в повествовании автора также отражается его отбытие из дома на фронт во время Первой мировой войны. В армии Шюц столкнулся со «странной амбивалентностью» жизни между дисциплинированным принуждением своих товарищей-солдат (ингруппы) и безудержным хаосом или бесчинствами, которые они должны были обрушить на врага (аут-группу) [ibid.]. Вступление в неизвестную группу подразумевает процесс самоотчуждения, в результате которого личность становится для себя чужой среди тех, кто являются чужими для нее. Присвоение культуры и истории группы, с которой происходит сближение, становится вызовом для понимания Я и другого, что часто приводит к дезориентации и беспокойству [ibid.].

Далее Лафонтен переходит к эссе Шюца «Возвращающийся домой»¹, которое, как он считает, более явно, но все еще аллюзивно, опирается на его опыт участия в Первой мировой войне, в частности на его чувство отчуждения по возвращении в Вену после службы в армии [Lafontaine, 2024, p. 462]. Дом представлен в этом эссе и как отправная точка, и как пункт назначения на собственном жизненном пути и в отношениях. В конечном счете дом относится к чувству убежища, легкости и благополучия, которое продолжаешь испытывать за пределами решений, отмененных не по своей воле, и переориентированных жизненных проектов [ibid., p. 462–463]. Вернувшись домой с фронта, Шюц столкнулся с молчанием окружающих и испытал ощущение предательства из-за того, что ему пришлось пережить [ibid., p. 463]. В своем эссе Шюц показывает, как возвращающийся домой солдат сбивается с толку из-за того, что его уникальный опыт войны «псевдотипизируется», и те, кто дома, преподносят ему «псевдорелевантность», из-за чего он оказывается укорененным в своем одиночестве [ibid., p. 464]. В итоге возвращающийся солдат может примириться с членами домашней группы, придерживаясь своей социальной роли ветерана с ее символами и ритуалами престижа как защитника родины,

¹ Schuetz A. The homcomer // American journal of sociology. – 1945. – Vol. 50, N 5. – P. 369–376. См. русский перевод: Шюц А. Возвращающийся домой // Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 207–221.

но он, в отличие от них, не может «освоить» их культурный образец и свободно участвовать в их обычном образе жизни [ibid.].

Лафонтен полагает, что цель Шюца состояла в том, чтобы обобщить свой собственный субъективный опыт и отчеты о жизни на фронте и проблемах ветеранов [Lafontaine, 2024, p. 466]. В целом эссе «Чужак» и «Возвращающийся домой» подчеркивают современный кризис социального и пространственного перемещения и опасность того, что перемещенные люди останутся в состоянии смятения и отчужденности друг от друга. Эти исследования, отмечает Лафонтен, служат примером обеспокоенности Шюца тем, что XX век ставит новые вызовы перед этической компетентностью и интегративными способностями здравого смысла [ibid., p. 458].

Критическое инакомыслие Антонио Грамши (1891–1937) и путь к революционному социализму через непреклонность

Завершает спецвыпуск статья Бабака Амини об Антонио Грамши. Автор утверждает, что журналистские работы Грамши, написанные в период Первой мировой войны, остаются менее изученными по сравнению с его более поздними «Тюремными тетрадами»¹, хотя именно войну можно считать точкой отсчета для его интеллектуального и политического пути [Amini, 2024]. Чтобы исправить этот недостаток, Амини описывает некоторые из центральных тем, которые Грамши исследовал в этот период. Амини полагает, что критическая социальная теория Грамши демонстрирует совершенно иную часть спектра интеллектуальной реакции на войну, чем та, которая представлена у видных консервативных и либеральных социальных теоретиков, особенно у классических социологов, которые защищали свою сторону в войне с националистических или даже расистских позиций [Amini, 2024, p. 472].

Грамши официально вступил в Итальянскую социалистическую партию (PSI) в 1913 г. С началом войны большинство членов партии выступили резко против войны и объявили нейтралитет своей официальной позицией, однако вскоре вокруг этого решения возникли бурные дебаты. Грамши поставил под сомнение позицию абсолютного нейтралитета, поскольку его беспокоило, что такая позиция может быть приемлемой на начальных этапах, но она по-

¹ См.: *Gramsci A. Letters from prison.* – London: Quartet books, 1979. – 302 p. Русский перевод: *Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая.* – Москва: Издательство политической литературы, 1991. – 560 с.

зволит итальянским либералам как правящему классу скрывать от социалистов свою неспособность мобилизовать страну для войны [Amini, 2024, p. 473–474]. По мнению Грамши, война могла бы «вернуть классовую борьбу в центр жизни нации», заставив буржуазию действовать и тем самым продемонстрировать свое бессилие в достижении своих целей [ibid., p. 474].

После первой реакции Грамши на военные действия затем около года он предпочел хранить молчание на эту тему и вновь вернулся к публицистической работе только тогда, когда Италия вступила в войну. С этого момента и до перемирия он опубликовал 965 текстов, к числу которых относятся не только социально-политические статьи, но и большое количество литературных, театральных и музыкальных рецензий [Amini, 2024, p. 474].

Называя либеральную демократию высшей степенью прогресса, достижимую при капитализме, Грамши видел неизбежность войн при таком режиме. Поэтому роль революционных социалистов, способствующих предотвращению капиталистических войн, заключалась, во-первых, в том, чтобы «все больше и больше укреплять свое движение для замены буржуазии, тем самым делая любую войну невозможной», а во-вторых, «предотвращать конкретные войны, срывая все уловки, разрушая заговоры паникеров, наемников военной промышленности...» [цит. по: Amini, 2024, p. 474–475]. В целом Грамши энергично критиковал итальянских либералов с политической, стратегической, исторической, моральной, культурной, эстетической и идеологической точек зрения как обладателей политической и экономической властью над страной и главных бенефициаров войны [цит. по: ibid., p. 476].

Далее Амини отмечает, что Грамши увидел в политике Вудро Вильсона и проекте Лиги Наций необходимые предпосылки для того чтобы мировой капитализм наилучшим образом адаптировался к требованиям современного производства и обмена [Amini, 2024, p. 476]. Он подметил движение США к статусу нового гегемона, назвав эту страну «возможно, величайшей силой в современной мировой истории, после России»; Вильсона и Ленина он называл «двумя политическими гениями, которых война выдвинула на передний план» [цит. по: ibid.]. При этом он исходил из того, что война создала условия, которые призвали либералов к ответу и могли выявить их недостатки, а социалисты в сложившихся условиях могли перехватить инициативу [ibid., p. 477]. Уже в первых военных работах Грамши революционный социализм изображался им как гармоничный новый порядок, при котором возможно орга-

ническое единство между дисциплиной и свободой, между организацией и автономией [Amini, 2024, p. 477].

Уникальность инакомыслия Грамши Амини связывает с используемым им понятием непреклонности (intransigence) [ibid., p. 480]. Непреклонность для Грамши была не просто лозунгом или политической стратегией, это «демократическая необходимость», «единственный способ бытия классовой борьбы», «причина жизни и развития Социалистической партии» и способ культивирования «инерции мультитуда» [цит. по: ibid.]. В этом смысле, добавляет Амини, она представляет собой политическую онтологию, «необходимый и достаточный способ самоорганизации и самораскрытия реальности, используемый для того, чтобы диалектически необходимая история утвердила себя» [цит. по: ibid.].

Таким образом, хотя война не была центральной темой в творчестве Грамши, именно события военных лет подсветили для него базовую динамику капитализма и его конкретные проявления в Италии. Война, как это увидел Грамши, усилила влияние, которое коллективная воля рабочего класса может оказывать на ход истории, и прояснила моральную основу духовного обновления на пути к новому социальному порядку [Amini, 2024, p. 481].

Заключение

Война, несмотря на сопутствующие ей ужасы, потрясения и продолжающиеся попытки ограничить и предотвратить ее, остается одной из неизменных составляющих социальной жизни в разные эпохи. Понимание феномена войны – актуальная исследовательская задача, вклад в решение которой вносит интеллектуальное наследие классиков социологической мысли. Спектр идейных позиций социальных теоретиков по отношению к войне, представленный в специальном выпуске *Journal of Classical Sociology*, позволяет увидеть и глубже понять разные стороны международных конфликтов. Первая мировая война, которую они пережили, была не просто фоном для их академической деятельности, но и импульсом, стимулировавшим пересмотреть и / или дополнить их способы описания социального мира. Важно и то, что социальные теоретики в условиях войны задумывались об устройстве будущего послевоенного мира, а это показывает, что проблему войны всегда необходимо рассматривать в одной связке с проблемой мира.

Список литературы

Amini B. Gramsci's dissidence beneath and beyond the First World War // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 471–486. – DOI: 10.1177/1468795X241280953

Amini B., Kemple T. Introduction: social theorists and the First World War // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 307–315. – DOI: 10.1177/1468795X241288092

Bond N. Tönnies on the tension between community and society during the First World War // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 375–388. – DOI: 10.1177/1468795X241281832

Bruhns H. Weber as an engaged intellectual and a social scientist in the war // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 347–361. – DOI: 10.1177/1468795X241278511

Camie C. Veblen's quadripartite response to the First World War // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 421–436. – DOI: 10.1177/1468795X241279251

Fournier M. Mauss on the First World War as trauma and turning point // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 446–456. – DOI: 10.1177/1468795X241282813

Harrington A. Simmel on the war for national spirit and cosmopolitan culture // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 316–329. – DOI: 10.1177/1468795X241278514

Huebner D.R. Mead on international mindedness and the war to end war // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 406–420. – DOI: 10.1177/1468795X241278604

Kivisto P. Park on the social sciences and the consequences of war // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 437–445. – DOI: 10.1177/1468795X241281831

Lafontaine S. Schütz on self-alienation and homecoming in a warring world // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 457–470. – DOI: 10.1177/1468795X241279032

Lenger F. Sombart's war against the cultural decay of a capitalist world // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 362–374. – DOI: 10.1177/1468795X241280133

Marcel J.-C., Kemple T. Durkheim's war for civilization // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 330–346. – DOI: 10.1177/1468795X241280708

Williams C. Du Bois and the wounds of the First World War // *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 389–405. – DOI: 10.1177/1468795X241278606

References

Amini B. Gramsci's dissidence beneath and beyond the First World War. *Journal of classical sociology.* – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 471–486. – DOI: 10.1177/1468795X241280953

**«Социальные теоретики и Первая мировая война»:
обзор спецывыпуска *Journal of Classical Sociology***

Amini B., Kemple T. Introduction: social theorists and the First World War. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 307–315. – DOI: 10.1177/1468795X241288092

Bond N. Tönnies on the tension between community and society during the First World War. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 375–388. – DOI: 10.1177/1468795X241281832

Bruhns H. Weber as an engaged intellectual and a social scientist in the war. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 347–361. – DOI: 10.1177/1468795X241278511

Camic C. Veblen's quadripartite response to the First World War. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 421–436. – DOI: 10.1177/1468795X241279251

Fournier M. Mauss on the First World War as trauma and turning point. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 446–456. – DOI: 10.1177/1468795X241282813

Harrington A. Simmel on the war for national spirit and cosmopolitan culture. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 316–329. – DOI: 10.1177/1468795X241278514

Huebner D.R. Mead on international mindedness and the war to end war. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 406–420. – DOI: 10.1177/1468795X241278604

Kivisto P. Park on the social sciences and the consequences of war. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 437–445. – DOI: 10.1177/1468795X241281831

Lafontaine S. Schütz on self-alienation and homecoming in a warring world. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 457–470. – DOI: 10.1177/1468795X241279032

Lenger F. Sombart's war against the cultural decay of a capitalist world. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 362–374. – DOI: 10.1177/1468795X241280133

Marcel J.-C., Kemple T. Durkheim's war for civilization. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 330–346. – DOI: 10.1177/1468795X241280708

Williams C. Du Bois and the wounds of the First World War. *Journal of classical sociology*. – 2024. – Vol. 24, N 4. – P. 389–405. – DOI: 10.1177/1468795X241278606

ПЕРСИКОВА Т.Н.* НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Цель исследования – изучить влияние национальных культурных особенностей на выбор стратегии разрешения межкультурного конфликта. В статье рассматривается разное понимание конфликта в различных культурах и анализируются пять основных стратегий его разрешения: соревнование, сотрудничество, уход от конфликта, уступчивость и компромисс. Основываясь на классических сравнениях культур Э. Холла и Г. Хофстеде, а также на модели стилей межкультурных конфликтов М. Хаммера, в статье отмечаются особенности стилей поведения при конфликте низко- и высококонтекстных, или индивидуалистических и коллективистских культур. Делается вывод о необходимости развития культурной чуткости и культурной компетенции для более эффективного разрешения межкультурных конфликтов.

Ключевые слова: межкультурный конфликт; низко- и высококонтекстные культуры; соревнование; сотрудничество; уход от конфликта; уступчивость и компромисс.

Для цитирования: Персикова Т.Н. Национальные особенности разрешения межкультурных конфликтов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 54–66. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.03

Статья поступила: 04.03.2025.

Принята к публикации: 25.03.2025.

* © Персикова Т.Н., статья, 2025

Персикова Тамара Николаевна – кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка Дипломатической академии МИД РФ; tpersikova@rambler.ru

PERSIKOVA T.N.** National peculiarities of intercultural conflict resolution

Abstract. The study aims at researching the influence of national cultural peculiarities on the choice of strategy in intercultural conflict resolution. The article looks at different perceptions of conflict in various cultures and analyses five major strategies of conflict resolution: competition, cooperation, avoidance, accommodation and compromise. Referring to classifications of cultures by E. Hall and G. Hofstede as well as Intercultural Conflict Style Inventory of M. Hammer the article notes national peculiarities of behavior in conflict resolution contrasting low- and high-context cultures or individual and collective cultures. The study concludes that it is necessary to develop cultural sensitivity and cultural competence to achieve an effective conflict resolution.

Keywords: intercultural conflict; low- and high-context cultures; competition; cooperation; avoidance; accommodation and compromise.

For citation: Persikova T.N. National peculiarities of intercultural conflict resolution. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 3. – P. 54–66. DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.03

Received: 04.03.2025.

Accepted: 25.03.2025.

Введение

В современном мире конфликты возникают на уровне межличностного общения, взаимодействия между группами людей или организациями, а также на межгосударственном уровне. Термин «конфликт» используется в психологии, социологии, политике и культурологии, и сферы его применения обширны. В данном исследовании нас интересует конфликт, который возникает при межкультурной коммуникации, при взаимодействии различных национальных культур, на поведение представителей которых при разрешении возникшего конфликта культура оказывает значительное воздействие. Понимание степени зависимости участников конфликта от той среды, в рамках которой произошло их форми-

** Persikova Tamara Nikolaevna – Candidate of Culture Studies, Assistant Professor of the English Department at the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry; tpersikova@rambler.ru

рование, от тех культурных ценностей, носителями которых они являются, поможет понять причины и, возможно, предотвратить нарождающийся конфликт в общении с представителями иной культуры.

Проблема нашего исследования – недостаточное осознание роли национальной культуры в выборе методов поведения при межкультурном конфликте.

Цель исследования – изучить влияние национальных культурных особенностей на выбор стратегии разрешения межкультурного конфликта.

Определения конфликта в разных культурах

Можно заметить некие различия в понимании разными культурами самого термина, а также последствий конфликта, уже на стадии его определения. В качестве примера приведем несколько общеупотребительных определений понятия «конфликт». «Конфликт (от лат. *Conflictus* – столкновение, удар, борьба, рознь) – это столкновение разнонаправленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов субъектов взаимодействия, которые фиксируются ими в жесткой форме»¹. «Конфликт – это столкновение взаимоисключающих интересов двух и более сторон, а также острый способ разрешения возникающих противоречий. В психологии конфликты рассматриваются как ситуации социального взаимодействия, в которых каждая из сторон занимает противоположную позицию по отношению к интересам другой стороны»². «Конфликт – особое взаимодействие индивидов, групп, объединений, которое возникает при их несовместимых взглядах, позициях и интересах. Конфликт обладает как деструктивными, так и конструктивными функциями»³.

Как видим, в представленных выше определениях в основном подчеркивается наличие взаимоисключающих интересов сто-

¹ См.: Зачем нужны конфликты и как ими управлять // Медиа Нетологии. – 2023. – 18 октября. – URL: <https://netology.ru/blog/10-2023-solving-conflicts> (дата обращения: 03.08.2025).

² См.: Виды конфликтов – основные причины возникновения // TutorOnline. – URL: <https://wika.tutoronline.ru/obshhestvoznaniye/class/6/vidy-konfliktov--osnovnyye-prichiny-vozniknoveniya> (дата обращения: 03.08.2025).

³ См.: Конфликт // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Конфликт> (дата обращения: 03.08.2025).

рон и острый способ их разрешения; редко отмечается тот факт, что в ситуации конфликта присутствуют как негативные, так и позитивные черты. Именно такие характеристики конфликта, как «несовместимость взглядов», «взаимоисключающие интересы», «противоположность позиций», а также «острый способ разрешения», выступают на первый план при восприятии конфликтной ситуации, например в российской культуре. В британской культуре, согласно Кембриджскому словарю, конфликт определяется как «активное несогласие между людьми с противоположными мнениями или принципами»¹, т.е. здесь конфликт также видится как некое противостояние.

Иное понимание конфликта существует в американской культуре. Основоположник американской конфликтологии Льюис Козер (1913–2003), исследователь социального конфликта, в качестве основополагающей идеи своей концепции выдвинул тезис о позитивной роли конфликтов в жизни общества. Он определял социальный конфликт как «специфичную форму социального взаимодействия, выражающуюся в определенном противостоянии различных субъектов (групп субъектов), которая при наличии определенных условий может иметь для общества не только негативные, но и позитивные последствия»². Он считал, что конфликты способны приводить к положительным результатам, поскольку их разрешение происходит конструктивным путем с поиском компромисса, который устраивает обе стороны конфликта. И лишь при неправильном развитии конфликт несет в себе деструктивную функцию.

Эту же идею развивал Роджер Фишер (1922–2012), профессор права Гарвардской школы права и руководитель Гарвардского проекта переговоров, в книге «Путь к согласию, или переговоры без поражения», опубликованной им в соавторстве с Уильямом Юри в 1981 г. и ставшей впоследствии бестселлером [Fisher, Ury, 1981]. Авторы книги предлагали в случае конфликта отделять человека от проблемы, что, по их мнению, позволило бы конфликтующим сторонам относиться друг к другу с пониманием и уваже-

¹ См.: Conflict // Cambridge dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/conflict> (accessed: 03.08.2025).

² См.: Основоположник американской конфликтологии // Справочник от Автор24. – URL: https://spravochnick.ru/konfliktologiya/osnovopolozhnik_amerikan_skoj_konfliktologii (accessed: 03.08.2025).

нием и способствовало бы в итоге позитивному разрешению конфликта.

В свою очередь доктор философии, профессор речевой коммуникации Калифорнийского государственного университета в Фуллертоне Стелла Тинг-Туми в силу своего азиатского происхождения (она родилась в Гонконге и эмигрировала в США в студенческие годы) внесла элемент восточного мировосприятия в понимание сути конфликта и привлекла внимание исследователей к роли культуры в разрешении конфликта. В 1985 г. она представила свою теорию «поддержания лица» (идентичности) в переговорах, в которой объяснила поведение людей в межкультурном конфликте необходимостью сохранять лицо. По мнению С. Тинг-Туми, «лицо» представляет собой публичный образ, идентичность, которую каждый член общества использует в процессе коммуникации, а при возникновении конфликта, когда «лицо» сталкивается с угрозой, должен защищать и сохранять. При этом поведение человека в ситуации разрешения конфликта во многом определяется его культурой. Во всех культурах в процессе общения его участники стремятся сохранить «лицо», однако если в индивидуалистических культурах это собственное «лицо», то в коллективистских – это «лицо» оппонента [Ting-Toomey, Oetzel, 2001].

Стратегии разрешения конфликта

В современной конфликтологии [Льюис, 1999; Персикова, 2004; Thomas, 1976] рассматриваются в основном пять стратегий поведения при разрешении конфликта: соревнование, сотрудничество, уход от конфликта, уступчивость и компромисс. С. Тинг-Туми с коллегой добавили к ним еще три: эмоциональное проявление, помощь третьей стороны и пассивная агрессия [Ting-Toomey, Oetzel, 2001]. Кратко опишем их.

Соревнование. Эту стратегию поведения часто характеризуют как «конкуренцию, соперничество или доминирование». Действуя по принципу «прав тот, кто сильнее», каждая из сторон идет на открытую конфронтацию и активно добивается достижения своих целей независимо от того, какое воздействие это может оказать на противника. Это игра с позиции силы с результатом «победа – поражение», которая приводит к подчинению одной стороны другой [Персикова, 2004, с. 57]. По статистике, более 70% случаев в конфликте – это стремление к одностороннему выигрышу, к победе, удовлетворению в первую очередь собственных интересов [Беляева].

Такую стратегию может использовать человек, обладающий сильной волей, достаточным авторитетом, властью или человек, находящийся в критической ситуации, которая требует мгновенного реагирования, принципиальности, настойчивости. Поскольку данный стиль поведения отличает высокая забота о своих интересах и пренебрежение интересами других, а следовательно, высокая напористость при низкой кооперации, следует иметь в виду, что эта стратегия редко приносит долгосрочные результаты, так как проигравшая сторона может поддержать решение, принятое вопреки ее воле, попытается игнорировать или даже саботировать его. Кроме того, тот, кто сегодня проиграл, завтра может оказаться в выигрышной ситуации и совсем отказаться от сотрудничества.

Сотрудничество. Стиль коммуникации в духе «давайте решим это вместе» можно назвать активным и стремящимся к сотрудничеству. В данной ситуации обе стороны конфликта стремятся к достижению своих целей. Подобная манера поведения характеризуется стремлением решить проблему, выяснить разногласия, обменяться идеями и информацией, видеть в конфликте стимул, ведущий к конструктивным решениям, выходящим за рамки одной конфликтной ситуации. Поскольку выходом из конфликта считается нахождение решения, выгодного обеим сторонам, такая стратегия часто называется подходом «победа – победа» [Персикова, 2004, с. 57]. Данный стиль поведения отличает высокая забота о себе в сочетании с высокой заботой о других, а следовательно, в равной степени высокая степень напористости и кооперации. Поскольку конфликт всегда связан с ярким проявлением эмоций, сложно научиться ставить себя на место другого, игнорировать предвзятость и предубежденность. Стратегия сотрудничества нацелена на долгосрочное взаимодействие, на выстраивание отношений, основанных на взаимовыгодных решениях. Ее можно назвать идеальной, поскольку, будучи нацеленными на поиски взаимоприемлемого решения, оппоненты превращаются в партнеров, от которых требуется умение объяснить свои решения, выслушать другую сторону, сдерживать свои эмоции, что, вероятно, является наиболее труднодостижимой задачей в ситуации открытого конфликта.

Уход от конфликта. «Оставьте меня в покое» – пассивный и не стремящийся к сотрудничеству стиль. Стороны могут признавать, что конфликт существует, но выбирают манеру поведения, характеризующуюся стремлением избежать конфликта, уклониться от него или заглушить его. Каждый участник конфликта надеет-

ся, что он «рассосется» и разрешится сам собой; решение проблемы откладывается; исполняются различные полумеры для того чтобы заглушить конфликт или скрытые меры для того чтобы избежать конфронтации [Персикова, 2004, с. 58]. Часто к подобному стилю поведения прибегают, когда проблема не столь важна или не затрагивает прямых интересов сторон, когда ситуация неясна и нет достаточной информации для понимания того, какой выход из создавшегося положения может быть найден и, следовательно, в данный момент важнее просто выиграть время. Подобная стратегия может использоваться и в тех случаях, когда одна из сторон обладает большей властью или не заинтересована в продолжении сотрудничества. Данный стиль поведения отличается низким уровнем заботы и о себе, и о противоположной стороне, а следовательно очень низкая степень напористости и кооперации, поэтому обе стороны стремятся избежать открытого обсуждения существующей проблемы. Не следует думать, что этот стиль означает стремление избежать проблемы или уклониться от ответственности. Уход или отсрочка могут стать вполне адекватной реакцией на конфликтную ситуацию, так как за выигранное благодаря такой стратегии время конфликт может разрешиться сам собой или человек сможет заняться им, когда для этого появятся более благоприятные условия либо наступит понимание, что это не те взаимоотношения, которые необходимо поддерживать.

Уступчивость. «Только после вас» – пассивный и стремящийся к сотрудничеству стиль. В отдельных случаях для поддержания отношений одна из сторон может попытаться умиротворить другую и поставить интересы противоположной стороны выше собственных [там же, с. 58]. Подобное стремление умиротворить другого предполагает уступчивость, подчинение и податливость, низкий уровень заботы о себе и высокий уровень заботы о других и отличается низкой напористостью при высокой степени кооперации.

Одна из сторон может признать, что другая права, и согласиться с ней. Часто такой стиль поведения используется при общении с руководителем, с которым вы не хотите портить отношения, или с партнерами, долговременное сотрудничество с которыми важнее возникшего конфликта. Применение стратегии уступчивости или приспособления не означает, что человек отказывается от своих интересов, просто по какой-то причине для того чтобы сгладить напряженную атмосферу и восстановить нормальное взаимодействие человек готов отставить на некоторое время свои интере-

сы, чтобы вернуться к их удовлетворению в более благоприятное время. Данный стиль поведения применяется, если восстановление покоя и стабильности на данный момент представляется более важной задачей, чем разрешение конфликта, или если вы не обладаете достаточной властью для принятия решения в вашу пользу.

Компромисс. «Давайте пойдем друг другу навстречу» – средняя позиция по двум параметрам: активность – пассивность, стремление к сотрудничеству – его отсутствие. Когда обе стороны конфликта идут на уступки, частично отказываясь от своих требований, достигается компромисс; никто не побеждает и никто не проигрывает. Подобный выход из конфликта предваряют переговоры, поиски вариантов и путей поиска взаимовыгодных соглашений [Персикова, 2004, с. 58]. Данная стратегия используется наиболее часто в ситуациях, когда у оппонентов равные возможности, когда обе стороны понимают, что никто не сможет победить и необходимо договариваться, сближать позиции и обязательно в чем-то уступать. Идя на взаимные уступки, стороны пытаются урегулировать разногласия, не стремясь при этом найти одно решение, которое устраивает всех, понимая, что одновременно их желания не могут быть исполнены. Стиль компромисса при разрешении конфликта эффективен, когда обе стороны обладают одинаковой властью и имеют одинаково убедительные аргументы, когда возможно принятие временного решения для того чтоб хоть что-то получить, а не все потерять и, как результат, сохранить взаимоотношения.

Как уже отмечалось выше, в рамках концепции «поддержания лица» Тинг-Туми к пяти основным стратегиям разрешения конфликта были добавлены еще три дополнительных [Ting-Toomey, Oetzel, 2001]:

- *эмоциональное проявление* – выражение чувств человека с целью контролирования и урегулирования конфликта;
- *помощь третьей стороны* – разрешение конфликта путем привлечения помощи третьих лиц к управлению коммуникацией;
- *пассивная агрессия* – реакция на конфликт окольным путем, косвенное обвинение.

Влияние национальной культуры на выбор стратегии разрешения конфликта

Большинство исследователей межкультурных конфликтов признают главенствующую роль культуры в стиле поведения уча-

стников конфликта и в выборе ими той или иной стратегии его разрешения. Также многими учеными неоднократно отмечалось, что конфликт обостряется, а порой и возникает по причине того, что его участники демонстрируют отсутствие взаимопонимания и недостаток знаний о другой культуре. Рассматривая стратегии разрешения конфликта сквозь призму культурных особенностей сторон-участников конфликта и опираясь на классические сравнения культур в рамках подходов Э. Холла (противопоставление низко- и высококонтекстных культур) и Г. Хофстеде (сравнение индивидуалистических и коллективистских культур), можно сделать следующие выводы.

Согласно Э. Холлу и М. Холл [Hall, Hall, 1990], низкоконтекстные культуры, к которым относятся США, Великобритания, скандинавские страны, отличает стремление прямо и четко выражать словами свои мысли и намерения. Недосказанность в этих обществах ассоциируется либо с отсутствием искренности, либо с недостаточной информированностью говорящего, конфликт считается конструктивным, созидательным стилем поведения, так как открытое обсуждение выявленных проблем и трудностей помогает принять правильное решение. В своем большинстве низкоконтекстные культуры индивидуалистичны, им свойственна низкая дистанция власти (по классификации Г. Хофстеде [Hofstede, 1994]): в них принято открыто обсуждать позиции сторон лицом к лицу, не бояться называть вещи своими именами, выражать недовольство и отстаивать свою позицию. При этом представители конфликтующих сторон гораздо больше озабочены сохранением собственного лица, нежели лица оппонента; они ценят логику, факты, убеждение через аргументы. Поэтому неудивительно, что предпочитаемые ими стратегии разрешения конфликта – соревнование или сотрудничество.

В отличие от низконтекстных, высококонтекстные культуры (азиатские страны, страны Средиземноморья и Ближнего Востока), которые в своем большинстве являются коллективистскими с высокой дистанцией власти (по Г. Хофстеде), предпочитают непрямой стиль общения с аллюзиями, намеками, сравнениями. Они уделяют большое внимание невербальному общению и умению «говорить глазами», стремятся не потерять собственное лицо и сохранить лицо противника. Негативные эмоции и недовольство открыто не выражаются, конфликт считается разрушительным для развития взаимоотношений между сторонами. В данных культурах считается неважным предоставлять противнику избыточную ин-

формацию, четкие факты и убедительные аргументы, и, следовательно, насущная проблема не решается, а конфликт остается незавершенным. Избираемая ими стратегия – уступчивость или уход от конфликта. Однако, поскольку проблему все равно необходимо решать, конфликтующие стороны часто прибегают к услугам третьей стороны. Иногда представители коллективистских культур могут использовать стратегию сотрудничества и пытаться работать со своим оппонентом сообща в поисках приемлемого решения.

Интересно также в свете сравнения культур при характеристике поведения сторон в межкультурном конфликте рассмотреть *модель стилей межкультурных конфликтов* Митчела Хаммера [Hammer, 2009]. М. Хаммер вывел свою модель поведения при межкультурном конфликте ICSI (Intercultural Conflict Style Inventory) на основе опыта, полученного при работе в NASA (Национальном управлении по аэронавтике и исследованию космического пространства) и в National Institute of Health (Национальном институте здравоохранения США), где он исследовал поведение представителей различных культур при разрешении конфликтов. Он заметил, что на техническом уровне при выполнении производственных задач в международных командах не существует никаких проблем. Однако в условиях напряженной ситуации, стресса или острого недопонимания, когда существует разногласие или противоречие по какому-то вопросу и стороны реагируют на него эмоционально, возникает межкультурный конфликт. При этом, в зависимости от того, к какому типу культуры относятся участники конфликта, они выбирают разный стиль поведения. Если, по классификации Э. Холла, высококонтекстная культура противопоставляется низкоконтекстной, а согласно классификации Г. Хофстеде, коллективистская противопоставляется индивидуалистической, то М. Хаммер сравнивает эти стили поведения по следующим двум параметрам: прямой / не прямой, эмоционально экспрессивный / эмоционально сдержанный. Как мы уже отмечали выше, представители высококонтекстных (коллективистских) культур предпочитают не прямой стиль общения, завуалированные высказывания, ссылки на исторические примеры. В этих культурах открытое выражение эмоций неприемлемо: высказанное недовольство может расстроить других, юмор или смех рискуют быть расценены как стремление уменьшить значимость конфликта или противника, проявленные эмоции свидетельствуют о неуверенности и могут вызвать подозрительность оппонента. И наоборот, эмоциональная сдержанность и контролируемые эмоции свидетельствуют об ис-

кренности и стремлению к разрешению конфликта. Противоположные им низкоконтекстные (они же индивидуалистические) культуры ценят прямые высказывания, открытое обсуждение конфликта, допускают открытое выражение эмоций, как словами, так и невербально, считают, что это свидетельствует об искренности чувств и намерений, расценивают юмор как средство деэскалации ситуации и налаживания отношений. Представители этих культур считают, что стремление скрыть эмоции равносильно неискренности, обману, желанию скрыть что-то от оппонента.

На основании полученных им данных измерений М. Хаммер [Hammer, 2009] выделил четыре стратегии поведения в межкультурном конфликте, использование которых позволяет решать проблемы, налаживать коммуникацию и разрешать конфликты между представителями разных культур:

1) *дискуссия (discussion)* – стратегия, основанная на сочетании прямого и эмоционально-сдержанного стиля поведения;

2) *обязательство (engagement)* – стратегия, которая включает в себя прямой и эмоционально-экспрессивный стиль;

3) *уступки (accommodation)* – сочетание непрямого коммуникации и эмоциональной сдержанности;

4) *динамическая (dynamic)* – стратегия, которая объединяет непрямой стиль поведения с эмоциональной сдержанностью.

Однако, сконструировав данную модель, М. Хаммер оставляет открытым вопрос, как будут действовать в ситуации конфликта представители различных культур, которым свойственны разные стили поведения, если, например, присущий им непрямой и эмоционально-сдержанный стиль поведения в силу индивидуальных особенностей невозможно заменить на прямой и эмоционально-выразительный, как того требует конкретная ситуация.

Заключение

Таким образом, следует признать, что поведение участника межкультурного конфликта и избираемая им стратегия его разрешения, с одной стороны, являются продуктом социализации, усвоения свойственных данной культуре норм и ценностей и отражением типичного для данной культуры стиля поведения, а с другой – на его поведение и способ разрешения конфликта оказывают значительное влияние конкретные ситуационные и личностные факторы. При этом развитие культурной компетенции и культурной чуткости, совершенствование навыков эффективной

межкультурной коммуникации и увеличение знаний о другой культуре, несомненно, поможет эффективно разрешать конфликты, возникающие в процессе межкультурного взаимодействия.

Список литературы

Беляева Н.Ю. Особенности конфликтного поведения с различным уровнем тревожности. – URL: http://med-obr.info/med-organisation/publikatsii_prepodavateley/belyaeva_n_yu.php?clear_cache=Y (дата обращения: 03.08.2025).

Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. – Москва: Дело, 1999. – 372 с.

Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учебное пособие. – Москва: Логос, 2004. – 224 с.

Fisher R., Ury W. Getting to yes: negotiating agreement without giving in. – Boston: Houghton Mifflin, 1981. – 200 p.

Hall E.T., Hall M.R. Understanding cultural differences: Germans, French and Americans. – Yarmouth (ME): Intercultural press, 1990. – 196 p.

Hammer M.R. Solving problems and resolving conflict using the intercultural conflict style model and inventory // *Contemporary leadership and intercultural competence* / ed. by M.A. Moodian. – Thousand Oaks: SAGE, 2009. – P. 219–232.

Hofstede G. Culture and organizations (intercultural cooperation and its importance for survival) software of the mind. – London: Harper Collins publishers, 1994. – 279 p.

Tang S.F.Y., Kirkbridge P.S. Developing conflict management in Hong Kong: and analysis of some cross-cultural implications // *Management education and development*. – 1986. – Vol. 7, N 3. – P. 287–301.

Thomas K.W. Conflict and conflict management // *Handbook of industrial and organizational psychology* / ed. by M.D. Dunnette. – Chicago: Rand McNelly, 1976. – P. 889–935.

Ting-Toomey S., Oetzel J.G. Managing intercultural conflict effectively. – Thousand Oaks (CA): SAGE, 2001. – 248 p.

References

Belyaeva N.Yu. *Features of conflict behavior at different levels of anxiety*. – URL: http://med-obr.info/med-organisation/publikatsii_prepodavateley/belyaeva_n_yu.php?clear_cache=Y (accessed: 03.08.2024). (In Russian)

Fisher R., Ury W. *Getting to yes: negotiating agreement without giving in*. – Boston: Houghton Mifflin, 1981. – 200 p.

Hall E.T., Hall M.R. *Understanding cultural differences: Germans, French and Americans*. – Yarmouth (ME): Intercultural press, 1990. – 196 p.

Hammer M.R. Solving problems and resolving conflict using the intercultural conflict style model and inventory. *Contemporary leadership and intercultural competence*. Ed. by M.A. Moodian. – Thousand Oaks: SAGE, 2009. – P. 219–232.

Hofstede G. *Culture and organizations (intercultural cooperation and its importance for survival) software of the mind.* – London: Harper Collins publishers, 1994. – 279 p.

Lewis R.D. *Business cultures in business development: from ensuring mutual understanding.* – Moscow: Delo publishing house, 1999. – 372 p. (In Russian)

Persikova T.N. *Intercultural communication and corporate culture: textbook.* – Moscow: Logos, 2004. – 224 p. (In Russian)

Tang S.F.Y, Kirkbridge P.S. Developing conflict management in Hong Kong: and analysis of some cross-cultural implications. *Management education and development.* – 1986. – Vol. 7, N 3. – P. 287–301.

Thomas K.W. Conflict and conflict management. *Handbook of industrial and organizational psychology.* Ed. by M.D. Dunnette. – Chicago: Rand McNelly, 1976. – P. 889–935.

Ting-Toomey S., Oetzel J.G. *Managing intercultural conflict effectively.* – Thousand Oaks (CA): SAGE, 2001. – 248 p.

УДК 331.556.4; 316.7; 159.9

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.04

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. Статья посвящена исследованию ряда проблем, которые связаны со спецификой социокультурных и психологических особенностей этнических трудовых мигрантов в Российской Федерации. В ее основе лежит вторичный анализ результатов социологических и психологических исследований мигрантов из стран Центральной Азии (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана), а также отношения к ним представителей коренного населения страны. Рассматриваются ценностные ориентации, традиционные религиозные нормы поведения, психологические характеристики, которые могут оказать влияние на формирование конфликтогенного потенциала трудовых этнических мигрантов.

Ключевые слова: конфликтогенный потенциал; трудовые этнические мигранты; социокультурные и психологические характеристики мигрантов; страны Центральной Азии.

Для цитирования: Немировский В.Г. Социокультурные и психологические характеристики трудовых мигрантов в Российской Федерации: конфликтогенный потенциал // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 67–83. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.04

Статья поступила: 20.06.2025.

Принята к публикации: 01.08.2025.

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

NEMIROVSKY V.G.** Socio-cultural and psychological characteristics of migrant workers in the Russian Federation: conflict potential

Abstract. The article is devoted to the study of a number of problems related to the specifics of the socio-cultural and psychological characteristics of ethnic migrant workers in the Russian Federation. It is based on a secondary analysis of the results of sociological and psychological studies of migrants from Central Asian countries (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan), as well as the attitudes of representatives of the country's indigenous population towards them. The article considers value orientations, traditional religious norms of behavior, and psychological characteristics that can influence the formation of the conflict potential of ethnic migrant workers.

Keywords: conflict potential; ethnic labor migrants; socio-cultural and psychological characteristics of migrants; Central Asian countries.

For citation: Nemirovsky V.G. Socio-cultural and psychological characteristics of migrant workers in the Russian Federation: conflict potential. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 3. – P. 67–83. DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.04

Received: 20.06.2025.

Accepted: 01.08.2025.

Введение

Массовый приток трудовых этнических мигрантов в Россию породил целый комплекс сложных проблем, включая рост преступности, угрозы национальной безопасности и дополнительную нагрузку на государственные финансы. Однако одним из наиболее острых и трудноразрешимых вопросов является столкновение культур. Особенно это касается мигрантов из стран Центральной Азии, чьи социокультурные ценности, основанные на исламской традиции, заметно отличаются от ценностей большинства населения России. Нельзя не учитывать и специфические нормы поведе-

** Nemirovsky Valentin Gennadievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

ния, и психологию выходцев, главным образом из сельской местности, которые переезжают в городские агломерации. Эти различия способствуют формированию диаспор, этнических анклавов и развитию этнического предпринимательства, что ведет к росту конфликтогенного потенциала мигрантов.

Целью статьи является анализ специфики социокультурных и психологических характеристик этнических мигрантов, которые могут способствовать возникновению межэтнических конфликтов в Российской Федерации.

Предмет исследования: специфика социокультурных и психологических характеристик этнических мигрантов, которые могут способствовать возникновению межэтнических конфликтов в Российской Федерации.

Объект исследования: трудовые этнические мигранты из стран Центральной Азии (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана).

Методология исследования: антропосоциокультурный подход (Н.И. Лапин и др.).

Метод исследования: вторичный анализ социологических и психологических исследований социокультурных и психологических характеристик этнических трудовых мигрантов в Российской Федерации.

Межэтнические конфликты

Межэтнические конфликты непосредственно связаны с ситуацией миграционного кризиса. Можно согласиться с его дефиницией, которую сформулировал А.В. Шустов: «Под миграционным кризисом понимается значительное увеличение притока на определенную территорию иммигрантов, деформирующее исторически сложившееся демографическое соотношение проживающих на ней этносов <...>, а также вызванные им негативные социальные процессы, включая нарастание конфликтности (массовые акции протеста, беспорядки, столкновения с участием мигрантов), рост напряженности в их отношениях с местным населением, властными структурами, работодателями, ухудшение криминогенной ситуации» [Шустов, 2023, с. 52]. Элементы миграционного кризиса в нашей стране имели в основном локальный характер и рельефнее всего проявлялись в наиболее привлекательных для мигрантов регионах: Москве, Санкт-Петербурге и прилегающих к ним областях [там же, с. 51].

Как известно, в англоязычной социологии существует глубокая традиция изучения этой темы (см., например: [Sacks, 2023; Kaufman, 2023; Suganda, Lestari, Sulthani, 2023] и мн. др.). В контексте цели нашего исследования немалый интерес представляет подробный обзор исследований, посвященных анализу социокультурных факторов как предпосылки межкультурной адаптации экспатриантов, иностранных студентов и мигрантов [Bierwiazzonek, Waldzus, 2016].

В отечественной социологии одним из первых проблемы конфликтов, порождаемых этнической миграцией, изучал А.В. Дмитриев [Дмитриев, 2015]. Из публикаций последних лет обращают на себя внимание результаты исследований, проведенных А.В. Шустовым и В.А. Лузиной [Шустов, Лузина, 2024]. На рискогенный потенциал конфликта культур, связанных с этнической миграцией, обращает внимание также О.Ф. Шабров [Шабров, 2024]. Нельзя не отметить, что, согласно ряду исследований, образовательные мигранты лучше адаптируются к принимающему социуму, чем трудящаяся иностранная молодежь [Эндрюшко, 2024, с. 60].

Большинство отечественных ученых рассматривают трудовых этнических мигрантов как потенциальный источник межнациональных конфликтов. Типичными являются результаты исследования, проведенного В.Н. Найденко: «приезжающие к нам мигранты из центральноазиатских и закавказских государств провоцируют на территории России наиболее острые межнациональные конфликты, создавая тем самым угрозы безопасности российских граждан и общества в целом» [Найденко, 2021, с. 22].

Действительно, сохранение культурной обособленности и рост численности этнических мигрантов, проживающих компактно, могут приводить к увеличению преступности на этнической почве и создавать благоприятную среду для экстремистских и сепаратистских настроений. В связи с этим трудно не согласиться с мнением С.Ю. Хлыстунова и Д.А. Рузаева, что «очевидной становится прямая корреляция между ростом доли этнических мигрантов в стране и ростом этнополитической конфликтности между мигрантами и коренным населением» [Хлыстунов, Рузаев, 2023, с. 69]. Неслучайно рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных этническими трудовыми мигрантами, отметил в своем выступлении глава СК РФ А. Бастрыкин¹.

¹ Александр Бастрыкин: мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в мире и России // Интерфакс. – 2023. – 11 апреля. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/895287> (дата обращения: 18.06.2025).

Обращает на себя внимание тот факт, что в крупных российских городах и агломерациях данная категория преступлений составляет намного более существенный процент, нежели в небольших городах и сельской местности. Например, в 2021 г. в Москве их было зафиксировано 17,7%, в Санкт-Петербурге – 13,7%, в Московской области – 10,8% [Капинус, 2022, с. 146]. Это говорит о важной черте миграционной преступности, а именно – очаговости.

К.Н. Сердюков отмечает другую особенность правонарушений, совершенных этническими мигрантами: «преступность иностранцев по сравнению с преступностью россиян отличается повышенной долей особо тяжких преступлений, а также преступлений против порядка управления; пониженным удельным весом преступных деяний, совершенных против жизни и здоровья» [Сердюков, 2024, с. 88].

Соответственно, образ мигрантов и миграции, который сложился у представителей органов власти, также далек от благополучного. Анализ подобных представлений в пресс-релизах и нормативных документах региональных властей (548 текстов) показал, что в большинстве из них мигрант представлен как подозрительный обезличенный объект. Основной «категорией социальных действий, в которых он выступает субъектом, являются правонарушения, преимущественно связанные с нарушением режима пребывания в РФ. Наиболее частым действием, совершаемым в отношении мигранта, становятся проверки и рейды, а также – разного рода наказания» [Проблематизация миграции ..., 2024, с. 118]. Большинство (43%) кодированных сегментов соответствующей категории составляют «межнациональные» и «этнические» конфликты [там же, с. 125].

В контексте темы нашего анализа немалый интерес вызывают результаты исследования представлений трудовых мигрантов о проблемах, связанных с переездом в Россию, проведенного на базе миграционных центров (г. Санкт-Петербург, n = 4028, возраст от 18 до 64 лет). Большинство опрошенных (39,4%) имеют трудности в общении с местными жителями. Респонденты полагают, что местное население проявляет к ним негативное отношение, но стараются при этом быть дружелюбными. Чуть меньше трудовых мигрантов (23,5%) в общении с местными чувствуют себя напряженно, но это напряжение «не в значительной мере влияет на их общение» [Демина, 2023, с. 81].

Местные жители зачастую демонстрируют довольно прокладное отношение к этническим трудовым мигрантам. Так, пред-

ставители русского населения (опрос проводился в Пензенской и Свердловской областях, а также Республике Мордовия) не испытывают особого желания видеть в своей стране узбеков и таджиков (соответственно, 30% и 28% рассматривают их как интуристов, а 10% не хотят их видеть вообще) [В чужой стране ... , 2022, с. 52].

Подобное отношение к мигрантам у коренных жителей формируется в раннем возрасте. Молодые представители автохтонного населения (опрос проводился в Москве и Перми в 2023 г.) чаще всего отрицательно относятся к межэтническому конфликту, однако они склонны не доверять услугам, которые оказывают другие этнофоры. При этом любовные и супружеские отношения с представителями других национальностей встречаются редко. Молодежь также сохраняет дистанцию с другими этнофорами, чаще соглашась жить с ними в одном городе, чем в одной семье [Левченко, Павленина, 2023, с. 194].

Отношение к этническим трудовым мигрантам, по сути, является проекцией психологического состояния автохтонного населения нашей страны, которое в последние годы в силу известных факторов характеризуется высоким уровнем беспокойства и эмоционального напряжения. По мнению Л. Гудкова¹, такое отношение выступает наиболее очевидным выражением нерелексивной антипатии и тревожности населения: «За последние 5 лет доля считающих, что правительство должно препятствовать потоку мигрантов, выросла с 58 до 68–73%»².

К негативной реакции со стороны местных жителей могут привести расхождения между поведением мигрантов и принятыми среди автохтонного населения нормами и ценностями. Согласно выводу Н.С. Ивановой и соавторов, к числу главных ее причин относятся: нарушение норм и законов нашей страны, отсутствие желания изучать русский язык и общаться с местными жителями, проявление неуважения к «культуре местных». Некоторые участники фокус-групп и информанты в качестве барьеров на пути интеграции упоминали: неимение документов, отсутствие привязанности к

¹ Л.Д. Гудков внесен Минюстом России в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента.

² Ксенофобия и мигранты / Левада-Центр. – 2022. – 24 января. – URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения: 18.06.2025). АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

России, незнание русского языка, ношение «национальной» одежды и хиджаба, а также «жизнь на две страны» [«Жить так же..., 2024, с. 257].

Значительная часть трудовых мигрантов с детьми прибывают в Москву из сельской местности, для которой, в отличие от городов, характерны особые традиции, обычаи, ценностные ориентации, нормы и правила, определяющие их поведение в целом и особенности межкультурных коммуникаций, взаимодействия с окружающими людьми. К числу важных факторов, создающих трудности для адаптации и интеграции мигрантов в городской социум, является низкий образовательный уровень и завышенные ожидания. При этом центральной проблемой становится их языковая адаптация [Андреанова, 2023, с. 143–144].

По данным Минобрнауки, треть иностранных граждан не сдают экзамен по русскому языку как иностранному с первой попытки, почти половина из них не может сдать и с последующих попыток¹.

Более конкретные цифры приводит председатель Государственной думы Федерального собрания РФ В.В. Володин, оценивая результаты действия закона, согласно которому запрещается зачислять в школы детей мигрантов без знания русского языка, а также проверки легальности нахождения на территории нашей страны: «за 2 месяца действия новых норм они показали свою эффективность – от общего числа заявившихся в школы приняты только 4%. По состоянию на 22 мая было подано 2868 заявлений на участие в тестировании, допущены до экзамена 498 человек (17%)»².

Религиозные нормы и ценности

Глубокая приверженность большинства трудовых этнических мигрантов из стран Центральной Азии исламским традициям, по нашему мнению, выступает важнейшим социокультурным фактором их конфликтогенного потенциала. Значительная часть приезжих являются выходцами из сельской местности, где сильны

¹ Минобрнауки: треть мигрантов не сдают экзамен по русскому языку с первой попытки // ТАСС. – 2025. – 3 июня. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/24119973> (дата обращения: 18.06.2025).

² Володин В. Еще раз о контроле за мигрантами. – 2025. – 9 мая. – URL: https://t.me/vv_volodin/1128 (дата обращения: 18.06.2025).

религиозные нормы и традиции. Если можно хорошо выучить русский язык, успешно получить профессиональное образование, дающее определенный социальный статус в стране пребывания, то, как показывает социальная практика и результаты исследований, приверженность исламу остается глубинным социокультурным и психологическим фактором поведения мигрантов даже в процессе их успешной интеграции. Неслучайно в европейских странах религиозность мусульманских мигрантов принято рассматривать как серьезную проблему [Эндрюшко, 2022, с. 62]. Религиозные нормы и ценности во многом определяют различные стороны их жизни. Например, «...мусульмане чаще придерживаются крайне консервативных взглядов на разводы и добрачный секс, чем православные и представители других христианских конфессий» [там же, с. 62].

При этом посещение мечети может служить ресурсом для интеграции мигрантов через социальные сети, а религиозная мораль способна быть основой для укрепления между ними доверия [Yusupova, Ponarin, 2018, p. 199]. Однако, по нашему мнению, это служит внутренней консолидации членов эмигрантской общины, но отнюдь не способствует их интеграции в российское общество. Как считают в СКР РФ, приезжие часто оправдывают свои противоправные действия «религиозными воззрениями»¹.

В ходе изучения представлений этнических мигрантов о сложностях, с которыми они сталкиваются при переезде в РФ, было установлено, что главной трудностью является отправление религиозных потребностей: с проблемами в возможности реализации религиозных обрядов на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области сталкиваются 85,3% трудовых мигрантов [Демина, 2023, с. 80].

В работе, посвященной изучению взглядов различных поколений на систему ценностей и представлений о жизненном успехе (опрос проводился среди граждан России, Белоруссии и Таджикистана), были выделены межстрановые различия во взглядах на условия достижения успеха. В частности, «среди респондентов из Таджикистана лидирует вариант “Умение много и добросовестно работать”, но также более трети опрошенных отмечают и религиозный фактор: “Возможность успеха определяется в значительной

¹ СКР: в 2024 году преступность среди нелегальных мигрантов выросла почти втрое / Следственный комитет России. – 2024. – 2 октября. – URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1918181> (дата обращения: 18.06.2025).

степени верой в Бога (приверженностью постулатам религии)» – 35,7% [Ростовская, Князькова, 2020, с. 85].

На основании анализа культурных ценностей молодых мигрантов из стран Центральной Азии с использованием методики Х. Хофстеде, авторы приходят к выводу, что «...сила традиций, обычаев и устоявшихся социокультурных норм до сих пор очень велика». Для молодежи, которая прибыла из государств Центральной Азии, к этому добавляется серьезное религиозное основание в форме ислама [Евдокимов, Пономарева, 2022, с. 19].

Высокую значимость религиозных и национальных традиций для мигрантов из этих стран показывают также исследования, согласные которым для респондентов (очень важны / скорее важны): «религиозные традиции и обычаи: россияне – 42,7%, мигранты – 74,1%; общероссийские традиции и обычаи: россияне – 75,0%, мигранты – 63,3%; национальные / этнические традиции: мигранты – 79,8%, россияне – 63,8%» [Культурное наследие, 2023, с. 161].

Ценностные ориентации и психологические характеристики

Серьезную роль в формировании конфликтогенного потенциала этнических мигрантов играют особенности их ценностных ориентаций, а также специфика психологических характеристик. Нельзя не учитывать и национальные особенности приезжих. Исследования указывают на существование значительных «различий между мигрантами из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана по ряду социокультурных и психологических характеристик» [Гуриева, 2019, с. 50].

Некоторые социологи, изучавшие основные элементы ценностного набора представителей таджикской диаспоры, делают вывод, что «респонденты разделяют такие традиционные ценности, как религиозность, трудолюбие, уважение к старшему поколению и родовым связям. Таким образом, можно предположить, что базовые ценностные ориентиры данной этнической группы во многом пересекаются с установками населения России – принимающей страны» [Вихрова, Горлова, Флоряк, 2023, с. 117].

Подобные предположения представляются нам глубоко ошибочными. Во-первых, неверно отождествлять мусульманскую религиозность мигрантов и главным образом христианскую религиозность (по крайней мере в плане социокультурной самоидентификации) большинства коренного населения нашей страны.

К тому же нормы и некоторые постулаты автохтонных жителей Российской Федерации, исповедующих исламскую религию, нередко отличаются от зачастую более строгих религиозных требований, которые несут с собой приезжие. Во-вторых, согласно многим исследованиям, такие ценности, как уважение к старшему поколению и родовым связям, в настоящее время не имеют широкого распространения среди жителей нашей страны.

В результате исследования, проведенного среди приезжих и местных жителей Новгородской области, установлено, что для подавляющего большинства всех поколений мигрантов из стран Центральной Азии главной жизненной целью / достижением является создание семьи [Культурное наследие ..., 2023, с. 157].

Социально-психологический анализ специфики ценностных ориентаций трудовых мигрантов (таджикской, киргизской, узбекской национальности) и коренного населения Пензенской и Свердловской областей, а также Республики Мордовия с использованием методик: «Ценностные ориентации» М. Рокича, теста смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, морфологического теста жизненных ценностей (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина) выявил специфику их ценностных ориентаций. Для приезжих «характерно стремление к счастливой семейной жизни в большей степени, чем для местного населения. Из инструментальных ценностей мигранты выделяют “честность” (50%), а принимающее население – “твердую волю” (40%)» [В чужой стране ..., 2022, с. 55].

По сравнению с представителями коренного населения российских регионов приезжие из государств Центральной Азии в меньшей степени испытывают радость, интерес; жизнь в их представлении – скучный и малоинтересный процесс, у них отсутствует ее эмоциональная насыщенность и наполненность смыслами. Они существенно реже склонны планировать свое будущее. Также мигрантам в меньшей степени свойственны самостоятельность и ответственность за происходящие события, чем принимающему населению [В чужой стране ..., 2022, с. 57].

Все более важной проблемой в современной России становится организация обучения в средних школах детей трудовых мигрантов. Этому вопросу посвящено немало психологических и педагогических исследований. Большинство ученых приходят к похожему выводу. Например, «по сравнению с местными детьми дети-мигранты имеют более высокий уровень агрессивности, враждебности, у них более выражены такие формы агрессии, как фи-

зическая, вербальная и косвенная, негативизм, раздражение, подозрительность, обида» [В чужой стране ..., 2022, с. 136].

Психологические исследования, проведенные Л.Р. Толстых, также свидетельствуют, что смысложизненные ориентации учащихся – этнических мигрантов характеризуются отсутствием целей в будущей жизни. Поэтому настоящую жизнь они недостаточно осмысливают, у них наблюдается отсутствие направленности и временной перспективы. Автор высказывает предположение, что они просто живут сегодняшним или вчерашним днем, не получая удовлетворения от своей жизни в настоящем [Толстых, 2022].

Заключение

Основную роль в формировании конфликтогенного потенциала трудовых этнических мигрантов из стран Центральной Азии могут играть религия, ценности и традиции ислама, которые оказывают серьезное влияние на их менталитет и поведение. Негативным фактором в данном контексте является процесс арабизации мусульманской культуры в странах Центральной Азии. Одним из признаков этой ситуации является появление на улицах российских городов женщин в никабе, ношение которого запрещено в некоторых мусульманских странах на постсоветском пространстве, например, в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане. Незаконные молельни, где могут проповедовать представители радикального ислама, подпольные ММА-клубы, в которых занимается немало молодых трудовых этнических мигрантов, создание закрытых социальных сетей для их общения на родном языке, распространение халяльных магазинов и предприятий общепита, медучреждений, где женщин лечат в соответствии с канонами ислама, – все это способствует сохранению и укоренению ценностей и норм исламской религии в современной России.

Конфликтогенный потенциал трудовых этнических мигрантов во многом порождает их социокультурная и психологическая дезадаптация. В частности, серьезной проблемой является адаптация детей-мигрантов, которые в большинстве случаев недостаточно знают русский язык и основы русской культуры. Такие дети и подростки, пережив, как и их родители, тяжелую психическую и социокультурную травму, связанную с переездом в страну с иным цивилизационным кодом, часто находятся в состоянии перманентной фрустрации, испытывают глубокий экзистенциальный вакуум, имеют экстернальный локус контроля. Неслучайно, что по сравне-

нию с местными детьми дети-мигранты более конфликтогенны: имеют высокий уровень физической, вербальной и косвенной агрессивности, проявляют подозрительность, негативизм, раздражительность, обиду, враждебность к окружающим.

Большинство этнических трудовых мигрантов – выходцы из сельской местности, где во многом сохраняются патриархальные и родовые отношения. Значимую роль в их массовом сознании играют такие ценности, как религиозность, трудолюбие, уважение к старшему поколению и родовым связям. Фактически для этнических трудовых мигрантов из государств Центральной Азии семья и связанные с ней ценности являются главной жизненной целью. Нельзя не отметить, что среди инструментальных ценностей около половины опрошенных в одном из регионов страны мигрантов называют «честность». В этом они заметно отличаются от автохтонного населения России. Подобные ценностные ориентации могут играть роль стабилизирующего фактора в адаптации трудовых мигрантов на новом месте жительства.

Следует отметить, что анализ рассматриваемой проблемы сильно затрудняется отсутствием обоснованных эмпирических данных по различным регионам в России, полученных по сопоставимым методикам.

Список литературы

Адрианова Р.А. Мигрантофобия и ксенофобия как факторы формирования экстремистского поведения // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 139–149. – DOI: 10.31249/snsn/2023.01.10

В чужой стране: социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: монография / Константинов В.В., Осин Р.В., Бабаева М.В., Бедрина Е.Б., Кирдяшова Е.В., Климова Е.А.; под научной редакцией В.В. Константинова. – Москва: Перо, 2022. – 185 с.

Вихрова О.Ю., Горлова Я.С., Флоряк К.В. Telegram-каналы и чаты как инструмент трансляции традиционных ценностей в «цифровых диаспорах» народов Центральной Азии (на примере таджикской диаспоры России) // Информационное общество. – 2023. – № 5. – С. 107–122. – DOI: 10.52605/16059921_2023_05_107

Гуриева С.Д. Социально-психологические характеристики трудовых мигрантов России из стран центральной Азии // Научный альманах стран Причерноморья. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 50–54. – DOI: 10.23947/2414-1143-2019-20-450–54

Демина Е.Н. Ожидаемые трудности трудовых мигрантов как препятствие к их социокультурной адаптации // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 2. – С. 79–84. – DOI: 10.24412/1994-3776-2023-2-79-84

Социокультурные и психологические характеристики трудовых мигрантов в Российской Федерации: конфликтогенный потенциал

Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. – 2015. – № 1. – С. 16–29.

Евдокимов А.И., Пономарева И.В. Анализ культурных ценностей российской молодежи и мигрантов из стран Центральной Азии на современном этапе (по методике Г. Хофстеде) // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 1. – С. 14–20. – DOI: 10.24158/spp.2022.1.1

«Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов / Иванова Н.С., Егорова Т.Д., Варшавер Е.А., Савин И.С. // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 3. – С. 245–265. – DOI: 10.31249/ape/2024.03.14

Катинус О.С. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 145–151. – DOI: 10.24412/2073-0454-2022-1-145-151

Культурное наследие и связь поколений: монография / Баева Е.С., Бялясов А.А., Барков С.А., Беляева Л.А. [и др.]; под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – 406 с.

Левченко В.В., Павленина Т.Ю. Этнические стереотипы и предрассудки современной российской молодежи // Вестник университета. – 2024. – № 3. – С. 186–196. – DOI: 10.26425/1816-4277-2024-3-186-196

Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда во время и после пандемии // Социологические исследования. – 2024. – № 12. – С. 44–59. – DOI: 10.31857/S0132162524120054

Найденко В.Н. Факторы, влияющие на деятельность по предотвращению и подавлению этнических конфликтов в Российской Федерации // Вестник института социологии. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 14–28. – DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.747

Проблематизация миграции в «текстах власти» как дискурсивная основа региональной миграционной политики (на примере Красноярска) / Тимошкин Д.О., Зборовицкая Н.Н., Хуснуллина Р.Е., Саморядова Я.И., Редько О.Ю., Скроботова Я.А. // Социология власти. – 2024. – Т. 36, № 1. – С. 118–145. – DOI: 10.22394/2074-0492-2024-1-118-145

Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Система ценностей и жизненный успех: взгляд разных поколений // Социальная политика и социология. – 2020. – Т. 19, № 1(134). – С. 81–89. – DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-1-81-89

Сердюков К.Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы // Демографическое обозрение. – 2024. – Т. 11, № 3. – С. 88–101. – DOI: 10.17323/demreview.v11i3.22716

Толстых Л.Р. Психологическое содержание ценностных ориентаций учащихся-этнических мигрантов и представителей коренного населения // Психология и психотехника. – 2022. – № 4. – С. 26–31. – DOI: 10.7256/2454-0722.2022.4.39305

Хлыстунов С.Ю., Рузаев Д.А. Этническая миграция как деструктивный фактор в этнополитическом процессе // Вестник Поволжского института управления. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 58–70. – DOI: 10.22394/1682-2358-2023-4-58-70

Шабров О.Ф. Взаимообусловленность социальных и политических изменений: рискогенный потенциал // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 16–26. – DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-16-26

Шустов А.В. Контуры миграционного кризиса 2020–2022 гг. в России // Социологические исследования. – 2023. – № 4. – С. 51–64. – DOI: 10.31857/S013216250023213-7

Шустов А.В., Лузина В.А. Конфликтогенный потенциал среднеазиатский иммиграции (на примере Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 354–373. – DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-354-373

Эндрюшко А.А. Образовательные и трудовые мигранты из постсоветских стран: адаптация в российском обществе и установки на интеграцию // Социологические исследования. – 2024. – № 12. – С. 60–73. – DOI: 10.31857/S0132162524120069

Эндрюшко А.А. Трансформация ценностей иммигрантов в контексте их культурной интеграции: отношение к разводам и добрачным сексуальным отношениям // Демографическое обозрение. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 58–74. – DOI: 10.17323/demreview.v9i3.16470

Bierwiazzonek K., Waldzus S. Socio-cultural factors as antecedents of cross-cultural adaptation in expatriates, international students, and migrants: a review // Journal of cross-cultural psychology. – 2016. – Vol. 47, N 6. – P. 767–817. – DOI: 10.1177/0022022116644526

Kaufman S.J. Ethnic conflict // Security studies: an introduction / ed. by P.D. Williams. – London: Routledge, 2023. – P. 422–437. – DOI: 10.21580/ws.31.2.19374

Sacks M.P. Roots of diversity and conflict: ethnic and gender differences in the work force of the former republics of Soviet Central Asia // The Muslim Eurasia / ed. by Ya. Ro'i. – London: Routledge, 2023. – P. 269–288. – DOI: 10.4324/9781003397021

Suganda A.D., Lestari W., Sulthani D.A. Unraveling the intricate dynamics of Turkish immigrants and Muslim minorities in Germany // Walisongo: jurnal penelitian sosial keagamaan. – 2023. – Vol. 31, N 2. – P. 215–236. – DOI: 10.21580/ws.31.2.19374

Yusupova G., Ponarin E. Social remittances in religion: Muslim migrants in Russia and transformation of Islamic practices // Problems of post-communism. – 2018. – Vol. 65, N 3. – P. 188–200. – DOI: 10.1080/10758216.2016.1224552

References

Andrianova R.A. Migrant phobia and xenophobia as factors of extremist behavior formation. *Social'nye novacii i social'nye nauki* [Social novelties and social sciences]. – 2023. – N 1. – P. 139–149. – DOI: 10.31249/snsn/2023.01.10 (In Russian)

Bierwiazzonek K., Waldzus S. Socio-cultural factors as antecedents of cross-cultural adaptation in expatriates, international students, and migrants: a review. *Journal of cross-cultural psychology*. – 2016. – Vol. 47, N 6. – P. 767–817. – DOI: 10.1177/0022022116644526

Cultural heritage and the connection of generations: a monograph. Baeva E.S., Balyasov A.A., Barkov S.A., Belyaeva L.A. [et al.]. Ed. by Z.H. Saralievа. – N. Novgorod: N.I. Lobachevsky national research university, 2023. – 406 p. (In Russian)

Demina E.N. Expected difficulties of labor migrants as obstacles to their socio-cultural adaptation. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanii* [Telescope: journal of sociological and marketing research]. – 2023. – N 2. – P. 79–84. – DOI: 10.24412/1994-3776-2023-2-79-84 (In Russian)

Dmitriev A.V. Conflict potential of migration: theoretical and practical problems]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice]. – 2015. – N 1. – P. 16–29. (In Russian)

Endryushko A.A. Educational and labor migrants from post-Soviet countries: adaptation in Russian society and integration attitudes (comparative analysis). *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2024. – N 12. – P. 60–73. – DOI: 10.31857/S0132162524120069 (In Russian)

Endryushko A.A. The transformation of immigrant values in the context of their cultural integration: attitudes towards divorce and premarital sexual relations. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. – 2022. – Vol. 9, N 3. – P. 58–74. – DOI: 10.17323/demreview.v9i3.16470 (In Russian)

Evdokimov A.I., Ponomareva I.V. Analysis of cultural values of Russian youth and Central Asian migrants at the present stage (by G. Hofstede methodology). *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogics]. – 2022. – N 1. – P. 14–20. – DOI: 10.24158/spp.2022.1.1 (In Russian)

Gurieva S.D. Socio-psychological characteristics of Russian labour migrants from Central Asia. *Nauchnyj al'manah stran Prichernomor'ya* [Science almanac of Black Sea region countries]. – 2019. – Vol. 20, N 4. – P. 50–54. – DOI: 10.23947/2414-1143-2019-20-4-50-54 (In Russian)

In a foreign country: social-psychological adaptation of the work of the migrant workers in Russia: monograph. Ed. by V.V. Konstantinov. – Moscow: Pero, 2022. – 185 p. (In Russian)

Kapinus O.S. Criminality of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow university of the Ministry of internal affairs of Russia]. – 2022. – N 1. – P. 145–151. – DOI: 10.24412/2073-0454-2022-1-145-151 (In Russian)

Kaufman S.J. Ethnic conflict. *Security studies: an introduction*. Ed. by P.D. Williams. – London: Routledge, 2023. – P. 422–437. – DOI: 10.21580/ws.31.2.19374

Khlystunov S.Yu., Ruzaev D.A. Ethnic migration as a destructive factor in the ethnopolitical process. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga region institute of administration]. – 2023. – Vol. 23, N 4. – P. 58–70. – DOI: 10.22394/1682-2358-2023-4-58-70 (In Russian)

Levchenko V.V., Pavlenina T.Yu. Ethnic stereotypes and prejudices of modern Russian youth. *Vestnik universiteta* [University bulletin]. – 2024. – N 3. – P. 186–196. – DOI: 10.26425/1816-4277-2024-3-186-196 (In Russian)

Mukomel' V.I. Central Asian migrants at the Russian labor market during and after pandemic. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. – 2024. – N 12. – P. 44–59. – DOI: 10.31857/S0132162524120054 (In Russian)

Naydenko V.N. Faktory, vliyayushchie na deyatel'nost' po predotvrashcheniyu i podavleniyu etnicheskikh konfliktov v Rossijskoj Federacii [Factors affecting activities to prevent and suppress ethnic conflicts in the Russian Federation]. *Vestnik Instituta Sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. – 2021. – Vol. 12, N 4. – P. 14–28. – DOI: 10.19181/vis. 2021.12.4.747 (In Russian)

Problematization of migration in the “texts of power” as a discursive basis of regional migration policy (on the Example of Krasnoyarsk). Timoshkin D.O., Zborovickaya N.N., Xusnullina R.E., Samoryadova Ya.I., Red'ko O.Yu., Skrobotova Ya.A. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power]. – 2024. – Vol. 36, N 1. – P. 118–145. – DOI: 10.22394/2074-0492-2024-1-118-145 (In Russian)

Rostovskaya T.K., Knyaz'kova E.A. Value system and life success: the view of different generations. *Social'naya politika i sociologiya* [Social policy and sociology]. – Vol. 19, N 1 (134). – P. 81–89. – DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-1-81-89 (In Russian)

Sacks M.P. Roots of diversity and conflict: ethnic and gender differences in the work force of the former republics of Soviet Central Asia. *The Muslim Eurasia*. Ed. by Ya. Ro'i. – London: Routledge, 2023. – P. 269–288. – DOI: 10.4324/9781003397021

Serdyukov K.N. Crime of foreign migrants in Russia: facts and speculation. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. – 2024. – Vol. 11, N 3. – P. 88–101. – DOI: 10.17323/demreview.v11 i3.22716 (In Russian)

Shabrov O.F. Interdependence of social and political changes: riscogenic potential]. *Social'no-politicheskie nauki* [Sociopolitical sciences]. – 2024. – Vol. 14, N 4. – P. 16–26. – DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-16-26 (In Russian)

Shustov A.V. Contours of the migration crisis of 2020–2022 in Russia. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2023. – N 4. – P. 51–64. – DOI: 10.31857/S013216250023213–7 (In Russian)

Shustov A.V., Luzina V.A. Conflict potential of Central Asian immigration (using the example of the Yaroslavl region). *Social'nye i gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. – 2024. – Vol. 10, N 3. – P. 354–373. – DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-354-373 (In Russian)

Suganda A.D., Lestari W., Sulthani D.A. Unraveling the intricate dynamics of Turkish immigrants and Muslim minorities in Germany. *Walisongo: jurnal penelitian sosial keagamaan*. – 2023. – Vol. 31, N 2. – P. 215–236. – DOI: 10.21580/ws. 31.2.19374

“To live just like we do”: Russian residents’ perceptions of migrant integration / Ivanova N.S., Egorova T.D., Varshaver E.A., Savin I.S. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe]. – 2024. – N 3. – P. 245–265. – DOI: 10.31249/ape/2024.03.14 (In Russian)

Tolstykh L.R. The psychological content of the value orientations of students-ethnic migrants and representatives of the indigenous population. *Psihologiya i psihotekhnika* [Psychology and psychotechnics]. – 2022. – N 4. – P. 26–31. – DOI: 10.7256/2454-0722.2022.4.39305 (In Russian)

Vihrova O.Yu., Gorlova Ya.S., Floryak K.V. Telegram channels of local self-government bodies of the Russian Federation as a tool of political communication. *Informacionnoe obshchestvo* [Information society]. – 2023. – N 5. – P. 107–122. – DOI: 10.52605/16059921_2023_05_107 (In Russian)

Социокультурные и психологические характеристики трудовых мигрантов в Российской Федерации: конфликтогенный потенциал

Yusupova G., Ponarin E. Social remittances in religion: Muslim migrants in Russia and transformation of Islamic practices. *Problems of post-communism*. – 2018. – Vol. 65, N 3. – P. 188–200. – DOI: 10.1080/10758216.2016.1224552

УДК 316.483

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.05

КАЗАКОВА А.Ю.* КОНФЛИКТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ: РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД РАБОТОЙ КРИСТИНЫ ДЭВИС «ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ»

Аннотация. Рассматриваемая глава в коллективной монографии, посвященная взаимоотношениям языка, политики и общества, представляет интерес в свете смены модели миграционной и языковой политики в Российской Федерации. Обширная география социолингвистических исследований К. Дэвис доказывает высокий конфликтный потенциал любой модели языковой политики в реалиях постколониальных стран. Ситуация российского многоязычия не совпадает с описанием постколониальных языковых конфликтов автором, но требует мониторинга состояния лингвополитических процессов и восприятия языковой политики населением.

Ключевые слова: лингвистическая антропология; языковой конфликт; языковая политика; постколониализм; гегемония; престиж.

Для цитирования: Казакова А.Ю. Конфликт в лингвистической антропологии: размышление над работой Кристины Дэвис «Языковая политика и этнический конфликт» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 84–92. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.05

Статья поступила: 08.07.2025.

Принята к публикации: 05.08.2025.

* Казакова Анна Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; kazakova.a.u@yandex.ru

KAZAKOVA A.Yu.** Conflict in linguistic anthropology: reflections on the work “Language policy and ethnic conflict” by Christina Davis

Abstract. The reviewed chapter in a collective monograph devoted to the relationship between language, politics, and society, is of interest in the light of the changing model of migration and language policy in the Russian Federation. The extensive geography of sociolinguistic research by K. Davis proves the high conflict potential of any model of language policy in the realities of postcolonial countries. The situation of Russian multilingualism does not coincide with the author's description of postcolonial linguistic conflicts, but it requires monitoring the state of linguistic and political processes and the perception of language policy by the population.

Keywords: linguistic anthropology; language conflict; language policy; postcolonialism; hegemony; prestige.

For citation: Kazakova A.Yu. Conflict in linguistic anthropology: reflections on the work “Language policy and ethnic conflict” by Christina Davis. *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 3. – P. 84–92. DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.05

Received: 08.07.2025.

Accepted: 05.08.2025.

Рассматриваемая работа издана в 2023 г. международным академическим издательством *Wiley-Blackwell* в монографии «*A new companion to linguistic anthropology*», посвященной влиянию языка на социальные процессы [A new companion ..., 2023]. Книга содержит 30 работ из разных предметных областей – этнографии, социальной антропологии, социолингвистики, психологии и психолингвистики. Во многих из них исследуется конфликтный потенциал языка. На примере мексиканских трансграничных сообществ его раскрывает Анджела Рейес. В монографии ею опубликована глава «Постколониальная семиотика», где рассматриваются знаковые средства создания постколониальных элит, ведущие к антагонизму с постколониальным большинством [Reyes, 2023]. В главе «Язык и расизм» адъюнкт-профессор антро-

** Kazakova Anna Yur'evna – Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; kazakova.a.u@yandex.ru

пологии и афроамериканских исследований в Университете штата Иллинойс Кристал А. Смоллс в соавторстве с доцентом антропологии и исследований американских индейцев того же университета Дженни Л. Дэвис в уже традиционном для постколониальных исследований интерсекциональном ключе анализирует пересечение гендера, расы, сексуальности в языковых репрезентациях доминирования и угнетения [Smalls, Davis, 2023]. Книгу завершает «Сила индексальности» одного из редакторов данного издания, известного профессора антропологии Алессандро Дуранти, который показывает, как фонология, лексика, синтаксис непрерывно работают на укрепление идеи превосходства одного диалекта, рассматриваемого в качестве языкового стандарта, над диалектами меньшинств и прочих недоминирующих групп [Duranti, 2023]. Типичный для А. Дуранти принцип интерактивности и опоры на включенное наблюдение в исследовании языковых феноменов вытекает из программного положения, которое разделяют все авторы монографии: лингвистические структуры – ключ для понимания «структуры социальной жизни и для управления социальными действиями» [Duranti, 2012, p. 12]. Пристальное внимание авторов к роли лингвистических структур получает методологическое обоснование в социологической классике: говорящие могут невольно участвовать в воспроизводстве социальной несправедливости и социального неравенства, используя выражения, которые подразумевают негативную оценку их адресатов или получателей или затрудняют некоторым говорящим доступ к социальным благам. Поэтому неудивительно, что лингвистические антропологи обнаружили в понятии гегемонии Антонио Грамши способ говорить об идеологическом господстве, которое не обязательно является явным и все же эффективно воздействует на угнетенные классы. Понятие гегемонии имеет лингвистические корни. Грамши впервые столкнулся с ним как с синонимом «престижа», когда изучал лингвистику в Туринском университете в 1917–1918 гг. Позже, когда он писал в тюрьме о роли интеллигентов в обществе, он экстраполировал то, что узнал о престиже одного из диалектов («стандарта») по сравнению с другими, на престиж моральных, религиозных, эстетических и политических ценностей господствующего класса для представителей других социальных классов [ibid., p. 19].

На принципы анализа языка как инструмента власти опирается и глава «Языковая политика и этнические конфликты», написанная преподавателем антропологии Университета Западного

Иллинойса (США) Кристиной Дэвис [Davis, 2023]. Областью ее исследований являются медиалингвистика, языковая политика в условиях многоязычия и социальной напряженности, вызванной угнетением этнических меньшинств. В данной работе эти меньшинства представлены широкой постколониальной географией Азии и Африки с преимущественным фокусом на носителях тамильского языка с учетом различий в их гражданстве, вероисповедании, половой принадлежности, взаимодействии в общественных и этнически смешанных пространствах.

Ссылаясь на А. Дуранти и П. Бурдые, К. Дэвис анализирует привязку «лингвистической идеологии» к отношениям власти, показывая, как «языковой выбор людей одновременно отражает и порождает динамику власти в сообществе» [Davis, 2023, p. 483]. В двуязычных и многоязычных обществах властные отношения обуславливают и престиж языков, что далее сказывается на практиках получения образования и трудоустройства, на характере взаимодействий между группами большинства и меньшинства.

Регулировать эти взаимодействия, сглаживая их напряженность, призвана языковая политика. Лингвистическую антропологию и этнографию языка больше всего интересует институциональная и внеинституциональная реализация языковой политики; приветствуются ли ее цели носителями того или иного языка; как она обосновывается носителями; как встраивается в педагогический процесс, формируя образовательное неравенство.

Языковую политику в постколониальных странах К. Дэвис описывает как заведомый конфликт. Она определяет ее как «опосредованный властными отношениями сложный набор социокультурных процессов, основанных на нормативных заявлениях людей и институтов о законных и незаконных формах употребления языка» [Davis, 2023, p. 482]. Языковая и образовательная политика зачастую усиливает «напряженность в отношениях между этническими меньшинствами и группами большинства, борющимися за политическую и экономическую власть» [ibid., p. 479]. Интересно, что эта напряженность, как следует из представленных К. Дэвис лингвополитических кейсов, возникает независимо от того, какую модель языковой политики выбирают реформаторы и какой язык становится государственным или эталонным.

В частности, как показывает К. Дэвис, когда постколониальные националистические элиты в Сингапуре, Гонконге, Намибии, Южной Африке, на Филиппинах столкнулись с вопросом о государственном языке и языке школьного образования, наиболее про-

стым решением стало сохранение в этом качестве английского языка как этнически и, как надеялись реформаторы, политически нейтрального. Пытаясь сформировать сбалансированное двуязычие (английский + родной в качестве обязательной школьной дисциплины), языковая политика строила имидж мультикультурного государства, но одновременно воспроизводила колониальные лингвистические и (как следствие) социальные иерархии. К. Дэвис приводит данные, обнаруженные исследователем языковых движений в Индии Э. Аннамалаи, который долгое время «отвечал за разработку национальной политики и программ по развитию всех индийских языков, подготовку учителей для преподавания и подготовку материалов для изучения индийских языков в качестве второго языка в школах»¹ и выяснил, что получившие прибыльную работу выпускники учились в хорошо финансируемых, чаще частных, школах с английским языком обучения и происходили из семей, владевших английским языком в течение нескольких поколений. При этом классовые, экономические преимущества меньшинства учащихся обществом воспринимались как преимущества английского языка.

Другая ситуация сложилась на Шри-Ланке, в Таиланде, Малайзии, где политические лидеры отказались от английского в пользу местных языков, определив их статус как единственных государственных и единственных языков обучения, чтобы создать общенациональную идентичность. Но ожидаемого снижения колониального неравенства не произошло: система образования разделилась на государственную с местными языками обучения и частную с английским языком, где обучаться было престижнее, потому что главное преимущество англоязычного обучения – доступ к высокооплачиваемой работе – сохранялось и в государственном, и в частном секторе экономики. На Шри-Ланке ситуация усугубилась еще и тем, что английский был заменен не одним, а двумя местными языками – тамильским и сингальским, что имело негативные последствия для этнических отношений. К. Дэвис прослеживает историю этнолингвистического конфликта с колониального периода, что позволяет ей выделить ошибки языковой политики: «Большая часть населения страны идентифицирует себя как сингалы, а крупнейшими этническими меньшинствами являются северные и восточные тамилы <...> (потомки мигрантов,

¹ Annamalai E. // The Hebrew university website. – URL: <https://neemerc.huji.ac.il/people/e-annamalai> (accessed: 01.06.2025).

прибывших из Южной Индии в британский колониальный период для работы на плантациях в центральном нагорье), а также тамилоязычные мусульмане. После обретения независимости в 1948 г. правительство сингальского буддийского большинства провело дискриминационную политику в отношении тамилгов (индуистов или христиан) и мусульман, которые, по их мнению, пользовались привилегиями в колониальный период. В 1956 г. правительство сделало сингальский единственным официальным языком страны – решение, которое нанесло ущерб статусу и будущим перспективам получивших образование на английском языке тамилгов Севера и Востока, которые работали на государственной службе на Юге <...>. Тамильский язык получил статус официального в 1987 году, а английский был признан межэтническим “связующим” языком» [Davis, 2023, p. 481]. Благодаря этому и тамильские, и сингальские дети получили право на бесплатное общее образование на родном языке. Но это же вызвало сегрегацию и чувство взаимного недоверия. Следствием стал обратный переход государств от нативистской языковой политикой к реинтеграции в систему бесплатного школьного образования английского языка как средства межнационального общения.

Продолжая свою давно сформировавшуюся линию изучения динамики тамильского языка, К. Дэвис иллюстрирует теоретические положения своей работы полевыми социолингвистическими данными, касающимися речевых практик тамильских школьниц в условиях затяжного межэтнического кризиса, спровоцированного гражданской войной на Шри-Ланке, последствия которой не преодолены до сих пор. Общая установка тамилгов во время острой фазы конфликта (2007–2009) на сокрытие своей этнической принадлежности, а значит, и на избегание родного языка в публичных местах во избежание ареста, исчезновения, притеснений передалась и детям, которые выработали практику уличных прогулок с друзьями в обнимку, что позволяло им говорить по-тамильски не опасаясь, что их подслушают. Второй усвоенной привычкой стала постоянная внутренняя напряженность, связанная с речевым самоконтролем (чтобы избежать непроизвольных эмоциональных реакций на тамильском, смешения слов двух языков), поскольку они вызывают со стороны окружающих более или менее резкие и постоянные акты пресечения такого речевого поведения. Главным следствием интериоризации необходимости считаться с сингальским большинством и «не говорить по-тамильски громко» [Davis,

2023, р. 487] становится, как показывает исследовательница, «приглушение» и национальной идентичности.

Главный вывод, который можно сделать из работы К. Дэвис, помимо отсутствия у языка политической нейтральности (что на сегодня уже не требует доказательств), – это отсутствие однозначно безопасной, экологичной, работающей на этническую интеграцию модели языковой политики, которая удовлетворяла бы все заинтересованные стороны. Языковая политика, пишет К. Дэвис, никогда не бывает нейтральной. Она всегда включается в ситуацию этнического конфликта как оружие, которое «может использоваться, как в интересах централизованного государства, так и сепаратистских групп» [Davis, 2023, р. 479]. Соответственно, в федеративных государствах, многоязычных обществах, в ситуациях деколонизации и постколониального развития потенциал лингвистически обусловленной (по крайней мере, на внешнем, декларативном уровне) напряженности с переходом в открытый насильственный конфликт существует всегда.

Социолингвистов национальных республик России тревожит языковая ситуация рассогласованности декларируемых населением ценностных ориентаций на использование родного языка и реального речевого поведения, связанного с использованием русского языка как языка межнационального общения и предпочтительного языка домашнего общения в случае смешанных браков [Шахбанова, 2022]. Фиксируются различия в моделях языковой политики *de-jure* и *de-facto* [Биткеева, 2022, с. 40], сужение сфер функционирования национальных языков, рост числа билингвов, преобладание пассивного владения языком над активным [Хилханова, Дырхеева, 2024]. Снижение жизнеспособности миноритарных языков вызывает беспокойство в научной, педагогической среде и у политических этнолидеров, тогда как население республик, как показывают исследования, ориентируется больше на прагматику удобства, не теряя при этом национальной идентичности [Хилханова, Дырхеева, 2024]. Несмотря на неблагоприятные для национальных языков показатели развития, их невозможно считать последствиями колониального гнета, поскольку отсутствует существенная для (пост)колониальной языковой ситуации деталь – блокировка доступа к образованию: «Колониальные системы образования создали языковую и классовую иерархию между теми, кто получил образование на колониальном языке (например, английском, французском, португальском или африкаанс), и теми, кто этого не делал. Колониальные правительства готовили небольшую элиту для за-

нятия постов на государственной службе. Общее школьное образование ограничивалось начальным уровнем, а доступ к более высоким уровням образования жестко контролировался. Только те люди, которые получили высшее образование, стали свободно владеть колониальным языком <...>. Эта эксклюзивная группа смогла проникнуть в элитные круги общества, присоединившись к тем, кто обладал богатством и властью» [Davis, 2023, p. 480]. Вместе с тем сложившаяся в республиках языковая ситуация потенциально подвержена политическим спекуляциям, что грозит конфликтами и потому требует мониторинга состояния языковой среды и оценок населением оправданности, справедливости и эффективности языковой политики.

Список литературы

Биткеева А.Н. Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 4. – С. 38–52. – DOI: 10.25178/nit.2022.4.3

Хилханова Э.В., Дырхеева Г.А. Язык и этническая идентичность в зеркале переписей населения и региональных обследований: на примере бурятского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – № 4. – С. 112–126. – DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-112-126

Шахбанова М.М. Языковая политика и языковой конфликт в современном российском обществе // Caucasian science bridge. – 2022. – № 1. – С. 10–21.

A new companion to linguistic anthropology / ed. by A. Duranti, R. George, R.C. Riner. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2023. – XVII, 622 p. – DOI: 10.1002/9781119780830

Davis Ch. Language policy and ethnic conflict // A new companion to linguistic anthropology / ed. by A. Duranti, R. George, R.C. Riner. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2023. – P. 479–493. – DOI: 10.1002/9781119780830.ch26

Duranti A. Anthropology and linguistics // ASA Handbook of Social Anthropology / ed. by R. Fandon, O. Harris, T.H.J. Marchand, M. Nuttall [et al.]. – Los Angeles; London: SAGE, 2012. – P. 12–23. – DOI: 10.4135/9781446201077.n3

Duranti A. The force of indexicality // A new companion to linguistic anthropology / ed. by A. Duranti, R. George, R.C. Riner. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2023. – P. 596–613. – DOI: 10.1002/9781119780830.ch33

Esenova T. Russian speech in Kalmykia: history and current state // Mediterranean journal of social sciences. – 2015. – № 6. – P. 456–461. – DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n4s2p456

Reyes A. Postcolonial semiotics // A new companion to linguistic anthropology / ed. by A. Duranti, R. George, R.C. Riner. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2023. – P. 107–121. – DOI: 10.1002/9781119780830.ch6

Smalls K.A., Davis J.L. Language and racism // A new companion to linguistic anthropology / ed. by A. Duranti, R. George, R.C. Riner. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2023. – P. 560–576. – DOI: 10.1002/9781119780830.ch31

References

A new companion to linguistic anthropology. Ed. by A. Duranti, R. George, R.C. Riner. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2023. – XVII, 622 p. – DOI: 10.1002/9781119780830

Bitkeeva A.N. Model of sociolinguistic forecasting and the current trends of language policy in the regions of Russia. *Novye issledovaniya Tuvy* [New research of Tuva]. – 2022. – N 4. – P. 38–52. – DOI: 10.25178/nit.2022.4.3 (In Russian)

Davis Ch. Language policy and ethnic conflict. *A new companion to linguistic anthropology*. Ed. by A. Duranti, R. George, R.C. Riner. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2023. – P. 479–493. – DOI: 10.1002/9781119780830.ch26

Duranti A. Anthropology and linguistics. *ASA Handbook of Social Anthropology*. Ed. by R. Fandon, O. Harris, T.H.J. Marchand, M. Nuttall [et al.]. – Los Angeles, London: SAGE, 2012. – P. 12–23. – DOI: 10.4135/9781446201077.n3

Duranti A. The force of indexicality. *A new companion to linguistic anthropology*. Ed. by A. Duranti, R. George, R.C. Riner. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2023. – P. 596–613. – DOI: 10.1002/9781119780830.ch33

Esenova T. Russian speech in Kalmykia: history and current state. *Mediterranean journal of social sciences*. – 2015. – N 6. – P. 456–461. – DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n4s2p456

Hilhanova E.V., Dyrheeva G.A. Language and ethnic identity in the mirror of population censuses and regional surveys: on the example of the Buryat language. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk journal of linguistics and anthropology]. – 2022. – N 4. – P. 112–126. – DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-112-126 (In Russian)

Reyes A. Postcolonial semiotics. *A new companion to linguistic anthropology*. Ed. by A. Duranti, R. George, R.C. Riner. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2023. – P. 107–121. – DOI: 10.1002/9781119780830.ch6

Shakhbanova M.M. Language policy and language conflict in modern Russian society. *Caucasian science bridge*. – 2022. – N 1. – P. 10–21. – DOI: 10.18522/2658-5820.2022.1.1 (In Russian)

Smalls K.A., Davis J.L. Language and racism. *A new companion to linguistic anthropology*. Ed. by A. Duranti, R. George, R.C. Riner. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2023. – P. 560–576. – DOI: 10.1002/9781119780830.ch31

УДК 316.485.6

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.06

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: BRAMSEN I. THE MICRO-SOCIOLOGY OF PEACE AND CONFLICT. – Cambridge; New York: Cambridge university press, 2024. – XIII, 254 p. [БРАМСЕН И. МИКРОСОЦИОЛОГИЯ МИРА И КОНФЛИКТА]

Аннотация. Рецензируемая книга предлагает взглянуть на конфликт и его урегулирование через призму микросоциологии. Автор, применяя разработанный им методологический и теоретический инструментарий, рассматривает, как проявления насилия, ненасильственного сопротивления, трансформация конфликта, мирные переговоры и международные встречи можно понимать по-разному с позиций микровзаимодействий и микросоциальной динамики.

Ключевые слова: микросоциология; конфликт; мирное урегулирование; ритуалы взаимодействия; насилие; переговоры.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 93–102. – Рец. на кн.: Bramsen I. The micro-sociology of peace and conflict. – Cambridge, New York: Cambridge university press, 2024. – XIII, 254 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.06

Рецензия поступила: 25.06.2025.

Принята к публикации: 15.07.2025.

PRYAZHNIKOVA O.N.** Book review: Bramsen I. The micro-sociology of peace and conflict. – Cambridge, New York: Cambridge university press, 2024. – XIII, 254 p.

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; olga.priazhnikova@inion.ru

** Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; olga.priazhnikova@inion.ru

Abstract. The book offers to have a look at conflict and its resolution through the lens of microsociology. The author, using the methodological and theoretical tools which she developed, examines how phenomena of violence, non-violent resistance, conflict transformation, peace talks and international meetings can be understood differently within the framework of micro-interactional and micro-social dynamics.

Keywords: microsociology; conflict; peacemaking; rituals of interaction; violence; negotiations.

For citation: Pryazhnikova O.N. [Book review]. Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 3. – P. 93–102. Book review: Bramsen I. The micro-sociology of peace and conflict. – Cambridge, New York: Cambridge university press, 2024. – XIII, 254 p. DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.06

Received: 25.06.2025.

Accepted: 15.07.2025.

В своей книге Изабель Брамсен, сотрудница Лундского университета (Швеция), предлагает рассмотреть проблематику конфликтов и их разрешения через призму микросоциологического подхода на основе материалов, связанных с практиками эскалации и урегулирования конфликтов в различных контекстах: события Арабской весны, переговоры о мире на Филиппинах (2016–2020), обсуждения конфликтных ситуаций в Совете Безопасности ООН, переговоры представителей России и Украины в Турции (2022) и т.д. Актуальность проблематики книги не вызывает сомнения в условиях обострения геополитической обстановки в последние годы. Новизна исследования заключается в том, что автор применила свой собственный подход, который она разработала, опираясь на работы основоположников микросоциологии [Гофман, 2009; Clark, 2004], среди которых особое место занимает американский социолог Р. Коллинз, исследовавший, в том числе, и проблемы насилия [Коллинз, 2025].

Книга состоит из семи глав. Первая глава раскрывает особенности микросоциологического подхода, в рамках которого макросоциальные явления (например конфликт) рассматриваются как включающие в себя микроситуации (множество микровзаимодействий) и представляющие собой нечто большее, чем просто их

сумма. В главе представлены основные теоретические концепции и идеи, использованные в исследовании, включая следующие.

– Ключевые события или узловые точки, которые могут представлять собой харизматичные личности, артефакты, события и концепции, часто нагруженные символическим значением и способные структурировать социальную форму вокруг них. Это могут быть жестокие злодеяния, которые помнят через поколения; рукопожатия или примирительные встречи между политиками. Они имеют большое символическое значение и связаны в сети взаимодействий [Bramsens, 2024, p. 20].

– Ритуалы взаимодействия, создающие эмоциональную энергию (в терминологии Р. Коллинза), солидарность между участниками, символы социальных отношений и общие стандарты морали [Bramsens, 2024, p. 23].

– Социально-эмоциональный кредит (одобрение, похвала) / дискредитация (недоверие, компрометация) или ресурс эмоциональной природы, которым обмениваются, возвращают или передают во взаимодействии. В сфере международной политики, по мнению автора, социально-эмоциональные кредиты могут принимать форму выражения уважения, признания, почестей, принесения извинений [Bramsens, 2024, p. 27].

– Понятие микросоциальности (*micro-sociality*) автор определяет как основополагающую социальную динамику и логику микровзаимодействий, подразумевающих определенные ритмы и сценарии интеракций и обмена социально-эмоциональным ресурсом.

Опираясь на теорию Р. Коллинза о ритуалах взаимодействия и собственные работы в сотрудничестве с П. Подером¹, И. Брамсен вводит понятия четырех режимов взаимодействия: дружественное взаимодействие (*friendly interaction*), взаимодействие низкой интенсивности (*low-intensity interaction*), доминирующее взаимодействие (*dominating interaction*) и конфликтное взаимодействие (*conflictual interaction*). Эти четыре режима взаимодействия отно-

¹ *Bramsens I., Poder P.* Understanding three basic emotional dynamics in conflicts: a situational research agenda // *Peace research: journal of peace and conflict studies.* – 2014. – N 2. – P. 51–68; *Bramsens I., Poder P.* Emotional dynamics in conflict and conflict transformation // *Berghof handbook for conflict transformation.* – Berlin: Berghof research center for constructive conflict management, 2018. – 19 p. – URL: <https://berghof-foundation.org/library/emotional-dynamics-in-conflict-and-conflict-transformation> (accessed: 15.06.2025).

сятся к различным способам и ритмам взаимодействия с определенным импульсом, который «приглашает» всех участников следовать определенному «сценарию», который трудно изменить [Bramsen, 2024, p. 30].

В глобальной политике *дружеское взаимодействие* происходит на многих аренах, от уличных демонстраций до секретных переговоров в кулуарах и на дипломатических встречах, где лидеры и дипломаты взаимодействуют в целенаправленном, заинтересованном и сонастроенном режиме, уделяя должное внимание и своевременно реагируя на высказывания друг друга кивками, улыбками и другими проявлениями языка тела, что укрепляет социальные связи и доверие между участниками интеракции. Для *взаимодействий низкой интенсивности* характерен низкий уровень вовлеченности и энергии участников, где никто не верит, что решение конфликта возможно, участникам «не о чем говорить», возникают длинные паузы, попытки обсудить определенные темы безуспешны и т.д. Однако взаимодействие низкой интенсивности может быть плодотворным в международных отношениях при конфликтах высокой интенсивности и горячих дипломатических дискуссиях, когда необходимо использование определенных процедур или введение стороннего посредника, что часто замедляет ритм взаимодействия из-за требования формальных форм обращения перед каждым высказыванием и действий посредника, прерывающих и задающих более медленный ритм взаимодействия [Bramsen, 2024, p. 33]. *Доминирующее взаимодействие* имеет место, когда один участник полон энергии, чувствует себя увереннее и находится в положении превосходства, а другой ослаблен, чувствует себя «неполноценным» и подавленным. Логика и сценарий *конфликтного взаимодействия* заключаются в том, что две или более сторон отрицают заявления и действия друг друга в ситуации асимметричного распределения эмоциональной энергии, когда одна сторона теряет, а другая приобретает эмоциональную энергию. По мнению автора, конфликтное взаимодействие подразумевает некоторую форму сопротивления или даже нападения на другого, на что другой отвечает контратакой, «отзеркаливающей» первоначальный акт [Bramsen, 2024, p. 35].

Представленные И. Брамсен четыре способа взаимодействия определяют, как развиваются конфликты, активизируются ли субъекты или теряют эмоциональную энергию, ведут ли переговоры к сближению или возникает вспышка насилия. В главе также рассматриваются возможные варианты развития и сочетания опи-

санных видов взаимодействия, факторы их изменения, прерывания и трансформации.

Во второй главе представлены применяемые автором методы: интервью, текстовый анализ, опросы, цифровые методы, совместные (партиципаторные) наблюдения, анализ видеозаписей; а также аналитические стратегии, предполагающие исследования моделей взаимодействия, цепочек ритуалов взаимодействия (последовательности интеракций, в которых участники обмениваются эмоциональной энергией и символами) и ключевых событий. Особое внимание уделяется методу анализа видеозаписей, так как он особенно хорошо подходит для фиксации микродинамики ритма, эмоций и телесного взаимодействия при конфликтах и их разрешении. Раскрываются особенности метода сбора, кодировки и анализа видеоматериалов, а также его триангуляции.

В третьей главе вводится микросоциологическое понимание прямого и структурного насилия. Раскрывая тезис о том, что структурное насилие обычно проявляется в ситуациях доминирования, автор в качестве примера приводит ситуацию международного конфликта, а именно практики Израиля по поддержанию оккупации и контроля над палестинской территорией через ритуалы, которые порождают страх, унижение, подчинение (рассматривается процедура прохождения палестинцев через контрольно-пропускные пункты для доступа на работу, в школу или с целью посещения членов семьи) [Bramsen, 2024, p. 82].

Далее показывая, как структурное насилие осуществляется в конкретных ситуациях доминирования на материалах исследований восстаний в Бахрейне, Тунисе и Сирии, автор предлагает свою микросоциологическую модель прямого насилия. Она показывает связь между ситуативным вводом практик доминирования / насилия, использованием оружия или выполняющих его роль предметов и динамикой эмоциональной энергии (конфронтации, напряжения и страха), а также самоусиливающимися петлями обратной связи, генерирующими насилие [Bramsen, 2024, p. 102].

Четвертая глава представляет микросоциологическое видение ненасильственного сопротивления, переосмысления власти, авторитарных режимов и ситуативной действенности ненасилия. И. Брамсен предлагает взглянуть на репрессивные действия оккупационных властей или авторитарного режима как на жестко организованные доминирующие взаимодействия с ритмической координацией, а также на то, как ненасильственное сопротивление может нарушить эту ритмическую координацию и подорвать гос-

подство режима. Обсуждаются примеры того, как конкретные насильственные действия могут быть полезны для борьбы с репрессиями. А именно, способны изменить ритуал взаимодействия или даже просто пойти против ситуационного давления. Отмечается, что изменение ритма ритуалов взаимодействия доминирования требует значительной эмоциональной энергии. В качестве примера приводятся действия Нельсона Манделы, который, высадившись на острове Роббен по пути в тюрьму, отказался следовать требованиям тюремных охранников «бежать трусцой» и навязал свой «собственный» более медленный темп ходьбы, т.е. буквально изменил ритм, который ему навязывался, взял ситуацию под контроль и нарушил ритуал господства, который охранники пытались поддерживать [Bramsen, 2024, p. 108–109].

Далее автор рассматривает две основные формы репрессий с точки зрения производимого ими эффекта – активизирующие и дезактивирующие. Так, во время событий Арабской весны (рассматривались эмпирические данные из Бахрейна 2011 г., Туниса 2010–2011 гг. и Сирии 2011 г.) похороны убитых правящими режимами становились центральными местами встреч и ритуалом взаимодействия, который укреплял внутригрупповую солидарность, активизировал и мобилизовал больше демонстрантов [Bramsen, 2024, p. 113]. Как пример дезактивирующих репрессий приводятся действия властей в Бахрейне (начиная с 2011 г.), которые, по мнению автора, являют собой и структурное, и прямое насилие. Там режим применяет изъятие национальных паспортов и увольнение с работы людей, участвовавших в протестах, что представляет собой косвенные формы репрессий, связанные с ограничением гражданских свобод. При этом режим в значительной степени прекратил открыто убивать протестующих на улице, вместо этого им наносятся ранения, их сажают в тюрьму и подвергают пыткам [ibid., p. 115]. Автор делает вывод, что в конфликтах ненасильственного сопротивления ситуация определяется тем, могут ли протестующие или режим доминировать и бросать вызов жесткой, ритмической координации взаимодействия и единству противника. Если ни одна из сторон не способна доминировать, но достаточно энергична, чтобы продолжать борьбу, ситуация конфликта скорее всего обострится.

Пятая глава посвящена микросоциологии трансформации конфликта и раскрывает то, как возникающая в процессе взаимодействия солидарность может нарушить и трансформировать конфликтные отношения. И. Брамсен рассматривает, как антагани-

стическое конфликтное взаимодействие может быть трансформировано через:

1) ритуалы примирения – встречи в рамках восстановительного правосудия (restorative justice meetings), принесение извинений, признание неправомерных действий. Трансформирующий аспект соответствующих ритуалов заключается в восстановлении человеческой связи и некоторой степени взаимопонимания, например между жертвой и преступником [Bramsen, 2024, p. 128–139];

2) диалог, в том числе с участием посредника, который способен трансформировать способ взаимодействия и / или направить разговор в более сбалансированном, диалогическом русле. При этом автор отмечает, что цель диалога и роль посредничества заключается не в том, чтобы избежать конфликта, а в предоставлении сторонам пространства для высказывания [Bramsen, 2024, p. 140];

3) социальную деятельность как участие в неконфликтных действиях, способствующих трансформации конфликта и построению мира. Она включает в себя участие в спортивных, культурных мероприятиях, совместных обедах, совместное времяпрепровождение в перерывах между сессиями переговоров, что дает участникам возможность осознать наличие друг у друга различных идентичностей, а не только идентичности принадлежащих к другой этнической / религиозной / национальной группе, обуславливающей их оппозиционное позиционирование [Bramsen, 2024, p. 143].

Анализируя случаи диалогов в ситуациях конфликта в Северной Ирландии, Колумбии, Израиле / Палестине и Косово / Сербии, автор фокусируется на трех аспектах диалога: поворотных моментах¹, доминировании² и совместном смехе³. Помимо этого в более широком контексте трансформации отношений и взаимо-

¹ Поворотные моменты (turning points) – моменты в ритуалах примирения, когда происходит определенный сдвиг, иногда едва заметный, в котором участники устанавливают определенную связь друг с другом, несмотря на различия и конфликт [Bramsen, 2024, p. 144].

² Автор отмечает, что хотя диалог и другие факторы трансформации конфликта имеют потенциал активизировать и создавать социальные связи между участниками, они также могут использоваться для доминирования над оппонентами, особенно в асимметричных конфликтах [Bramsen, 2024, p. 150].

³ Юмор способен сыграть значительную роль в изменении динамики взаимодействия, совместный смех с «врагом» может стать преобразующим инструментом, облегчающим взаимодействие, снижающим напряжение и, таким образом, потенциально изменяющим сценарий интеракции [Bramsen, 2024, p. 147].

действий при конфликте в главе рассматривается потенциал «инфраструктуры для мира», идея которой заключается в создании инфраструктуры, создающей возможности для более широких слоев общества выстраивать механизмы сотрудничества между заинтересованными акторами. Это может быть создание институтов, таких как школы, и инфраструктуры, такой как жилье и мосты (приводится пример Моста Мира через реку Фойл в г. Дерри, Северная Ирландия), которые позволят устанавливать контакты и поддерживать связь между разными сообществами [Bramsen, 2024, p. 157].

Шестая глава посвящена рассмотрению особенностей переговоров в ходе конфликтных ситуаций на уровне представителей государственной элиты на основе прямых наблюдений за переговорами на Филиппинах в 2017 г., видеоданных с переговоров по пограничному спору Сербии и Косово (2013–2021) и переговоров 2022 г. между Россией и Украиной, а также интервью участников о ходе мирных переговоров в Колумбии между правительством и Революционными вооруженными силами (2012–2016). В главе описывается микросоциологическая динамика, связанная с различными «пространствами» мирных переговоров: формальным – непосредственно за столом переговоров, пространством челночной дипломатии, неформальным пространством (кофе-брейк, ужин / прием в посольстве), «формализованным неформальным» пространством (более формальным, чем неформальное пространство, например когда стороны переговоров удаляются в разные комнаты для мозгового штурма и «отдыха» друг от друга), пресс-конференциями и виртуальным пространством.

Кроме того, автор особо подчеркивает важность языка тела в мирных переговорах для более эмоционально вовлеченного взаимодействия за столом переговоров и в других пространствах для укрепления социальных связей между конфликтующими сторонами. В главе также обсуждается важность построения доверия в ходе переговоров, при этом автор подчеркивает, что, помимо межличностного доверия, доверие к другой стороне в более абстрактной форме подразумевает и уверенность в эффективности мирного процесса и реальности достижения урегулирования [Bramsen, 2024, p. 181].

В заключительной, седьмой, главе автор анализирует микросоциологическую динамику сближения, конфликта, доминирования и взаимодействий низкой интенсивности, а также обмен социально-эмоциональным кредитом и дискредитацией на материалах

международных встреч в Совбезе ООН, на уровне ЕС, а также двусторонних встреч глав государств в контексте мирного урегулирования конфликтов. Рассматриваются несколько примеров из дипломатии высокого уровня, в частности особенное рукопожатие Дональда Трампа [Bramsens, 2024, p. 196]. В главе также обсуждается микросоциологическое значение участия женщин в дипломатии. Автор отмечает, что с точки зрения трансформации взаимодействия женщины имеют большее пространство для маневра в силу их гендерной роли в обществе, и это позволяет женщинам легче менять динамику дипломатической ситуации. Они могут производить «обезоруживающий эффект» на коллег-мужчин, которые склонны в меньшей степени воспринимать женщин как конкурентов [ibid., p. 207].

В заключение отметим, что книгу И. Брамсен можно позиционировать как в своем роде первую, демонстрирующую то, как микросоциология может применяться для анализа вопросов конфликта и мира. Активно используемый автором метод анализа видеозаписей, помимо своей доступности, несомненно, дает возможность для большего понимания особенностей взаимодействий и позволяет учитывать более широкий диапазон аспектов конфликтов (в том числе микросоциологических) и интеракций, имеющих отношение к вопросам международной политики. Представляется, что, основываясь на анализе обширного эмпирического материала, И. Брамсен удалось не только углубить понимание проблем развития и урегулирования конфликтов, но и представить ценный материал, раскрывающий практические способы действий в ситуации конфликта, сфере миротворчества и ненасильственного сопротивления.

Список литературы

- Гофман Э.* Ритуал взаимодействия. – Москва: Смысл, 2009. – 318 с.
- Коллинз Р.* Насилие: микросоциологическая теория. – Москва: НЛЮ, 2025. – 1008 с.
- Bramsens I.* The micro-sociology of peace and conflict. – Cambridge; New York: Cambridge university press, 2024. – XIII, 254 p. – DOI: 10.1017/9781009282710
- Clark C.* Emotional gifts and “you first” micropolitics: niceness in the socioemotional economy // Feelings and emotions / ed. by A.S.R. Manstead, N. Frijda, A. Fischer. – New York: Cambridge university press, 2004. – P. 402–421. – DOI: 10.1017/CBO9780511806582.023

References

Bramsen I. *The micro-sociology of peace and conflict*. – Cambridge, New York: Cambridge university press, 2024. – XIII, 254 p. – DOI: 10.1017/9781009282710

Clark C. Emotional gifts and “you first” micropolitics: niceness in the socioemotional economy. *Feelings and emotions*. Ed. by A.S.R. Manstead, N. Frijda, A. Fischer. – New York: Cambridge university press, 2004. – P. 402–421. – DOI: 10.1017/CBO9780511806582.023

Collins R. *Violence: microsociological theory*. – Moscow: NLO, 2025. – 1008 p. (In Russian)

Goffman E. *The ritual of interaction*. – Moscow: Smysl, 2009. – 318 p. (In Russian)

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

УДК 316.74; 271

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.07

БАЛАБЕЙКИНА О.А., МАХРОВ М.А., ХРУСТАЛЕВА А.С., ЯНКОВСКАЯ А.А.* РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ДОМИНАНТА КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Аннотация. Авторы рассматривают новозеландское конфессиональное пространство, делая акцент на анализе территориально-административной структуры Римско-католической церкви Новой Зеландии (РКЦНЗ) и функционировании этой религиозной организации, встроеной в экономическую и социальную сферы жизни.

Цель исследования – выявить экономические, социальные, территориальные и институциональные аспекты деятельности РКЦНЗ. Институциональная модель взаимоотношений РКЦНЗ и государства не вполне типична для конфессионального пространства региона, и опыт реализации данных взаимоотношений может быть актуален для других стран. Приведен расчет индекса религиозной мозаичности с целью оценки степени разнообразия религиозного состава регионов Новой Зеландии. В статье обосновывает-

* © Балабейкина О.А., Махров М.А., Хрусталева А.С., Янковская А.А., статья, 2025

Балабейкина Ольга Александровна – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного университета; olga8011@ya.ru

Махров Михаил Алексеевич – студент гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; maiklmahrov@yandex.ru

Хрусталева Анастасия Сергеевна – студентка гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; hrust-nastya19@yandex.ru

Янковская Анна Андреевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного университета; aia777@ya.ru

ся, что современная РКЦНЗ – значимый институт, играющий существенную роль в разных областях хозяйства страны.

Ключевые слова: Новая Зеландия; религиозная организация; экономическая деятельность; конфессиональное пространство; Римско-католическая церковь; религиозная мозаичность.

Для цитирования: Римско-католическая церковь как доминанта конфессионального пространства Новой Зеландии / Балабейкина О.А., Махров М.А., Хрусталева А.С., Янковская А.А. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 103–121. – DOI: 10.31249/tsoc/2025.03.07

Статья поступила: 02.07.2025.

Принята к публикации: 15.08.2025.

BALABEIKINA O.A., MAKHROV M.A., KHRUSTALYOVA A.S., YANKOVSKAYA A.A.** The Roman Catholic Church as the dominant religious institution in New Zealand

Abstract. The authors consider the confessional space of New Zealand, focusing on the analysis of the territorial and administrative structure of the national Roman Catholic Church (RCCNZ) and the functioning of this religious organization, which is embedded in the economic and social spheres.

The purpose of the study is to identify the economic, social, territorial, and institutional aspects of the RCCNZ 's activities. The institutional model of the relationship between the RCCNZ and the state is not entirely typical for the region's confessional space, and the experience of implementing this relationship may be relevant for other countries. The article calculates the religious mosaic index to assess the diversity of the religious composition of the regions of New Zealand. The article argues that the modern RCCNZ is a significant institution that plays a crucial role in various sectors of the country's economy.

** Balabeikina Olga Aleksandrovna – PhD (Geography), Associate Professor of the Department of Regional Economics and Environmental Management, St. Petersburg State University; olga8011@ya.ru

Makhrov Mikhail Alekseevich – Student of the Faculty of Humanities, St. Petersburg State University; maiklmahrov@yandex.ru

Khrustaleva Anastasia Sergeevna – Student of the Faculty of Humanities, St. Petersburg State University; hrust-nastya19@yandex.ru

Yankovskaya Anna Andreevna – PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Environmental Management, St. Petersburg State University; aia777@ya.ru

Keywords: New Zealand; religious organization; economic activity; Roman Catholic Church; religious mosaic.

For citation: The Roman Catholic Church as the dominant religious institution in New Zealand. Balabeikina O.A., Makhrov M.A., Khrustalyova A.S., Yankovskaya A.A. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 3. – P. 103–121. DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.07

Received: 02.07.2025.

Accepted: 15.08.2025.

Введение

Конфессиональное пространство страны является важной составляющей ее общего страноведческого портрета, во многом определяя культуру, традиции населения, а также оказывая непосредственное влияние на экономические и социальные аспекты развития государства [Котляров, 2024]. Особенно это касается случаев, когда доля приверженцев религиозного вероисповедания существенна. Недаром этой тематике специалисты уделяют большое внимание, представляя интересные результаты изучения конфессионального пространства отдельных государств [Калабкина, Кицис, 2025]. Перечень их расширяется, все более охватывая для детального изучения, основанного на анализе количественных данных и прочих ценных эмпирических сведений, страны не только Европы, но и других регионов мира [Горохов, Дмитриев, Агафоши, 2025]. В последние годы в отечественном научном обороте появились исследования, отражающие особенности конфессионального пространства Китая [Горохов, Дмитриев, Агафшин, 2023], Филиппин [Балабейкина, Кузнецов, Янковская, 2023], Японии [Кулиева, 2024] и других стран. Новая Зеландия в этом плане остается *terra incognita*. Немногочисленные исследовательские работы касаются частных вопросов, связанных с нетрадиционными для этого государства религиями – исламом [Биккулов, 2011], буддизмом [Аюшеева, 2016], а также с историей Церкви Паи Маири [Кочетков, 2023].

Особенностью оформленности конфессионального пространства Новой Зеландии является то, что католические приходы сильно удалены от главного идеологического центра (Ватикана). До европейской колонизации религия коренного населения маори

была политеистической и анимистической, но впоследствии усилия христианских миссионеров привели к тому, что большинство маори обратились в христианство, тем самым изменив свое мировоззрение и бытовую жизнь. В 1840-х годах доля посещавших богослужения лиц среди народа маори была выше, чем среди населения Соединенного Королевства [Stenhouse, 2017]. Затруднительно назвать объективные причины данного явления, однако вероятнее всего переход маори в христианство связан с открытием миссионерами школ и последовательной интеграцией католических организаций в социальную инфраструктуру Новой Зеландии.

Новая Зеландия – светское государство, где законодательно установлено разграничение между государством и религиозными образованиями. По всей стране соблюдается высокая степень религиозной свободы и многообразия. Хотя государственные и религиозные группы обособляются, религиозные институты (особенно те, которые являются частью христианских традиций) продолжают играть значимую роль в новозеландском обществе. Например, многие начальные и средние школы, больницы, учреждения по уходу за престарелыми и благотворительные организации финансируются религиозными организациями или функционируют под их началом.

Миссионерская деятельность во времена колонизации привела к распространению христианства в Новой Зеландии, и до сих пор оно остается наиболее многочисленной религией в стране по числу адептов. Также быстро и интенсивно оно интегрировалось в культуру маори. В первую очередь это обусловлено войнами, которые развернулись на территории Новой Зеландии во время колонизации, но немаловажным фактором остается и то, что Римско-католическая церковь проводила среди маори активную миссионерскую и просветительскую работу. Однако на современном этапе примерно половина населения Новой Зеландии не считает себя религиозным. В отличие от некоторых других светских западноязыческих культур, в Новой Зеландии отсутствует общая публичная религиозная риторика (как, например, «Боже, благослови Америку»), которая связывала бы национальную идентичность Новой Зеландии с христианством. Вместо этого сформирована культурная тенденция поддержания границы между частной и общественной жизнью человека. Люди не склонны пропагандировать или настойчиво защищать свои религиозные взгляды (равно как и атеизм) в общественных местах и на работе. Однако иногда используется краткая «каракия» (молитва маори) или подобные ей молитвы

тихоокеанских островов при начале и закрытии собраний. Разговоры о религии обычно приветствуются в частной обстановке, среди близких друзей и семьи.

История распространения католичества в Новой Зеландии

В январе 1838 г. французский епископ Жан Батист Помпалье (1807–1871) прибыл в Новую Зеландию в качестве апостольского викария Западной Океании. Он сделал Новую Зеландию центром своей деятельности, которая охватывала обширную территорию в Тихом океане. Штаб-квартира миссии была основана в Корорареке (позже названном Расселом). Помимо размещения миссионеров на севере, Помпалье начал работу в Бей-оф-Пленти, в Вайкато – среди маори, а также в районах Окленда и Веллингтона – среди европейских поселенцев.

В результате разногласий, возникших между Помпалье и Жан-Клодом Колином, настоятелем маристов¹ во Франции, Рим согласился разделить Новую Зеландию на две церковные администрации с 1850 г. Помпалье стал епископом Окленда, а маристский епископ Филипп Виард (1809–1872) возглавил Веллингтон, который включал южную половину Северного острова и весь Южный остров. Это заложило основу современного территориального деления РКЦ в Новой Зеландии. Епархия Веллингтона была разделена на три епископии: Данидин (1869), а позже Крайстчерч (1887) были основаны на Южном острове, а сам Веллингтон стал архиепархией. В 1887 г. Новая Зеландия стала отдельной церковной провинцией. Иерархия была установлена, когда в Веллингтоне была учреждена архиепископская кафедра. В 1900 г. был открыт колледж Святого Креста в Мосгиеле, национальная семинария по подготовке священников. В 1907 г., когда Новая Зеландия была создана как Доминион, на ее территории уже насчитывалось 126 995 католиков, что составляло седьмую часть общей численности европейских поселенцев в 888 578 человек.

Официальным источником, отражающим структуру современного конфессионального пространства Новой Зеландии, является

¹ Общество маристов – римско-католическая религиозная община, созданная священником Ж.-К. Коленом в 1816 г. в Лионе и призванная подражать в духовной жизни Пресвятой Деве Марии.

государственный статистический сайт: <https://www.stats.govt.nz>¹, на основе данных которого можно сделать выводы об изменении численности адептов основных религий, присутствующих в стране, в соответствии с проводившимися переписями (см. рис. 1).

Таблица 1

Основные религии Новой Зеландии и динамика числа их адептов в 2018 и 2023 гг.

Религия	2018, чел.	2018, %	2023, чел.	2023, %
Христианство (всего)	1 738 638	37	1 620 555	32,3
Англиканство	314 913	6,7	245 301	4,8
Римско-католическая церковь	295 743	6,3	289 788	5,7
Пресвитерианство	221 199	4,7	202 329	4
Прочие христианские конфессии	906 783	19,3	883 137	17,3
Индуизм	123 504	2,6	147 645	2,9
Ислам	61 455	1,3	76 361	1,5
Буддизм	52 779	1,1	55 998	1,1
Иудаизм	5 274	0,1	5 424	0,1
Религии и философии маори	62 634	1,3	66 179	1,3
Сикхизм	40 908	0,9	56 998	1,1
Прочие религии	50 331	1,1	58 799	1,2
Не придерживаются религии	2 264 601	48,6	2 576 049	51,6
Отказ от ответа	312 795	6,7	342 705	6,7
Всего указано	4 660 503	100	4 993 923	100
Общая численность населения	4 699 755		5 090 715	

Источник: Statistics about religion are about religious affiliation in New Zealand / Stats NZ. – URL: <https://www.stats.govt.nz/topics/religion> (accessed: 20.06.2025).

Так, доля атеистически позиционирующего себя населения в Новой Зеландии увеличилась с 48,6% – в 2018 г. до 51,6% – в 2023 г. (см. табл. 1). Христианство остается крупнейшей религиозной группой, но его доля снизилась с 37,0% до 32,3%. Рост наблюдается в индуизме (с 2,6% до 2,9%) и исламе (с 1,3% до 1,5%), что может быть связано с иммиграцией. Данные представлены до 2023 г., так как последняя перепись населения проводилась в этом году. Согласно данным переписи 2023 г., 48,6% новозеландцев идентифицировали себя как «не исповедующие религию», а 37,3% идентифицировали себя как христиане (включая более 20 конфессий). Другие религиозные взгляды включали индуизм (2,7%), ис-

¹ Statistics about religion are about religious affiliation in New Zealand / Stats NZ. – URL: <https://www.stats.govt.nz/topics/religion> (accessed: 20.06.2025).

Римско-католическая церковь как доминанта конфессионального пространства Новой Зеландии

лам (1,3%), религиозные верования и философию маори (1,3%), буддизм (1,1%) и иудаизм (0,1%). С начала 2000-х годов наблюдается значительное снижение числа тех, кто идентифицирует себя как христиан. Перепись 2006 г. фиксировала, что 58,9% населения являются христианами, и с тех пор эта цифра снизилась до 37,3% – в 2018 г. и 32,3% – в 2023-м. В то же время число тех, кто не идентифицирует себя с какой-либо религией, увеличилось с 29,6% – в 2006 г. до 48,6% – в 2018 и 51,6% – в 2023 гг. Это означает, что среди новозеландцев впервые число религиозно беспристрастных людей превысило количество христиан.

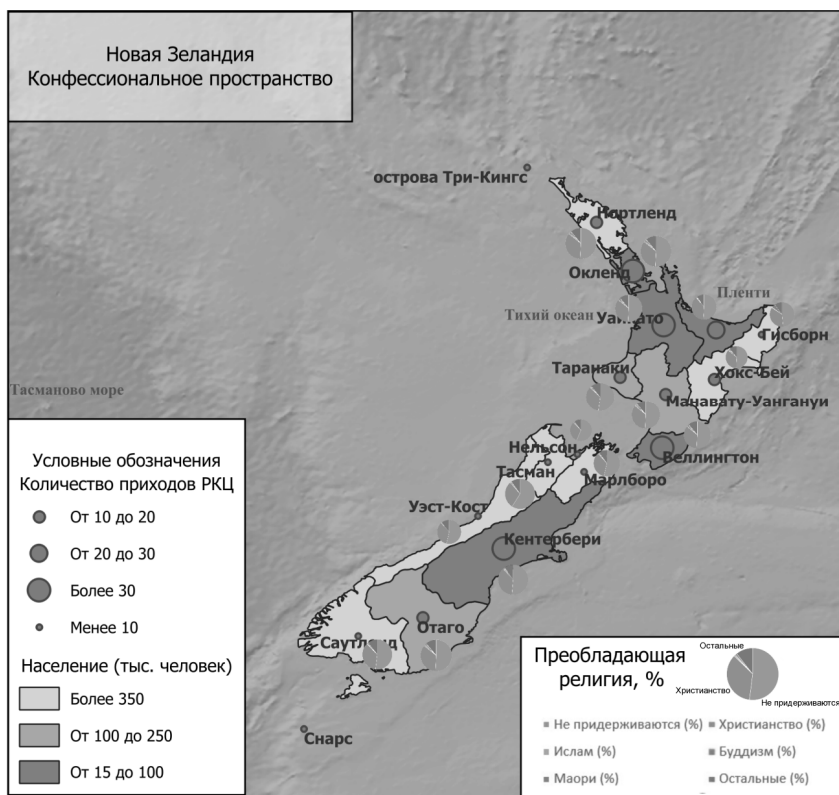

Рисунок 1. Конфессиональное пространство Новой Зеландии

Источники: Statistics about religion are about religious affiliation in New Zealand / Stats NZ. – URL: <https://www.stats.govt.nz/topics/religion> (accessed: 20.06.2025); The New Zealand Catholic bishops conference (NZCBC). – URL: <https://www.catholic.org.nz/> (accessed: 20.06.2025).

Отметим, что модели иммиграции сильно повлияли на религиозную демографию Новой Зеландии. Например, рост нехристианских религиозных традиций во многом объясняется увеличением иммиграции из Азии. Между тем разнообразие христианских конфессий частично объясняется прибытием выходцев из Азии и Тихоокеанского региона (таких как корейские пресвитериане и методисты, а также самоанские католики и конгрегационалисты).

Для оценки степени разнообразия религиозного состава Новой Зеландии и ее регионов был введен индекс религиозной мозаичности (далее ИРМ), который рассчитывается по формуле [Манков, Дементьев, 2019]:

$$\text{ИРМ} = 1 - \sum_{i=1}^n (P_i)^2$$

где P_i – доля приверженцев i -й религии ($i=1,2,\dots$) в регионе.

Результаты расчета индекса религиозной мозаичности по преобладающим верованиям показывает (см. табл. 2), что общие тенденции диктуют продолжение процесса секуляризации: доля людей, не придерживающихся какой-либо религии, превышает 50% в большинстве регионов, а максимальные значения достигаются в регионах Тасман (59%), Отаго (56,2%), Нельсон (56,5%). И, наоборот, минимальные в Гисборне (48,5%), Хокс-Бей (49%) – здесь влияние традиционных общин (маори, христиан) сильнее. Важно отметить упадок христианства, так как доля христиан сократилась до 29,5–37,8% (минимум в Тасмане – 29,5%). Наибольшая доля сохраняется в Южном регионе (37,8%) и Кентерберри (36,5%). Среди нехристианских верований выделяется ислам, который занимает лидирующую позицию в Окленде (2,8%), возможно, благодаря иммиграции. Отметим буддизм, который выше всего в Нельсоне (1,3%) и Окленде (2,0%). А также религии маори, которые наиболее значимы в Гисборне (4,8%) и Северном регионе (4,1%).

Обращаясь к региональным особенностям, следует отметить, что Окленд (ИРМ=0,66) отличается самым большим разнообразием религиозных верований. Это подтверждается высокой долей ислама (2,8%), буддизма (2%) и приверженцев «остальных» (13,9%, включая индуистов, сикхов) религий. В регионе Тасман выделяется (ИРМ=0,64) рекордная секуляризация (59% «нерелигиозных» жителей) на фоне существования малых групп (буддисты – 1%). В Гисборне и Северном регионе наблюдается высокая доля религий маори (4,6–4,8%), но ИРМ средний (0,61–0,62) из-за доминирования христианства и «нерелигиозных». Обратная си-

Римско-католическая церковь как доминанта конфессионального пространства Новой Зеландии

туация в Южном регионе и Кентерберри, где преобладает христианство – 36,5–37,8%, с низкой долей ислама и буддизма. Диапазон индекса религиозной мозаичности (ИРМ), в котором учтены все группы, включая нерелигиозные, колеблется от 0,61–0,66 (выше означает больше разнообразия), при этом все регионы имеют высокий ИРМ (>0,6), что отражает сильную фрагментацию религиозного ландшафта. Рассчитываемый индекс в Окленде равняется 0,66, что является максимумом, вероятно из-за наличия большого количества иммигрантских общин. А в Гисборне (0,61) – минимум, где доминируют 2 группы – «нерелигиозные» и христиане.

Таблица 2

Индекс религиозной мозаичности в Новой Зеландии, 2025 г.

Регион	Население, чел.	Не придерживаются (%)	Христианство (%)	Ислам (%)	Буддизм (%)	Маори (%)	Остальные (%)	ИРМ
Регион Окленд	1 750 000	43,5	37,8	2,8	2	1	13,9	0,66
Регион Кентерберри	670 000	51,5	36,5	0,9	0,8	0,5	9,8	0,61
Регион Веллингтон	555 000	50,8	34,9	1,2	1,3	0,8	11	0,62
Регион Вайкато	525 000	51	34	1,8	0,9	2	10,3	0,62
Регион Бей-оф-Пленти	355 000	50,2	34	0,4	0,6	4	10,8	0,61
Регион Манава-ту-Вангануи	262 000	50,2	35,5	0,8	0,7	2,3	10,5	0,62
Регион Отаго	255 000	56,2	32,8	0,8	0,8	0,3	9,1	0,63
Район Хокс-Бей	185 000	49	36,8	0,5	0,7	3,5	9,5	0,62
Северный регион	205 000	50	35	0,3	0,6	4,1	10	0,62
Район Таранаки	129 000	52	35,3	0,6	0,5	1	10,6	0,62
Южный регион	104 000	51	37,8	0,4	0,5	0,6	9,7	0,62
Регион Западное побережье	33 000	53,5	34,5	0,3	0,4	0,4	10,9	0,63
Регион Гисборн	53 000	48,5	35,8	0,3	0,4	4,8	10,2	0,61
Регион Тасман	60 000	59	29,5	0,2	1	0,4	9,9	0,64
Регион Нельсона	56 000	56,5	31	0,3	1,3	0,4	10,5	0,63
Регион Мальборо	52 000	53,5	34,8	0,2	0,7	0,7	10,1	0,63

Источники: Statistics about religion are about religious affiliation in New Zealand / Stats NZ. – URL: <https://www.stats.govt.nz/topics/religion> (accessed: 20.06.2025); The New Zealand Catholic bishops conference (NZCBC). – URL: <https://www.catholic.org.nz/> (accessed: 20.06.2025).

Территориальное деление РКЦ Новой Зеландии

РКЦНЗ имеет жесткую территориальную структуру. В церковно-административном плане Новая Зеландия делится на архиепархию в Веллингтоне и пять суффрагистских (подчиненных ей) епархий, центры которых находятся в городах Окленд, Крайстчерч, Данидин, Гамильтон и Палмерстон-Норт (см. рис. 2). Особенность географического положения столичной архиепархии в том, что ее неравные по площади части, лежащие на островах Северном и Южном, разделенных между собой проливом Кука. Также в Новой Зеландии существует военный ординариат, который является экстерриториальной единицей, объединяющей католические приходы в воинских подразделениях в пределах всей страны. Каждый из структурных элементов РКЦ в Новой Зеландии, как и в любой другой стране, опосредованно управляется Святым Престолом в Ватикане.

Рисунок 2. Епархиальное деление РКЦ в Новой Зеландии

Источник: Parishes, dioceses and mass times. – URL: <https://www.catholic.org.nz/find-us/parishes-and-mass-times/> (accessed: 20.06.2025).

Церковно-административное деление РКЦНЗ не имеет прямого совпадения с государственно-административным делением Новой Зеландии (см. табл. 3).

Таблица 3

Соответствие административного деления и епархиального деления РКЦ Новой Зеландии

Епархия	Область	Епархия	Область
Окленд	Окленд	Велингтон (архиепархия)	Часть региона Велингтон
	Северный регион		Нельсон
	Часть региона Вайкато		Мальборо
Гамильтон	Часть региона Вайкато		Тасман
	Бей-оф-Пленти		Часть региона Западное побережье
	Гисборн		Часть региона Кентерберри
Палмерстон-Норт	Часть региона Хокс-Бей	Крайстчерч	Часть региона Западное побережье
	Таранаки		Часть региона Кентерберри
	Манавату-Вангануи	Данидин	Часть региона Отаго
	Часть региона Велингтон		Часть региона Отаго
			Южный регион

Для территориальной дифференциации в размещении католических приходов по территории Новой Зеландии можно составить графическое изображение в виде кривой Лоренца (см. табл. 4 и рис. 3).

Таблица 4

Территориальное устройство РКЦНЗ

Епархия	Площадь епархии, км ²	Доля, %	Число приходов
Окленд (Auckland)	36 900	13,7	65
Велингтон (Wellington)	28 000	10,4	47
Гамильтон (Hamilton)	44 000	16,3	36
Данидин (Dunedin)	66 297	24,6	32
Крайстчерч (Christchurch)	52 700	19,6	48
Палмерстон-Норт (Palmerston North)	36 200	13,4	23
Итого	264 097	100	251

Источник: The New Zealand Catholic bishops conference (NZCBC). – URL: <https://www.catholic.org.nz/> (accessed: 20.06.2025).

Отметим, что католические приходы распределены по территории митрополии РКЦ Новой Зеландии неравномерно, с концентрацией в Окленде, имея небольшую площадь и относительно большое количество епархий, и с малым количеством приходов южной части из-за исторических земель представителей маори,

которые хотя и были интегрированы в католическое общество, но все же остаются приверженцами традиционных верований или же относят себя числу нерелигиозного населения страны.

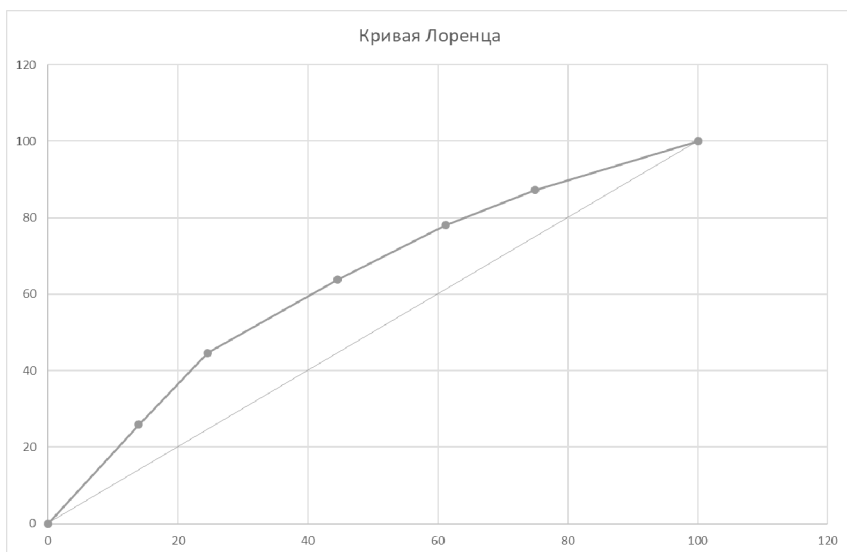

Рисунок 3. Оцінка рівномірності розміщення приходів РКЦНЗ

Школи РКЦ в Новій Зеландії

Перша католицька школа в Новій Зеландії була отворена в 1840 г., в рік підписання Договору Вайтангі¹, в Корораріке, і називалась Школою Святого Петра. Первоначально католицькі місіонери во главі з єпископом Помпальє зосередились на школах для маорі. Поэтому іменно католики із числа мирян в 1841 г. основали школу для синів місних жителів, ця школа була першою в Окленді серед всіх інших шкіл. Даний фактор дозволив маорі швидше інтегруватись в середу колонізаторів, а також ускорив вовлечення корінних народів Нової Зеландії в католициство.

В 1877 г. нове центральне правительство прийняло світський закон об освіті, і РКЦ вирішила створити свою власну

¹ Договір Вайтангі – угода, підписана представниками Великої Британії і вождями деяких племен маорі 6 лютого 1840 г.

Римско-католическая церковь как доминанта профессионального пространства Новой Зеландии

сеть школ. Система быстро расширялась, однако к началу 1970-х годов католическая система оказалась на грани финансового краха в попытках не отставать от современных для того периода трендов (послевоенный скачок рождаемости, расширение пригородов, увеличение времени получения обязательного образования с 6 до 9 лет, уменьшение размера классов). В 1975 г. Третье лейбористское правительство приняло Закон об условной интеграции частных школ, который позволил стесненной в финансовом отношении системе католических школ интегрироваться в государственную систему. Это означало, что школа может получать государственное финансирование и сохранять свой католический характер в обмен на выполнение неких обязательств государственной школы, прежде всего связанных с преподаванием по государственной учебной программе. Земля и здания по-прежнему оставались во владении местного епископа или религиозного ордена и не финансировались государством; вместо этого родители платили «взносы за посещение», направлявшиеся на их содержание. В период с 1979 по 1984 г. все католические школы, кроме одной, были интегрированы в государственную систему.

Таблица 5

Количество учащихся в учебных заведениях РКЦНЗ, 2018 г.

Регион	Количество католических учащихся, чел.	Доля от общего количества учащихся, %	Количество католических учащихся, чел.	Доля от общего количества учащихся, %
Северный регион	1330	4	Нельсон	910
Окленд	23 007	8	Тасман	315
Вайкато	5326	7	Мальборо	162
Бей-оф-Пленти	3625	7	Западное побережье	640
Гисборн	731	8	Кантерберри	8110
Таранаки	3053	15	Отаго	2901
Манавату-Вангануи	2865	7	Южный регион	2280
Хокс-Бей	1989	6		
Велингтон	9644	12		
Всего			66 888	8,3

Источник: July 2018 Roll report. – URL: <https://www.nzceo.org.nz/july-2018-roll-report/> (accessed: 20.06.2025).

Сегодня в католических школах Новой Зеландии учатся 66 888 учащихся, что составляет 8,3% в общем количестве школьников (см. табл. 5). Из них 44% составляют учащиеся начальной школы, 39% – учащиеся средней школы, а остальные (17%) – учащиеся старшей школы. В прочих частных, в том числе светских, школах учатся 3,9% школьников. Число учащихся католических школ достаточно стабильно: так, снижение общей доли студентов в Новой Зеландии – менее чем на 0,1% в год. 2018 стал первым годом, когда учащиеся неевропейского происхождения составляли более половины учащихся католических школ. Численность учащихся европейцев в католических школах составляет 49,9%, следующей по величине группой являются студенты тихоокеанского региона (15,7%), а за ними следуют азиаты и маори (15,3% и 14,5% соответственно).

В Новой Зеландии 237 католических школ, в которых в среднем обучается около 280 учеников. Большинство католических школ являются полноценными школами (1–8 лет, по стандартам Новой Зеландии), но это – самые маленькие школы со средним числом учащихся около 175. Большинство средних школ открыты для 7–15 классов (по стандартам Новой Зеландии), а количество учащихся в среднем составляет около 750 человек. Большинство учеников католических школ Новой Зеландии проживают в районе Окленда. Эти данные согласуются с долей всего населения школьного возраста, католиков и лиц, не относящихся к национальной РКЦ, в каждом регионе. В регионах Таранаки, Веллингтон, Нельсон, Западное побережье и Южный регион более 10% всех учащихся посещают католическую школу (в среднем по Новой Зеландии, как было сказано выше, – 8,3%).

Всеми вопросами образования РКЦ в Новой Зеландии, в соответствии с Законом об условной интеграции частных школ, занимается представитель архиепископа Веллингтона. В перечень обязанностей епископального викария входит:

- курирование образовательной деятельности (Служба образования католических школ);
- выполнение имущественных обязанностей архиепископа как члена Совета владельцев католических интегрированных школ и Ассоциации владельцев интегрированных школ;
- участие в переговорах с региональными и национальными управлениями Министерства образования;
- сохранение и укрепление «католического характера» школ (см. рис. 4).

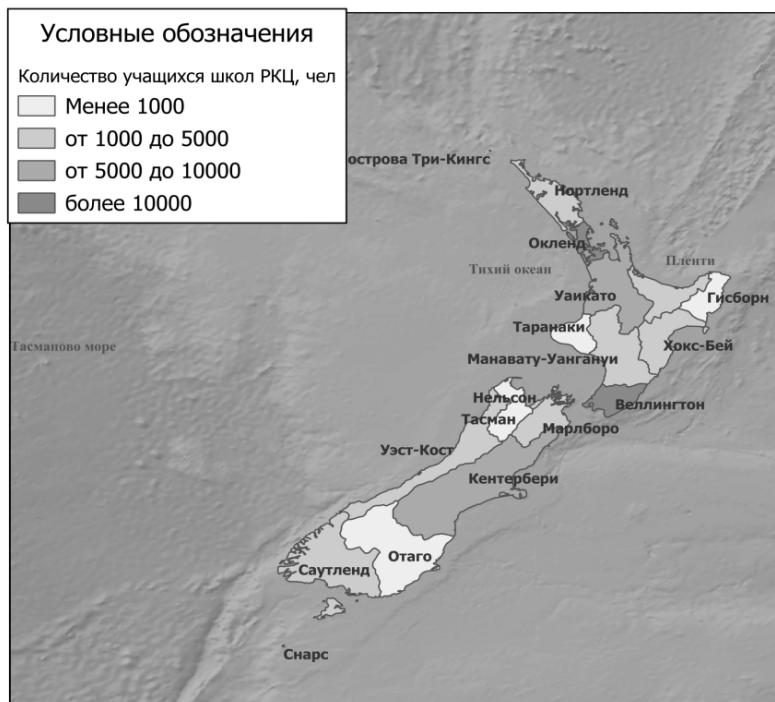

Рисунок 4. Количество учащихся в школах РКЦ Новой Зеландии

Источник: July 2018 Roll report. – URL: <https://www.nzceo.org.nz/july-2018-roll-report/> (accessed: 20.06.2025).

Социальные организации РКЦ в Новой Зеландии

Поскольку РКЦ сильно интегрирована в общество и территориальное пространство, она выполняет множество социальных функций, включая социальную работу и обеспечение. Как отмечается на официальном сайте РКЦ Новой Зеландии: <https://www.catholic.org.nz/> (дата обращения: 20.06.2025), «существует ряд католических организаций, активно приверженных делу справедливости и мира на приходском, епархиальном и национальном уровне». Это обусловлено тем, что распространение учения РКЦ осуществляется не только в религиозном плане, но и в социальном, а деятельность католических организаций направлена на борьбу с несправедливостью. По данным РКЦ Новой Зеландии, на ее территории действует пять таких организаций:

1) «Каритас Аотеароа Новая Зеландия» (расположено в Веллингтоне, Новая Зеландия) – католическое агентство справедливости, мира и развития¹;

2) «Пакс Кристи Аотеароа Новая Зеландия» (расположено в Веллингтоне, Новая Зеландия) – независимое католическое движение за мир и справедливость, связанное с Pax Christi International, которое было основано после Второй мировой войны;

3) Центр Натаниэля (расположен в Веллингтоне, Новая Зеландия) – Новозеландский католический центр биоэтики²;

4) Общество Святого Винсента де Поля (расположено в Веллингтоне, Новая Зеландия) – благотворительный центр;

5) «Миссио в Новой Зеландии» (расположено в Веллингтоне и Окленде, Новая Зеландия) – миссионерское общество.

Наверное, наиболее известным из этих организаций можно считать Центр Натаниэля, который был основан 1 мая 1999 г. как учреждение Конференции католических епископов Новой Зеландии. Он стремился донести свет Евангелия и моральную традицию католической церкви до вопросов биоэтики. Ключевыми функциями Центра Натаниэля являются:

– предоставление образовательных возможностей по биоэтике для различных групп населения;

– осуществление деятельности в качестве консультационного и ресурсного центра по биоэтике для физических лиц, а также для образовательных учреждений и общественных групп;

– содействие изучению и практическому разрешению этических, социальных и правовых вопросов, возникающих в связи с медицинскими и научными исследованиями и практикой;

– публикация статей и информации по темам биоэтики;

– проведение исследований и пастырское реагирование Церкви на биоэтические проблемы в сообществе, принимая во внимание потребности различных культур и групп общества.

Также этот центр действует совместно с высшим католическим учебным заведением – Католическим институтом Аотеароа в Новой Зеландии. Такие примеры кооперации говорят о плодотворном сотрудничестве в сфере реализации и своих основных функций и дополнительной социальной ответственности католических организаций.

¹ Caritas. – URL: <https://www.caritas.org.nz/> (accessed: 20.06.2025).

² Nathaniel center. – URL: [http://www.nathaniel.org.nz/\(accessed: 20.06.2025\)](http://www.nathaniel.org.nz/(accessed: 20.06.2025)).

Заключение

В данной работе сквозь призму количественных и качественных показателей было проанализировано, как оформлено этноконфессиональное пространство Новой Зеландии. Конфессиональное пространство Новой Зеландии разнообразно, однако имеет доминирующую религию (христианство), а кроме того в стране среди населения всех регионов сильно распространен тренд на нерелигиозность. Подобная тенденция наметилась недавно, но вполне вероятно, что доля «неверующих» среди новозеландцев в будущем будет только расти. Также в конфессиональном пространстве Новой Зеландии присутствуют верования и философские учения маори, однако они представлены весьма ограниченно, что обусловлено сильной и быстрой интеграцией коренного населения во время колонизации.

Результаты расчета индекса религиозной мозаичности по преобладающим верованиям показал, что по всей территории Новой Зеландии наблюдаются примерно одинаковые доли всех представленных в исследовании религий. РКЦ является доминирующим направлением христианства, которое исповедуют на территории Новой Зеландии. В РКЦ Новой Зеландии пять епархий и одна архиепархия, которая образует региональную ветвь РКЦ. Однако католические приходы в данных епархиях распределены неравномерно, с явным преимуществом в городе Окленд, который исторически являлся местом расселения колонизаторов. В Новой Зеландии более 200 католических школ, в которых в среднем обучается около 280 учеников. Большинство учеников католических школ Новой Зеландии проживают в районе Окленда. Это согласуется с долей всего школьного населения (и католиков, и не католиков) в каждом регионе. На территории Новой Зеландии осуществляют свою деятельность социальные организации, которые подчиняются католической церкви Новой Зеландии, осуществляют деятельность на ее территории, а также ведут межрегиональное сотрудничество как на областном уровне регионов и епархий страны, так и на мировом, что подчеркивает их успешное межтерриториальное взаимодействие.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Новой Зеландии в достаточной мере оформлено этноконфессиональное пространство Римско-католической церкви, так как католичество является мажоритарной религией по количеству последователей, а католи-

ческие организации и католические святые места интегрированы в социальную инфраструктуру страны.

Список литературы

Аюшеева Д.В. Особенности распространения буддизма в Австралии и Новой Зеландии // *Власть*. – 2016. – № 8. – С. 128–133.

Балабейкина О.А., Кузнецов Л.М., Янковская А.А. Филиппины. Экономическая и социальная деятельность религиозного института на примере епархии Бутуан // *Азия и Африка сегодня*. – 2023. – № 1. – С. 74–80. – DOI: 10.31857/S032150750020434-9

Биккулов Ш. Ислам в США, Австралии и Новой Зеландии // *Россия и мусульманский мир*. – 2011. – № 9. – С. 127–131.

Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Агафошин М.М. Католицизм на рынке религий Африки: факторы конкурентных преимуществ // *Христианство на Ближнем Востоке*. – 2025. – Т. 9, № 1. – С. 94–109. – DOI: 10.24412/2587-9316-2025-0050

Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Агафошин М.М. Пульсация католицизма в конфессиональном пространстве Китая // *Географическая среда и живые системы*. – 2023. – № 2. – С. 170–181. – DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-170-181

Калабкина И.М., Кицис В.М. Особенности религиозного туризма Индии // *География в школе*. – 2025. – № 3. – С. 15–22. – DOI: 10.47639/0016-7207_2025_3_15

Котляров И.Д. Экономическая роль Русской православной церкви: концептуальный анализ // *Религиоведение*. – 2024. – № 3. – С. 39–53. – DOI: 10.22250/2072-8662-2024-3-39-53

Кочетков Д.С. Паи Марире – первая церковь народа маори // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. – 2023. – Т. 4, № 3 (60). – С. 265–276. – DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-265-276

Кулиева Л.Ш. «Религия пустынь»: ислам в Японии с XIX в. до наших дней // *Ежегодник Японии*. – 2024. – Т. 53. – С. 243–264. – DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-243-264

Манаков А.Г., Деметьев В.С. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона // *Балтийский регион*. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 92–108. – DOI: 10.5922/2079-8555-2019-1-7

Stenhouse J. Religion and society – Māori and religion // *Te Ara: the encyclopedia of New Zealand* [archived from the original on 17 August 2017]. – URL: <https://teara.govt.nz/en/religion-and-society/page-4> (accessed: 20.06.2025)

References

Aiusheeva D.V. Features of the spread of Buddhism in Australia and New Zealand. *Vlast* [Power]. – 2016. – N 8. – P. 128–133. (In Russian)

Balabeikina O.A., Kuznetsov L.M., Yankovskaya A.A. Economic and social activities of a religious institution: the case of the Butuan Diocese. *Asiya i Afrika segodnya* [Asiya and Africa today]. – 2023. – N 1. – P. 74–80. – DOI: 10.31857/S032150750020434-9 (In Russian)

Bikkulov Sh. Islam in the USA, Australia, and New Zealand. *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Moslem world]. – 2011. – N 9. – P. 127–131. (In Russian)

Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Agafoshin M.M. Catholicism in the African religious market: factors of competitive advantages. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke* [Christianity in the Middle East]. – 2025. – Vol. 9, N 1. – P. 94–109. – DOI: 10.24412/2587-9316-2025-0050 (In Russian)

Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Agafoshin M.M. The pulse of Catholicism in the confessional space of China. *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy* [Geographical environment and living systems]. – 2023. – N 2. – P. 170–181. – DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-170-181 (In Russian)

Kalabkina I.M., Kitsis V.M. Features of religious tourism in India. *Geografiya v shkole* [Geography at school]. – 2025. – N 3. – P. 15–22. – DOI: 10.47639/0016-7207_2025_3_15 (In Russian)

Kotliarov I.D. The economic role of the Russian Orthodox Church: a conceptual analysis. *Religiovedenie* [Religious studies]. – 2024. – N 3. – P. 39–53. – DOI: 10.22250/2072-8662-2024-3-39-53 (In Russian)

Kochetkov D.S. Pai Marire – the first church of the Maori people. *Yugo-Vostochnaia Aziya: aktualnye problemy razvitiya* [South East Asia: actual problems of development]. – 2023. – Vol. 4, N 3 (60). – P. 265–276. – DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-265-276 (In Russian)

Kulieva L.Sh. “The religion of the deserts”: Islam in Japan from the 19th century to the present. *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan]. – 2024. – Vol. 53. – P. 243–264. – DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-243-264 (In Russian)

Manakov A.G., Dementev V.S. Territorial structure of the confessional space in the Southeastern part of the Baltic region. *Baltiiskii region* [Baltic journal]. – 2019. – Vol. 11, N 1. – P. 92–108. – DOI: 10.5922/2079-8555-2019-1-7 (In Russian)

Stenhouse J. Religion and society – Māori and religion. *Te Ara: the encyclopedia of New Zealand* [archived from the original on 17 August 2017]. – URL: <https://teara.govt.nz/en/religion-and-society/page-4> (accessed: 20.06.2025).

УДК 316.74

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.08

ЯДОВА М.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: CHRISTIANITY AND SOCIAL CHANGE IN CONTEMPORARY AFRICA. VOLUME ONE / ED. BY F.B. NYAMNJOH, J.A. CARPENTER. – Bamenda: Langa RPCID, 2020. – 246 p. [ХРИСТИАНСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ. ТОМ ПЕРВЫЙ / ПОД РЕД. Ф.Б. НЬЯМНЖОХА, Ж.А. КАРПЕНТЕРА]

Аннотация. В данном сборнике анализируются особенности развития христианских религиозных течений в африканских странах под влиянием социальных трансформаций XXI в. Показано, какие возможности и трудности несут эти изменения для христиан, живущих на африканском континенте.

Ключевые слова: христианство; религиозные течения; африканские страны; социальные трансформации.

Для цитирования: Ядова М.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 122–127. – Рец. на кн.: Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjuh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langa RPCID, 2020. – 246 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.08

Рецензия поступила: 12.05.2025.

Принята к публикации: 10.06.2025.

YADOVA M.A.** Book review: Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjuh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langa RPCID, 2020. – 246 p.

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

Abstract. This collection analyzes the development of Christian religious movements in modern African countries. It shows what opportunities and challenges these changes bring for Christians living on the African continent.

Keywords: Christianity; religious movements; African countries; social transformations.

For citation: Yadova M.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 3. – P. 122–127. Book review: Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one. Ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – 246 p. DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.08

Received: 12.05.2025.

Accepted: 10.06.2025.

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных трудов «Христианство и социальные изменения в современной Африке» под редакцией профессоров Ф.Б. Ньямонжоха (Кейптаунский университет, ЮАР) и Ж.А. Карпентера (Университет Кальвина, г. Гранд-Рапидс, США) – результат работы нескольких исследовательских проектов, реализуемых в странах Африки при финансовой поддержке Фонда Джона Темплтона, благотворительной организации, которая помогает исследователям, занимающимся вопросами религии и духовной жизни [Christianity and social change ..., 2020]. Первый том сборника составляют введение и семь глав, каждая из которых посвящена отдельному проекту. Данная книга дает возможность познакомиться читательскую аудиторию с новейшими разработками африканистов, занимающихся изучением религии. Необходимо подчеркнуть междисциплинарный характер проведенных исследований, выполненных на стыке социологии, религиоведения, психологии, антропологии и смежных с ними научных дисциплин.

В своих работах авторы сборника стремились достаточно полно описать христианское религиозное пространство современной Африки, выделив формирующие его социальные факторы. Редакторы сборника во введении отмечают сложившиеся между современными христианскими движениями в африканских странах добрососедские отношения, несмотря на конкуренцию между ними [Nyamnjoh, Carpenter, 2020]. В представленных в книге работах

анализируется влияние различных версий христианства на современные общества в Кении, Нигерии, Зимбабве, ЮАР и других странах африканского континента. В каждой главе не только обсуждаются полученные результаты, но и обосновываются теоретико-методологические рамки того или иного исследования с опорой на внушительный обзор литературы по теме работы.

В главах сборника раскрывается множество интересных тем:

- религиозные инновации и конкуренция между отдельными религиозными движениями в странах Африки;
- гендерные аспекты религиозности и роль женщин в современных христианских общинах [Parsitau, 2020];
- грани взаимодействия религии и здоровья (соматического, психосоматического и духовного) [Getui, Aluku, Story, 2020; Yendork, Kpobi, Sarfo, 2020];
- использование традиционных и новых медиа в жизни религиозных общин [Nyamnjoh, 2020];
- христианство в городской среде [De Beer, Smith, 2020];
- социальные причины и факторы религиозного фундаментализма, свобода и ограничения в жизни африканских христиан [Anugwom, 2020];
- сходство и различия между современными христианскими движениями и африканскими традиционными верованиями [Mapuranga, 2020].

Кратко остановимся на результатах работы авторов сборника. Так, Д. Парситау, исследуя кейсы кенийских женщин – пасторов неопятидесятнической церкви, показывает, что тем приходится балансировать между возможностями, которые им дает статус, и ограничениями, вызванными патриархальными общественными традициями [Parsitau, 2020]. По мнению некоторых участниц исследования, даже успешные проповедницы вроде Кэти Киуна не могут служить примером для большинства кенийских женщин, находящихся в социально и материально уязвимых условиях. В исследовании Г. Ньямнджох описывается, как неопятидесятнические общины используют социальные сети для продвижения своих идей [Nyamnjoh, 2020]. Их творческий подход не только способствует привлечению в церковь новых последователей, включая молодежь, но и дает возможность обойти конкурентов.

Несколько проектов были посвящены влиянию религиозности индивида на его самоощущение и здоровье. По словам авторов, взаимодействие церкви с медицинскими учреждениями повышает удовлетворенность пациентов качеством услуг и

позитивно влияет на их здоровье, а церковная деятельность может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на душевное самочувствие прихожан. В одном из исследований с привлечением значительного массива данных (серия индивидуальных глубинных интервью и фокус-групп с больными и медицинскими работниками) показано благотворное влияние сотрудничества религиозных и медицинских организаций на физическое и психическое состояние ВИЧ-инфицированных пациентов в Кении [Getui, Aluku, Story, 2020]. В то же время результаты интервью с прихожанами-харизматами Ганы продемонстрировали как позитивный (психологическая поддержка в жизненных проблемах, личностное самосовершенствование, улучшение самооценки), так и негативный (культивирование чувства вины, стыда, страха от собственного «недостойства») эффект религиозных практик в отношении психического состояния верующих [Yendork, Kpobi, Sarfo, 2020].

Некоторые исследователи предлагают увидеть в религиозных общинах большой модернизационный потенциал, считая их проводниками позитивных изменений в обществе. Например, изучалась социальная активность прихожан нескольких христианских общин Претории, связанная с благоустройством и повышением качества жизни в городе [De Beer, Smith, 2020]. Также представляется интересной работа, в которой сквозь призму культурологического и этнографического подходов изучаются заимствования ритуалов, символов и практик, присущих народным африканским верованиям, современными пятидесятниками (на примере Зимбабве) [Maruranga, 2020]. Т.П. Мапуранга отмечает, что христианство на африканском континенте не является чем-то внешним, навязанным извне, поскольку среди прочего опирается на вековые культурно-духовные традиции африканского социума.

Наконец, заслуживает внимания глава, посвященная негативным эффектам радикальных религиозных движений и борьбе с ними в странах Африки [Anugwom, 2020]. Ключевыми факторами, усиливающими влияние таких террористических организаций, как например нигерийская «Боко Харам» (террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории РФ), автор главы прежде всего называет бедность, проблемы государственной политики и ограниченные возможности для образования и трудоустройства молодежи [Anugwom, 2020]. Кроме того, в Нигерии сложилась особая религиозная ситуация: здесь сильны исламские традиции, страна является лидером по численности мусульман в Африке.

Подводя итоги, в качестве замечания отметим, что не все проекты, данные которых представлены в книге, являются глубоко фундированными исследованиями: некоторые авторы фокусируются преимущественно на изложении полученных результатов, уходя от их взвешенного анализа. Впрочем, это говорит скорее не столько о недостатке проделанной работы, сколько о проблемах, присущих поисковым исследованиям малоизученной тематики. По словам редакторов сборника, в будущем планируется выпуск новых томов, что не может не радовать. Представленные в книге результаты, на наш взгляд, достойны изучения и дают возможность по-новому взглянуть на развитие социологии религии и смежных научных дисциплин на африканском континенте.

Список литературы

Anugwom E.E. New imaginations of youth agency: Boko Haram¹ and the innovative gospel of terror in Nigeria // Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 113–140.

Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – 246 p.

De Beer S., Smith R.S. Religious innovation and competition amidst urban social change: Pretoria case study // Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 171–200.

Getui M.N., Aluku N.C., Story W.T. Religious collaboration enhances patient satisfaction among faith-based groups and health facilities in Western Kenya // Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 57–80.

Mapuranga T.P. “Battling for souls: contesting for space?” African traditional religions and pentecostalism in Zimbabwe // Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 141–170.

Nyamnjoh F.B., Carpenter J.A. Introduction: christianity and social change in contemporary Africa // Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 1–22.

Nyamnjoh H.M. “When are you going to change those stones to phones?” Social media appropriation by Pentecostal churches in Cape Town // Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 201–235.

Parsitau D.S. Women without limits and limited women: pentecostal women navigating between empowerment and disempowerment in Kenya // Christianity and

¹ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории РФ.

social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 23–56.

Yendork J.S., Kpobi L., Sarfo E.A. Is contemporary Christianity promoting or hindering mental health in Africa? // Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one / ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 81–112.

References

Anugwom E.E. New imaginations of youth agency: Boko Haram¹ and the innovative gospel of terror in Nigeria. *Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one*. Ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 113–140.

Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one. Ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – 246 p.

De Beer S., Smith R.S. Religious innovation and competition amidst urban social change: Pretoria case study. *Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one*. Ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 171–200.

Getui M.N., Aluku N.C., Story W.T. Religious collaboration enhances patient satisfaction among faith-based groups and health facilities in Western Kenya. *Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one*. Ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 57–80.

Mapuranga T.P. “Battling for souls: contesting for space?” African traditional religions and pentecostalism in Zimbabwe. *Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one*. Ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 141–170.

Nyamnjoh F.B., Carpenter J.A. Introduction: christianity and social change in contemporary Africa. *Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one*. Ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 1–22.

Nyamnjoh H.M. “When are you going to change those stones to phones?” Social media appropriation by Pentecostal churches in Cape Town. *Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one*. Ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 201–235.

Parsitau D.S. Women without limits and limited women: pentecostal women navigating between empowerment and disempowerment in Kenya. *Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one*. Ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 23–56.

Yendork J.S., Kpobi L., Sarfo E.A. Is contemporary Christianity promoting or hindering mental health in Africa? *Christianity and social change in contemporary Africa. Volume one*. Ed. by F.B. Nyamnjoh, J.A. Carpenter. – Bamenda: Langaa RPCID, 2020. – P. 81–112.

¹ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории РФ.

УДК 316

DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.09

КОЗИН С.В., ЖИДЯЕВА Т.П.* СОЦИОЛОГИЯ В ДИНАМИЧНОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС (Обзор по итогам XVIII Ковалевских чтений)

Аннотация. Представленная авторами обзорная статья посвящена комплексному освещению прошедшей 14–16 ноября 2024 г. в стенах Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) Всероссийской научной конференции «XVIII Ковалевские чтения». Тема чтений – «Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование». Чтения были приурочены к важным рубежным датам – 300-летию СПбГУ и 35-летию социологического образования в России. В рамках конференции были представлены результаты новых исследований, охватывающих широкий спектр социологических направлений. Особое внимание уделялось вопросам методологии социологических исследований, адаптации социологической теории к реалиям современного общества, а также вкладу социологии в образовательный процесс и формирование профессиональных компетенций будущих социологов. Важными темами дискуссий стали: трансформация социальных институтов, влияние цифровых технологий на социальные процессы, проблемы социальной стратификации и неравенства, вопросы идентичности и культурного разнообразия, а также роль

* © Козин С.В., Жидяева Т.П., статья, 2025

Козин Сергей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета, Ростов-на-Дону; mister.svk92@yandex.ru

Жидяева Татьяна Павловна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, Алатырь; tanya21_84@mail.ru

социологии в решении актуальных социальных проблем, стоящих перед российским обществом.

Ключевые слова: Ковалевские чтения; модели потребления; прекариат; рынок труда; социализация молодежи; социология спорта; цифровые технологии.

Для цитирования: Козин С.В., Жидяева Т.П. Социология в динамичном мире: теоретические основы, прикладные исследования, образовательный процесс (Обзор по итогам XVIII Ковалевских чтений) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 128–139. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.03.09

Статья поступила: 06.07.2025.

Принята к публикации: 18.07.2025.

KOZIN S.V., ZHIDYAEVA T.P.** Sociology in a dynamic world: theoretical foundations, applied research, educational process (Review of the XVIII Kovalevsky readings)

Abstract. The review article presented by the authors is devoted to the comprehensive coverage of the XVIII Kovalevsky readings All-Russian scientific conference held on November 14–16, 2024 at St. Petersburg state university. The topic of these readings was “Sociology in a changing world: theory, practice, education”. These readings were timed to coincide with important milestones, namely the 300 th anniversary of St. Petersburg state university and the 35 th anniversary of sociological education in Russia. The conference presented the results of the latest research covering a wide range of sociological areas. Special attention was paid to the methodology of sociological research, the adaptation of sociological theory to the realities of modern society, as well as the role of sociology in the educational process and the formation of professional competencies of future sociologists. Important topics of discussion were: the transformation of social institutions, the impact of digital technologies on social processes, problems of social

** Kozin Sergey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies of the Southern Federal University, Rostov-on-Don; mister.svk92@yandex.ru

Zhidyaeva Tatyana Pavlovna – Senior Lecturer, Department of Humanities and Economic Disciplines, Alatyr Branch, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Alatyr; tanya21_84@mail.ru

stratification and inequality, issues of identity and cultural diversity, as well as the role of sociology in solving urgent social problems which Russian society faces.

Keywords: Kovalevsky readings; consumption patterns; precariat; labor market; youth socialization; sociology of sports; digital technologies.

For citation: Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. Sociology in a dynamic world: theoretical foundations, applied research, educational process (Review of the XVIII Kovalevsky readings). Social'nye igumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology].– 2025. – N 3. – P. 128–139. DOI: 10.31249/tsoc/2025.03.09

Received: 06.07.2025.

Accepted: 18.07.2025.

14–16 ноября 2024 г. в стенах Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) по традиции прошла Всероссийская научная конференция «XVIII Ковалевские чтения», темой которых стала «Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование». Особенностью прошедших Ковалевских чтений стало то, что они проходили в период важных рубежных дат – 300-летия СПбГУ и 35-летия социологического образования в России. Количество участников составило более 600 человек, в рамках конференции работали 11 тематических секций и круглый стол.

С приветственными словами к участникам мероприятия обратились председатель Программного комитета, декан факультета социологии СПбГУ профессор Н.Г. Скворцов, первый декан факультета социологии СПбГУ профессор А.О. Бороноев и президент Российского общества социологов, профессор В.А. Мансуров. Остановимся на выступлениях некоторых участников конференции, показавшихся нам наиболее интересными.

Е.В. Батоврина (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва) представила доклад: «Управление персоналом российских инновационных компаний: актуальные проблемы и пути их решения» [Батоврина, 2024]. Она отметила, что в эпоху цифровых трансформаций и глобальной конкуренции инновационные компании играют ключевую роль в развитии российской экономики, однако их успех напрямую зависит от эффективности управления человеческими ресурсами. Российские инновационные компании сталкиваются с рядом специфических проблем в этой области,

требующих комплексного подхода и нестандартных решений. Одной из наиболее острых проблем, по словам докладчицы, является дефицит квалифицированных кадров, обладающих не только глубокими знаниями в своей области, но и гибкостью мышления, креативностью и способностью к быстрому обучению [Батоврина, 2024, с. 429]. Е.В. Батоврина обратила внимание на то, что привлечение и удержание талантливых специалистов становится серьезным вызовом для многих компаний, особенно в условиях конкуренции с международными корпорациями, предлагающими более привлекательные условия труда и карьерные перспективы. Очевидно, что решение данной проблемы требует системного подхода, подразумевающего разработку собственных программ обучения / повышения квалификации и эффективных мотивационных схем, ориентированных на индивидуальные потребности сотрудников.

А.В. Бистяйкин (МГУ им. Н.П. Огарёва, г. Саранск) представил доклад на тему: «Социальный портрет трудового мигранта в регионе» [Бистяйкин, 2024]. Он отметил, что трудовая миграция – сложный и многогранный феномен, оказывающий значительное влияние на социально-экономическую ситуацию как в странах исхода, так и в принимающих регионах. Для эффективной разработки и реализации миграционной политики необходимо четкое понимание социального портрета трудового мигранта, его потребностей, проблем и перспектив. По словам А.В. Бистяйкина, сегодня в России растет число регионов, участвующих в процессах миграции населения. Например, «если еще несколько десятилетий назад Республика Мордовия была “непривлекательной” в миграционном плане, то сегодня также выступает одним из субъектов притяжения мигрантов» [Бистяйкин, 2024, с. 1326]. Опираясь на результаты социологического исследования мигрантов Республики Мордовия, докладчик отмечает, что приезжие в Республику Мордовия сталкиваются с рядом трудностей, обусловленных несходством культур, национальных и религиозных обычаев, а также особенностями уклада жизни местного населения и выходцев из других стран [Бистяйкин, 2024, с. 1328].

Стоит выделить и доклад *А.В. Вахрушева* (САФУ им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск) «Пути снижения уровня бедности в современной России: обзор зарубежного опыта борьбы (на примере США)» [Вахрушев, 2024]. Для поиска эффективных решений по преодолению проблемы бедности в России автор доклада предлагает обратиться к зарубежному опыту, например к практике США,

где борьбе с бедностью уделяется значительное внимание на протяжении десятилетий. В США борьба с бедностью ведется по нескольким направлениям. Во-первых, это программы социальной поддержки, например *Supplemental nutrition assistance program* (SNAP), обеспечивающая продовольственную помощь малоимущим, и *Temporary assistance for needy families* (TANF), предоставляющая временную финансовую помощь семьям с детьми. Эти программы направлены на обеспечение базовых потребностей представителей социально уязвимых групп населения. Во-вторых, важную роль в американском обществе играет поддержка занятости и образования. По словам докладчика, в США «действует достаточно обширная система социальной помощи и поддержки (порядка 90 программ) по основным десяти направлениям: денежная помощь, медицина, питание, жилье, энергетика и коммунальные услуги, образование, профессиональное обучение, услуги, уход за детьми и развитие сообщества» [Вахрушев, 2024, с. 170]. Правительство США активно инвестирует в программы профессиональной подготовки, переквалификации и повышения квалификации, чтобы помочь людям найти работу с достойной оплатой. Особое внимание уделяется образованию как одному из ключевых факторов выхода из бедности.

В выступлении *Г.П. Гринберг и Е.Ю. Литвиненко* (ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск) была представлена тема «Роль интерактивных музеев в социализации молодежи поколения Z (на примере интерактивного музея города Ростов-на-Дону)» [Гринберг, Литвиненко, 2024]. Докладчицы подчеркнули, что в эпоху цифровых технологий и стремительных изменений в обществе роль музеев в формировании личности молодежи приобретает особое значение. Интерактивные музеи как инновационная форма представления культурного наследия становятся важным инструментом социализации поколения Z, воспитанного в условиях цифровой среды. Интерактивные музеи, в отличие от традиционных, предлагают посетителям активное участие в процессе познания. Использование мультимедийных технологий, интерактивных экспонатов и игровых элементов позволяет вовлечь молодежь в изучение истории, науки и искусства. Это способствует формированию критического мышления, развитию творческих способностей и расширению кругозора. Интерактивный формат популярен у молодежи по всей России: например, по словам авторов доклада, исторический мультимедийный парк «Россия – моя история», находящийся в Ростове-на-Дону, насчитывает порядка 20–25 тыс.

посетителей в год, 70% из которых – школьники и студенты, общаются [Гринберг, Литвиненко, 2024, с. 1042].

Д.В. Иванов (СПбГУ, г. Санкт-Петербург) в докладе «Актуальная социология в формате дополненной реальности» [Иванов, 2024] отметил, что современная социология стоит на пороге захватывающих трансформаций, обусловленных стремительным развитием технологий дополненной реальности (AR). Традиционные методы сбора и анализа данных (опросы и интервью) обогащаются возможностями визуализации и интерактивного взаимодействия с социальными явлениями. AR, по мнению докладчика, предоставляет уникальный шанс не просто наблюдать за социальной реальностью, но и погружаться в нее, получая непосредственный опыт взаимодействия с различными социальными группами и ситуациями. «Концепция дополненной социальной реальности позволяет развивать теоретическую социологию в соответствии с трендами общественного развития и одновременно позволяет адекватно оценить формы и перспективы социологического образования», – резюмирует *Д.В. Иванов* [Иванов, 2024, с. 76–77].

С.И. Лозовская и *Е.С. Красильникова* (СПбГУ, г. Санкт-Петербург) представили доклад на тему: «Трансформация заработной платы в условиях цифровой экономики» [Лозовская, Красильникова, 2024]. Цифровая экономика, как справедливо замечают докладчицы, радикально меняет привычные традиционные модели трудовых отношений и, как следствие, саму систему оплаты труда. Автоматизация, роботизация и развитие искусственного интеллекта высвобождают человеческие ресурсы из потока рутинных операций, создавая потребность в новых навыках и компетенциях [Лозовская, Красильникова, 2024, с. 329]. В новой реальности заработная плата перестает быть просто компенсацией за отработанное время, превращаясь в инструмент стимулирования инноваций, повышения квалификации и адаптации к быстро меняющимся условиям рынка. Одним из ключевых трендов современности, по мнению авторов доклада, является переход от фиксированных окладов к более гибким и динамичным системам оплаты. В то же время они отмечают наличие определенных трудностей. Например, представители прекариата не вписываются в современные условия цифровой экономики, так как работают в теневом секторе, см., например: [Козин, Жидяева, 2023; Козин, Жидяева, 2025].

Доклад *Т.Б. Малининой* (СПбГУ, г. Санкт-Петербург) «Модели потребления в меняющемся мире» был посвящен трансформации современной сферы потребления [Малинина, 2024]. Автор

подчеркивает, что традиционные модели, основанные на линейной схеме «производство – потребление – утилизация», уступают место более сложным и адаптивным подходам, учитывающим экологические, социальные и технологические факторы. Кроме того, социальные факторы также оказывают значительное влияние на модели потребления: например, ценности, убеждения и социальные нормы формируют потребительские предпочтения. Т.Б. Малинина добавляет, что растущая популярность концепции «экономики совместного потребления», основанной на аренде, обмене и совместном использовании ресурсов, свидетельствует о смене приоритетов в обществе. Потребители все чаще отдают предпочтение опыту и впечатлениям по сравнению с владением материальными благами [Малинина, 2024, с. 336].

Нам показался интересным и доклад *И.В. Пилипенко* (ИСЭПН РАН им. Н.М. Римашевской, г. Москва) «Жилищное строительство в РСФСР / Российской Федерации за 100 лет: основные этапы» [Пилипенко, 2024], в котором автор анализирует историю жилищного строительства в России за последние 100 лет сквозь призму социальных, экономических и политических трансформаций страны [Пилипенко, 2024]. По сути, автор совершил увлекательное путешествие сквозь столетие отечественного жилищного строительства, искусно выделив семь ключевых этапов и наделив каждый из них яркой, отличительной характеристикой. По мнению И.В. Пилипенко, каждый этап, от хаотичной застройки послереволюционного периода до современных комфортабельных комплексов, оставил свой отпечаток на облике городов и качестве жизни людей.

В докладе *З.А. Раемгуловой* и *А.Д. Татаренко* (ТюмГУ, г. Тюмень) «Ключевые компоненты теорий социологии спорта XXI века» [Раемгулова, Татаренко, 2024] уделяется внимание такому нетривиальному направлению в социальных науках, как социология спорта. По словам авторов, в XXI в. социология спорта переживает период динамичного развития, отмеченный интеграцией новых теоретических подходов и расширением эмпирической базы [Раемгулова, Татаренко, 2024, с. 114]. Ключевой особенностью современных социологических теорий спорта является углубленное понимание спорта как социального конструкта; см., например: [Лапшин, Демьянова, Зайцев, 2019]. Сегодня социология спорта активно взаимодействует с психологией, экономикой, политологией и другими смежными науками для более полного анализа спортивных явлений, а интеграция различных методологичес-

ких подходов позволяет получить более глубокое и всестороннее понимание сложных взаимосвязей между спортом и обществом.

Завершает нашу подборку доклад петербургских авторов, *В.А. Романовой, О.А. Баранник и М.И. Вишталъ* (СПбГМТУ, г. Санкт-Петербург), «Удаленная работа и гибкий график: тренды и вызовы современного трудового процесса» [Романова, Баранник, Вишталъ, 2024]. Докладчики начали с того, что отразили актуальность данной темы. В современном мире сфера трудоустройства претерпевает значительные трансформации, а удаленная работа и гибкий график перестают быть просто модными тенденциями, превращаясь в ключевые элементы современной рабочей среды. Эти изменения несут в себе как огромные возможности, так и вызовы для работодателей и сотрудников. Авторы доклада подчеркивают, что популярность удаленной работы и гибкого графика растет экспоненциально. Такие технологии, как высокоскоростной Интернет и облачные сервисы, позволяют сотрудникам эффективно выполнять свои обязанности из любой точки мира. Преимущества удаленной работы очевидны: повышение трудовой продуктивности, снижение затрат на аренду офисов, расширение географии поиска талантливых сотрудников и улучшение баланса между работой и личной жизнью. Как отмечают специалисты, «с усилением роли новых профессий (например, таких как 3D-проектировщик, аналитик *big data*, архитектор “умного дома”, флейворист)», уменьшится роль более привычных профессий, которые в дальнейшем скорее всего исчезнут, а их представителям придется адаптироваться к новым условиям и обучаться новым профессиям, чтобы не попасть в класс прекариата [Козин, Жидяева, 2023, с. 186–197].

Обобщая итоги прошедших XVIII Ковалевских чтений, следует сказать, что конференция была плодотворной с точки зрения как анализа теоретических научных разработок, так и освещения результатов ряда эмпирических социологических исследований, а докладчики уделяли внимание не только традиционным, но и новаторским темам, зачастую носящим междисциплинарный характер. По итогам состоявшихся XVIII Ковалевских чтений, как обычно, вышел в свет сборник докладов [Социология в меняющемся мире ..., 2024].

Список литературы

Батоврина Е.В. Управление персоналом российских инновационных компаний: актуальные проблемы и пути их решения // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 428–430.

Бистяйкин А.В. Социальный портрет трудового мигранта в регионе // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 1326–1329.

Вахрушев А.В. Пути снижения уровня бедности в современной России: обзор зарубежного опыта борьбы (на примере США) // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 169–171.

Гринберг Г.П., Литвиненко Е.Ю. Роль интерактивных музеев в социализации молодежи поколения Z (на примере интерактивного музея города Ростов-на-Дону) // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 1041–1044.

Иванов Д.В. Актуальная социология в формате дополненной реальности // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 72–79.

Козин С.В., Жидяева Т.П. [Рецензия] // Социологический журнал. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 177–191. – Рец. на монографию: От precarious занятости к прекарнизации жизни / под ред. Ж.Т. Тощенко. – Москва: Весь мир, 2022. – 364 с. – DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10

Козин С.В., Жидяева Т.П. Новые знания в изучении российского прекарриата [рец.] // Наука. Культура. Общество. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 85–93. – Рецензия на книгу: Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / под ред. Ж.Т. Тощенко). – Москва: Весь мир, 2024. – 462 с. – DOI: 10.19181/nko.2025.31.1.7

Лапишин И.Е., Демьянова Л.М., Зайцев В.В. Международно-правовое регулирование в сфере спорта // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 4. – С. 119–124. – DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-4-119-124

Лозовская С.И., Красильникова Е.С. Трансформация заработной платы в условиях цифровой экономики // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 329–331.

Малинина Т.Б. Модели потребления в меняющемся мире // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 335–337.

Пилипенко И.В. Жилищное строительство в РСФСР/Российской Федерации за 100 лет: основные этапы // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 355–357.

Раемгулова З.А., Татаренко А.Д. Ключевые компоненты теорий социологии спорта XXI века // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 115–117.

Романова В.А., Баранник О.А., Вишталъ М.И. Удаленная работа и гибкий график: тренды и вызовы современного трудового процесса // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. – С. 367–369.

Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024.–1475 с.

References

Batovrina E.V. Personnel management of Russian innovative companies: current problems and ways to solve them. *Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024*. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – P. 428–430. (In Russian)

Bistyaikin A.V. Social portrait of a migrant worker in the region. *Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024*. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – P. 1326–1329. (In Russian)

Grinberg G.P., Litvinenko E.Y. The role of interactive museums in the socialization of youth of generation Z (on the example of the interactive Museum of Rostov-on-Don). *Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024*. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – P. 1041–1044. (In Russian)

Ivanov D.V. Actual sociology in augmented reality format. *Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific*

conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – P. 72–79. (In Russian)

Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. [Book review]. *Sotsiologicheskij zhurnal [Sociological journal]*. – 2023. – Vol. 29, N 1. – P. 177–191. – Book review: From precarious employment to precarization of life. Ed. by Zh.T. Toshchenko]. – Moscow: Ves' mir, 2022. – 364 p. – DOI: 10.19181/socjour. 2023.29.1.10 (In Russian)

Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. New knowledge in the study of the Russian precariat (book review: The life world of workers: sustainability versus precarity. Ed. by J.T. Toshchenko). – Moscow: The whole world, 2024. – 462 p.]. *Nauka. Kul'tura. Obshhestvo* [Science. Culture. Society]. – 2025. – Vol. 31, N 1. – P. 85–93. – DOI: 10.19181/nko.2025.31.1.7 (In Russian)

Lapshin I.E., Demyanova L.M., Zaitsev V.V. International legal regulation in the field of sports. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik* [North Caucasian law bulletin]. – 2019. – N 4. – P. 119–124. – DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-4-119-124 (In Russian)

Lozovskaya S.I., Krasilnikova E.S. Transformation of wages in the digital economy. *Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024*. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – P. 329–331. (In Russian)

Malinina T.B. Models of consumption in a changing world. *Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024*. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – P. 335–337. (In Russian)

Pilipenko I.V. Housing construction in the RSFSR / Russian Federation for 100 years: main stages. *Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024*. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – P. 355–357. (In Russian)

Raemgulova Z.A., Tatarenko A.D. Key components of the theories of the sociology of sports of the XXI century. *Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024*. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – P. 115–117. (In Russian)

Romanova V.A., Barannik O.A., Vishtal M.I. Remote work and flexible schedule: trends and challenges of the modern labor process. *Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024*. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – P. 367–369. (In Russian)

Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – 1475 p. (In Russian)

***Социология в динамичном мире: теоретические основы,
прикладные исследования, образовательный процесс***

Vakhrushev A.V. Ways to reduce poverty in modern Russia: a review of foreign experience of struggle (using the example of the USA). *Sociology in a changing world: theory, practice, education: proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalevsky readings on November 14–16, 2024*. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg state university. – St. Petersburg: Skifiya-print, 2024. – P. 169–171. (In Russian)

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

САМНЕР У.Г. НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ (Избранные фрагменты).
(Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: народные обычаи; нравы; внушение; внушаемость; критика; правильное; права; мораль; табу; общественное благополучие; воображение.

Для цитирования: Самнер У.Г. Народные обычаи (Избранные фрагменты) / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 140–155.

Перевод поступил: 15.01.2025.

Принят к публикации: 22.01.2025.

SUMNER W.G. Folkways (Selected fragments). (Translated from English)

Keywords: folkways; mores; suggestion; suggestibility; critics; right; rights; morals; taboos; societal welfare; imagination.

For citation: Sumner W.G. Folkways (Selected fragments). Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 3. – P. 140–155.

Received: 15.01.2025.

Accepted: 22.01.2025.

¹ Продолжение. Начало см. в предыдущем номере журнала.

Перевод сделан по: Sumner W.G. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. – Boston: Ginn & Company, 1906. – P. 20–26, 27–30, 30–33, 33–36.

**Глава 1. Фундаментальные понятия народных обычаев
и нравов (продолжение)**

24. Внушение; внушаемость. То, что было названо психологией толп, состоит в определенных явлениях внушения. Некоторое множество лиц, собранных вместе, особенно если они наполнились одним и тем же чувством восторга или стимулируются одним и тем же интересом, передают импульсы друг другу, так что все эти импульсы намного усиливаются. Иными словами, неоспоримым фактом является то, что все умственные состояния и эмоции значительно возрастают в силе благодаря передаче от человека к человеку, особенно если сопровождаются ощущением сближения и кооперации большого числа людей, имеющих общее чувство или интерес. «Элемент психического принуждения, коему подчинен наш мыслительный процесс, характерен для операций, которые мы называем суггестивными»¹. То, что мы сделали или услышали, занимает наши умы настолько, что мы не можем отвлечься на что-то другое. Консенсус множества лиц сулит триумф импульсу, каким бы он ни был. *Ça ira*². Есть упоение восторга в ощущении движения с большим множеством людей. Нет обдумывания, или рассудка. Поэтому толпа может делать вещи, которые лучше или хуже того, что делали бы входящие в нее индивиды. Случаи линчевания показывают, как толпа может творить вещи, совершенно невероятные для взятых по отдельности индивидов; последние бы такого не сделали и не согласились бы сделать. У толпы не больше гарантий мудрости и добродетели, чем было бы у индивида. На самом деле участники толпы почти всегда отбрасывают все способности благоразумного суждения, приобретенные путем воспитания, и отдаются во власть энтузиазма, страсти, животного импульса, грубого желания. В толпе всегда есть общий запас элементарных верований, предрассудков, любовей и ненавистей, излюбленных понятий. На этот общий запас воздействуют одни и те же стимулы во всех людях одновременно. Совокупная реакция – это великая буря чувств, великий импульс для воли. Отсюда огромное влияние на толпу знамений и всяческих народных предрассудков. Знамения – пример «эгоистической референции»³.

¹ *Stoll O.* Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie. – Leipzig: Verlag von Veit & Comp., 1904. – S. 702.

² Все будет хорошо (фр.). – *Прим. пер.*

³ *Friedmann M.* Über Wahnideen im Völkerleben. – Wiesbaden: Verlag von J.F. Bergmann, 1901. – S. 222.

Войско воздерживается от битвы из-за затмения. Мужчина, отправившийся было на поиски пропитания, идет обратно домой, потому что путь ему пересекла ящерица. В каждом случае происшествие в природе истолковывается как предостережение или директива войску или человеку. Так могут без всякой причины рождаться судьбоносные последствия для людей и народов. Власть лозунгов состоит в кластере внушений, которые к ним прикрепились. В Средние века к слову «еретик» приросло пугающее внушение низменной порочности. В XVII в. такие же внушения соединились со словами «ведьма» и «изменник». «Природа» приобрела в XVIII в. великую суггестию чистоты и правильности, которой не потеряла до сих пор. Сегодня на «прогресс» у нас лег совершенно несоразмерный груз суггестии. Внушаемость – это качество подверженности суггестивному влиянию¹. «Внушаемость – это естественная способность мозга немотивированно принимать какие угодно идеи, впитывать их и в конце концов быстро превращать в движения, ощущения и торможения»². Она сильно разнится в степени и присутствует в разных степенях в разных толпах. Толпы разных национальностей различались бы как по степени внушаемости, так и по видам суггестивных стимулов, на которые они будут реагировать. Внушаемостью обусловлено подражание. Даже самоубийство благодаря внушению и подражанию делается эпидемией³. В случае кризиса, например кораблекрушения, когда никто не знает, что делать, один человек, действуя, может повести всех за собой за счет подражательной внушаемости. Очень внушаемые люди могут быть приведены в умственные состояния, не допускающие критики и рефлексии. Каждый, кто приобретает мастерство в первичных процессах ассоциации, аналогии, повторения и непрерывности, может проделывать с другими разные трюки, стимулируя эти процессы, а затем предоставляя им ограниченные данные для обработки. Руководящая идея может быть внушена серией идей, заставляющей реципиента ожидать, что эта серия будет продолжена. Тогда последний не сможет воспринимать, если серию разрушить. В эпоху Возрождения никакой степе-

¹ Binet A. La suggestibilité. – Paris: Schleicher Frères, 1900. Бине трактует применение внушаемости в воспитании.

² Lefevre L. Les phenomenes de suggestion et d'auto-suggestion. – Paris: A. Maloine, 1903. – P. 102.

³ Funck-Brentano F. Le suicide. – P. 117. (Такого издания не найдено. – Прим. пер.)

ни просвещения не было достаточно для сопротивления наважде-нию астрологии, так как оно поддерживалось страстной фантазией и страстным желанием знать будущее и подтверждалось древностью, авторитетность которой всеобъемлюще внушалась всеми верованиями и предрассудками этой эпохи¹.

25. Внушения в воспитании. Мании. Родители и учителя используют внушение в воспитании детей. Люди, занимающие высшее социальное положение, оперируют внушением все время, намеренно или ненамеренно. Всему, что бы они ни делали, подражают. Народные обычаи воздействуют на индивидов посредством внушения; когда они возвышаются до нравов, они делают это еще больше, ибо тогда они несут в себе внушение общественного благополучия. Обычаи и понятия могут поначалу отвергаться индивидом, исходя из его оценки их достоинств, но повторяющееся внушение делает их знакомыми и притупляет воздействие на него тех черт, которые поначалу его отвращали. Знакомые примеры этого дают моды на одежду и сленг. Новый фасон в одежде кажется вначале нелепым, неизящным или неприличным. По прошествии некоторого времени это первое впечатление от него притупляется настолько, что все под него подлаживаются. Новый сленг кажется вульгарным. Он просачивается в употребление. В Индии символ лингама настолько обычен, что никто не уделяет никакого внимания его смыслу². Эта способность знакомости сводить внушение до нуля дает негативное доказательство силы внушения. Конвенционализация также редуцирует внушение – возможно, до нуля. Вредно читать описания преступлений, порока, ужасов, избыточных приключений и т.д., так как знакомость ослабляет отвратительные внушения, которые эти вещи должны вызывать. Мошенники и все прочие, проявляющие интерес к тому, чтобы увлечь умы других людей в некотором направлении, пользуются внушением. У них часто развивается значительное практическое мастерство в этом деле, хотя они и не понимают его науку. Это одно из искусств демагога и площадного оратора. Один человек, желавший номинироваться на пост, приехал на съезд выступить с речью. Партию будоражил один большой и трудный вопрос. Он

¹ *Burckhardt J.* Die Cultur der Renaissance in Italien. – Basel: Schweighauser Verlagsbuchhandlung, 1860. – S. 512. (Рус. пер.: *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. – Москва: Юристъ, 1996.)

² *Nivedita, Sister.* The web of Indian life. – London: William Heinemann, 1906. – P. 212.

начал со слов, что хотел бы откровенно и полно изложить свою позицию по этому вопросу. «Но сначала, – сказал он, – позвольте мне сказать, что я демократ». Это вызвало бурю аплодисментов. Затем он принялся хвастаться своими заслугами перед партией и в итоге закончил речь, так и не сказав ни слова по этому важному вопросу. Его легко номинировали. Преследования ведьм покоились на внушении. «Каждый знал», что существуют ведьмы. Если нет, то что тогда за люди те, которых сжигали? Филипп IV, король Франции, хотел заставить людей поверить, что тамплиеры еретики. Люди были не готовы в это поверить. Тогда король приказал, чтобы тело одного тамплиера выкопали и сожгли, как сжигали тела еретиков. Это убедило людей посредством внушения¹. Что «говорят», что «делает каждый» и что «каждый знает» – контролирующее внушения. Средневековые бичевания и танцы были случаями внушения. Фактически все народные мании объясняются им. Религиозные объединения практикуют внушение на себе, особенно на своих детях или менее воодушевленных членах, пользуясь для этого символами, изображениями, образами, процессиями, драматическими представлениями, празднествами, реликвиями, легендами о своих героях. В Средние века распятие было инструментом религиозного внушения для создания образного понимания смерти Иисуса. В очень многих хорошо известных случаях страсти толпы доводились до уровня неистового действия. Символы и образы тоже благодаря внушению стимулируют религиозное рвение. Если много людей действуют вместе, то рождаются массовые явления и возникают такие следствия, как истерические эпидемии на съездах и экстравагантности коммунистических сект². Научные общества и множества людей, интересующихся одной и той же темой, посредством встреч и передачи внушений делают все идеи каждого общим достоянием всех. У гиперборейцев есть душевная болезнь, делающая их подверженными внушению. Женщин поражает истерия перед наступлением половой зрелости. Позже они проявляют феномены «одержимости» – танцы и пение, а еще позже – каталепсию³.

¹ Schotmüller K. Untergang des Templer-Ordens: mit urkundlichen und kritischen Beiträgen. – Berlin: Ernst Siegfried Mittler & Sohn, 1887. – Bd. 1. – S. 136.

² Regnard P. Les maladies épidémiques de l'esprit: sorcellerie, magnétisme, morphinisme, délire des grandeurs. – Paris: E. Plon, Nourrit et cie, 1887.

³ Globus: Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. – 1904. – Bd. 85, N 16. – S. 262.

26. Внушение в политике. Огромным полем для использования средств и аппарата внушения в настоящее время является политика. За последние полвека все государства стали массовыми. Внушение осуществляется легко, когда присоединяется к популярным идеям, излюбленным понятиям человеческих групп, расхожим банальностям и текущим привычкам мысли и чувства. Газеты, популярная литература и массовое ораторство показывают попытки оперировать внушением в этих направлениях. Они редко корректны и точны; обычно они играют на принятых представлениях. Искусство ловкого внушения – одно из великих искусств в политике. Речь Антония над телом Цезаря – классический пример этого. В политике, особенно на выборах, старый аппарат внушения используется снова и снова: флаги, символы, церемонии и торжественные мероприятия. Патриотизм систематически культивируется посредством годовщин, паломничеств, символов, песен, декламаций и т.д. Еще один примечательный случай внушения дает современная реклама. Рекламные объявления искусно планируются таким образом, чтобы затронуть ум читателя и добиться от него реакции, желаемой рекламодателем. Рекламные страницы наших популярных журналов свидетельствуют о верованиях и идеях, преобладающих в массах.

27. Внушение и критика. Внушение – законный инструмент, когда используется честно, для прививания знания или принципов поведения, т.е. для воспитания в широком смысле слова. Критика – это операция, с помощью которой внушение ограничивается и корректируется. Именно благодаря критике человек защищен от легковерия, эмоции и ошибки. Способность к критике – это способность, которую воспитание должно главным образом тренировать. Трудно сопротивляться внушению того, что человек, обвиняемый в преступлении, виновен. Линчеватели обычно покоряются этому внушению, особенно если преступление было чудовищное и сильно распалило их эмоции против того неизвестного, который его совершил. Требуется критика, чтобы воспротивиться этому внушению. Наши судебные институты призваны удерживать это внушение в стороне, пока не изучены все свидетельства. Образованный человек должен быть недосягаемым для внушений, идущих из рекламных объявлений, газет, речей и историй. Если он благоразумен в момент, когда толпа преисполнена энтузиазма и эмоций, он покинет ее и встанет в стороне, чтобы сформировать свое суждение. Короче говоря, индивидуальность и сильная личность – это противоположности внушаемости. Самовнушение ре-

зонно включает все случаи, когда человек «поражен некоторой идеей» или «подхватил мнение», но в более строгом смысле относится к фиксированным идеям и привычкам мышления. Раздражение наводит на мысль о паразитах, и паразиты внушают раздражение. Страх перед заиканием вызывает заикание. Спящий человек отгоняет муху, не просыпаясь. Если мы находимся в позе или роли, то действуем так, как люди, насколько мы слышаны, действуют в этой позе или роли¹. Требуется хорошо натренированная рассудительность, чтобы корректировать или отбирать собственные идеи и сопротивляться закрепленным идеям. Высшая критика – это критика самого себя.

28. Народные обычаи, обусловленные ложным умозаключением. Кроме того, народные обычаи формировались случаем, т.е. иррациональным и несуразным действием, основанным на псевдознании. В Молебмо начался мор вскоре после того, как там умерли португальцы. После этого туземцы принимали все возможные меры, чтобы не дать ни одному белому человеку умереть в их стране². На Никобарских островах некоторые туземцы, едва начав делать глиняную посуду, умирали. Это искусство было отброшено, и к нему больше никогда не возвращались³. Белые люди дали одному бушмену в краале палку, украшенную пуговицами, как символ авторитета. Когда он умер, он оставил эту палку своему сыну. Вскоре умер и сын. Тогда бушмены вернули палку, чтобы не умерли все⁴. До недавнего времени ни в одном из больших городов центральной провинции Мадагаскара нельзя было строить здания из негорючих материалов ввиду какого-то древнего предрассудка⁵. Некая партия эскимосов не встретила никакой дичи. Один из них пошел назад к упряжке и взял собачье бедро, чтобы поесть. Когда он вернулся с бедренной костью в руке, то встретил и убил тюленя. После он всегда брал с собой на охоту такую

¹ *Lefevre L.* Op. cit. – P. 98.

² *Bastian A.* Ein Besuch in San Salvador, der Hauptstadt des Königreichs Congo: ein Beitrag zur Mythologie und Psychologie. – Bremen: Druck und Verlag von Heinrich Strack, 1859. – S. 104.

³ *Ratzel F.* Anthropogeographie. – Stuttgart: Verlag von J. Engelhorn, 1891. – Teil 2. – S. 699.

⁴ *Lichtenstein H.* Travels in Southern Africa in the years 1803, 1804, 1805 and 1806. – London: Printed for Henry Colburn, 1815. – Vol. 2. – P. 61.

⁵ *Sibree J.* Great African island: chapters on Madagascar. – London: Trübner & Co., 1880. – P. 301.

кость¹. Женщины-беленда (полуостров Малакка) в течение некоторого периода стараются не отходить от дома. Многие держат двери закрытыми. Они не знают причины этого обычая. «Должно быть, он обусловлен каким-то забытым суеверием»². Вскоре после того, как якуты впервые увидели верблюда, у них разразилась эпидемия оспы. Они решили, что верблюд – источник этой болезни³. Одна женщина из этого же народа заключила брак внутри рода. Вскоре после этого она ослепла. Это отнесли на счет нарушения старинного обычая⁴. Можно собрать великое множество таких примеров. Фактически они представляют текущий способ рассуждения естественных народов. Их обычай – рассуждать так, что если одна вещь следует за другой, то она ею обусловлена. Большое число обычаев восходит к представлениям о дурном глазе; еще больше – к ритуальным понятиям нечистоты⁵. Никакое научное исследование не смогло бы выявить источник упомянутых обычаев, если бы этот источник не оказался случайно известен цивилизованным людям. Мы должны счесть, что известные нам случаи иллюстрируют иррациональное и нелепое происхождение многих народных обычаев. Из цивилизованной истории мы также узнаем, что обычаи были обязаны появлением «исторической случайности» – тщеславию принцессы, уродству короля, какой-то причуде демократии, любовной интрижке государственного мужа или прелата. Институтами другой эпохи может быть гарантировано, что ни одна из этих вещей не сможет повлиять на решения, действия или интересы, но тогда власть определять обычаи может перейти к клубам, профессиональным союзам, трестам, торговым соперникам, кукловодам, политикам и политическим фанатикам. Причины и истоки могут и в этом случае ускользнуть от исследования.

30. Как обнаруживаются «истинное» и «правильное». Если дикарь подносит руку слишком близко к огню, то чувствует

¹ Eighteenth annual report of the Bureau of Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution, 1896–1897. – Washington: Government printing office, 1899. – Part 1. – P. 325.

² Stevens H.V. Mittheilungen aus dem Frauenleben der Ôrang Bêlendas, der Ôrang Djâkun und der Ôrang Lâut // Zeitschrift für Ethnologie. – 1896. – Jahrgang 28. – S. 170.

³ Wilken G.A. Handleiding voor de vergelijkende volkenkunde van Nederlandsch-Indië. – Leiden: E.J. Brill, 1893. – S. 546.

⁴ Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. – Санкт-Петербург: Типография главного управления уделов, 1896. – С. 558.

⁵ См. Главу XIII.

боль и отдергивает ее. Он ничего не знает о законах излучения тепла, но его инстинктивное действие соответствует этому закону, как если бы он его знал. Если он хочет поймать животное для еды, то должен изучить его привычки и подготовить средство, приспособленное к этим привычкам. Если оно не помогает, он должен повторять попытки, пока его наблюдение не окажется «истинным», а средство – правильным. Весь практический и прямой элемент в народных обычаях, по-видимому, обусловлен здравомыслием, природной рассудительностью, интуицией или каким-то другим изначальным умственным даром. Он кажется рациональным (или рационалистическим) и утилитарным. В мифологиях этот конечный рациональный элемент относили часто к учительству бога или культурного героя. В современной мифологии он объясняется как «естественный».

Хотя принятые способы действия всегда должны быть по настоящему «истинными» и «правильными» в отношении фактов, так как в противном случае они не отвечали бы своей цели, не таково примитивное представление об истинном и правильном.

31. Народные обычаи «правильны». Права. Мораль. Народные обычаи являются «правильными» способами удовлетворения всех интересов, потому что они традиционны и существуют фактически. Они распространяются на всю жизнь. Есть правильный способ ловить дичь, добывать жену, проявлять свое Я, лечить болезнь, чествовать духов, относиться к товарищам и чужим, вести себя при рождении ребенка, на тропе войны, в совете и так далее во всех случаях, могущих возникнуть. Эти способы определяются с негативной стороны, т.е. разными табу. «Правильный» способ – это способ, которым пользовались предки и который был передан. Традиция – сама себе гарантия. Она не считается подлежащей подтверждению опытом. Понятие правильного заключено в народных обычаях. Оно не вне их, не имеет независимого от них происхождения и не привносится в них, чтобы их проверить. В народных обычаях – правильное, каким бы оно ни было. Ведь они традиционны и, следовательно, содержат в себе авторитет духов предков. Когда мы подходим к народным обычаям, мы находимся в конце нашего анализа. Понятие правильного и должного – одно и то же в отношении всех народных обычаев, но степень его меняется в зависимости от важности стоящего на кону интереса. Обязательство конформного и кооперативного действия в случае страха перед духами и в случае войны гораздо серьезнее, чем в других вопросах, и социальные санкции при этом строже, по-

скольку, как предполагается, на кон ставятся групповые интересы. Некоторые обыкновения содержат лишь небольшой элемент правильного и должного. Вполне можно считать, что понятия правильного и должного и социального благополучия впервые развились в связи со страхом перед духами и идеями потустороннего и, следовательно, в этой же области народные обычаи впервые возвысились до нравов. «Права» – это правила взаимного обмена в жизненном состязании, которые навязываются товарищам в ин-группе, дабы в ней мог поддерживаться мир, существенный для групповой силы. Права, следовательно, никогда не могут быть «естественными», «богоданными» или в каком-либо смысле абсолютными. Нравственность (morality) группы в любой данный момент – это сумма табу и предписаний, заключенных в народных обычаях, которыми определяется правильное поведение. Отсюда – мораль (morals) никогда не может быть интуитивной. Она исторична, институциональна и эмпирична.

Мировая философия, жизненная политика, права и нравственность – все это продукты народных обычаев. Они являются осмыслениями опыта удовольствия и страдания, обретаемого в попытках борьбы за существование в действительных жизненных условиях, и обобщениями из этого опыта. В зачаточных формах эти обобщения очень грубы и туманны. Все они находят воплощение в фольклоре, и вся наша философия и наука развились из них.

32. Народные обычаи «истинны». Народные обычаи непременно «истинны» в отношении некоторой философии мира. Мыслить людей заставляло страдание. Жизненные бедствия принуждали к рефлексии и учили прозорливости. Умственные процессы были утомительны и не запускались, пока болезненный опыт не делал их неизбежными¹. С великим единодушием по всему миру придерживались примитивные люди одной и той же линии мышления. Считалось, что мертвые продолжают жить как духи в ином мире, в точности похожем на наш. У духов были точь-в-точь такие же потребности, вкусы, страсти и т.д., как у живущих. Эти трансцендентальные понятия были началом умственного оснащения человечества. Имелись символы веры, а не рациональные убеждения. У живых были обязанности перед духами, у духов были права; у них была также власть, позволявшая принуждать к реализации собственных прав. Следовательно, это обязывало жи-

¹ *Fritsch G.* Die eingeborenen Süd-Afrika's. – Breslau: Ferdinand Hirt, 1872. – S. 57.

вущих учиться тому, как обращаться с духами. Здесь мы имеем завершенную философию мира и выведенную из нее жизненную политику. Когда переживались боль, потеря и бедствие и неволью возникал вопрос: «Кто нам это сделал?», – философия мира давала ответ. Когда мучительный опыт приводил к вопросу: «Почему духи сердятся, и что нам надобно сделать, чтобы их умиловить?», – «правильным» был ответ, который отливался в философию страха перед духами. Все акты, следовательно, ограничивались и вписывались в формы философии мира страхом перед духами, авторитетом предков, табу и привычкой. Привычки и обычаи создавали практическую философию благополучия и подтверждали и развивали религиозные теории гоблинизма.

34. Определение нравов. Когда элементы истины и правильности преобразуются в доктрины благополучия, народные обычаи возносятся на новый уровень. Теперь они обретают способность наводить на размышления, облекаясь в новые формы и расширяя свое конструктивное влияние на людей и общество. В этом случае мы называем их нравами (*mores*). Нравы – это народные обычаи, включающие философские и этические обобщения об общественном благополучии, которые ими внушаются и по мере их развития становятся внутренне им присущими.

35. Табу. Нравы с необходимостью образуются в значительной мере из табу, указывающих на вещи, которых делать нельзя. Отчасти они диктуются мистическим ужасом перед духами, которых какими-то действиями можно было бы оскорбить, но также включают и такие акты, которые, как показал опыт, приносят нежелательные результаты, особенно в поисках пропитания, в войне, в здоровье или в плане увеличения или уменьшения населения. Эти табу всегда содержат больший элемент философии, чем позитивные правила, так как табу содержат ссылку на причину, состоящую например в том, что подобное действие рассердило бы духов. Примитивные табу соответствуют тому факту, что жизнь человека окружают опасности. Его поиск пропитания должен ограничиваться избеганием ядовитых растений. Его аппетит должен удерживаться от излишеств. Его физическая сила и здоровье должны быть предохранены от опасностей. Табу несут в себе накопленную мудрость поколений, почти всегда достававшуюся ценой страданий, потерь, болезней и смерти. Другие табу содержат запреты на то, что будет вредным для группы. Законы о полах, о собственности, о войне и о духах имеют этот характер. Они всегда

включают какую-то социальную философию. Они и мистичны, и утилитарны, являются смесью того и другого.

Табу можно подразделить на два класса: (1) защитные и (2) разрушительные. Одни из них нацелены на защиту и оберегание, другие – на подавление и уничтожение. Женщины подчинены ряду табу, направленных против них как источников возможного вреда или опасности для мужчин, а также другим табу, отстраняющим их от мужских обязанностей или рисков. Табу, в силу этого различия в них, действуют избирательно и воздействуют таким образом на курс цивилизации. Они содержат суждения относительно общественного благополучия.

36. Никакого примитивного философствования; мифы; сказки; понятие об общественном благополучии. Это не нужно понимать в том смысле, что примитивные люди философствуют о своем жизненном опыте. Это наш путь, не их. Они не формулировали никаких положений о причинах, значении или конечных связях вещей. Но они создавали мифы, в которых часто излагали концепции, являющиеся глубоко философскими, только делали это в конкретной, персонифицированной, драматической и образной форме. Они боялись страданий и бед и создавали народные обычаи своими средствами отведения страданий и бед. Этими средствами были ритуальные акты, которые планировались исходя из их смутных и грубых верований о духах и потустороннем мире. Мы продумываем связь между этими средствами и верованиями и сводим ее к положениям, облеченным в философскую форму; но примитивные люди никогда этого не делали. Их мифы, сказки, пословицы и максимы демонстрируют, что более тонкие связи вещей от них не ускользали и что в рефлексии у них не было недостатка, но метод ее был очень отличным от нашего. Представление об общественном благополучии в них не отсутствовало, хотя никогда не представало им самим осознанно в качестве их цели. Мор, как визит гнева духов на всех, или война впервые преподавали эту идею, поскольку война была связана с победой над соседней группой. У батаков есть легенда, что некогда мужчины женились на дочерях сестер своих отцов, но следом пришли бедствия и, таким образом, эти браки были табуированы¹. Это умозаключение и примеры,

¹ *Meervaldt J.H.* Wijzen de tegenwoordige zeden en gewoonten der Bataks nog sporen aan van een oorspronkelijk matriarchaat? // *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde van Nederlandsch-Indië.* – 1892. – Deel 41, 2de afl. – P. 203.

приведенные в § 28, демонстрируют понимание общественного благополучия и его связи с состояниями и действиями как условиями.

37. Элемент воображения. Правильное постижение фактов и событий умом и правильные выводы относительно связей между ними конституируют знание, и главным образом благодаря знанию люди стали более способными благополучно жить на земле. Следовательно, переключения между опытом, или наблюдением, и интеллектуальными процессами, посредством которых устанавливаются смысл фактов, их последовательность, взаимозависимость и рациональные последствия, – несомненно, самый важный процесс для обретения большей способности к благополучной жизни. И все же оказывается, что этот процесс был подвержен самым губительным ошибкам. Воображение вмешивалось в рассудок и снабжало людей объектами для устремлений, которые растрачивали и рассеивали их энергии. В особенности чередования наблюдения и дедукции пресекались тщетой и суеверностью, приносящими заблуждения. Как следствие, люди поворачивались спиной к благополучию и реальности ради погони за красотой, славой, поэзией, безудержной риторикой, удовольствиями, известностью, приключениями и фантазмами. У каждой группы в каждую эпоху были свои «идеалы», к которым она стремилась, как если бы люди надували и запускали воздушные шарики, а затем, увлекшись их яркими цветами, прыгали, чтобы поймать их. В сами процессы анализа и дедукции пробираются самые пагубные ошибки. Мы замечаем наш опыт в каждом действии или событии. Мы выводываем из опыта значимость. Мы дедуцируем убеждение относительно того, что нам лучше всего было бы сделать, когда этот случай возникнет снова. Именно это мы, несомненно, и должны делать, чтобы жить благополучно. Этот процесс преподносит нам постоянное повторение последовательности: акт, мысль, акт. Ошибка делается, если мы позволяем внушениям тщеславия, суеверия, спекуляции или воображения спутаться со второй стадией и войти в наше убеждение относительно того, как лучше всего в таком случае поступить. Это и происходило, когда гоблинизм был принят как объяснение опыта и правило правильной жизни, и именно это делалось с тех пор снова и снова. Умозрительные и трансцендентальные понятия давали философию мира, а правила жизненной политики и долга выводились из нее и приносились на второй стадии процесса «акт – мысль – акт». Все ошибки и заблуждения умственных процессов проникали в нравы эпохи. Логика одной эпохи – не логика другой. Одна из главных полезных целей изучения нравов состоит в

том, чтобы научиться различать в них действие традиционных заблуждений, преобладающих догм, логических ошибок, иллюзий и текущих ложных оценок благ, к которым стоит стремиться.

39. Повторение сказанного. Этот предварительный анализ можно подытожить так: люди в группах пребывают в жизненных условиях; у них есть потребности, при определенном состоянии жизненных условий схожие; связи потребностей с условиями являются интересами, и во главе их стоят голод, любовь, честолюбие и страх; попытки множеств людей одновременно удовлетворять интересы производят массовые явления, становящиеся в силу единообразия, повторяемости и широкого сближения народными обычаями. Народным обычаям сопутствуют удовольствие и страдание в зависимости от того, как они приспособлены к цели. Страдание принуждает к рефлексии и наблюдению некоторой связи между действиями и благополучием. В этой точке философия мира (начиная с гоблинизма) внушает объяснения и выводы, которые сплетаются с суждениями о целесообразности. Народные обычаи меж тем впитывают философию правильной жизни и жизненную политику достижения благополучия. В этом случае они становятся нравами и могут развиваться за счет умозаключений, выводимых из философии или правил в попытке удовлетворять потребности без страдания. Вследствие этого они претерпевают улучшение и приводятся в согласие друг с другом.

40. Область влияния и метод нравов. В этом труде отстаивается положение, что народные обычаи – самое широкое, самое фундаментальное и самое важное явление, за счет которого обслуживаются интересы людей в группах, а процесс, посредством которого создаются народные обычаи, – это основной процесс, которому обязаны своим существованием элементарные общественные и групповые феномены. Жизнь общества состоит в создании и применении народных обычаев. А науку об обществе можно мыслить как их изучение. Связи людей друг с другом, когда они бок о бок ведут борьбу за существование, состоят из взаимных реакций (антагонизмов, соперничеств, альянсов, принуждений и коопераций), из которых возникают общественные сцепления и сращения, т.е. более или менее устойчивые позиции индивидов и подгрупп по отношению друг к другу, а также более или менее устойчивые последовательности и методы взаимодействия между ними, благодаря которым обслуживаются интересы всех членов группы. То же можно сказать обо всех животных. Общественные насекомые особенно ярко демонстрируют нам высокоразвитые результаты взаимосогла-

сования смежных интересов и жизненных актов, выраженные в сцеплениях и сращениях. Общественные сращения обеспечиваются народными обычаями: люди, каждый из которых борется за сохранение существования, неосознанно сотрудничают друг с другом, выстраивая ассоциации, организацию, обычаи и институты, которые со временем достигают полной зрелости и действенности, хотя никто заранее их не задумывал, не планировал и не понимал. Они предстают творениями «предков». Эти сращения связей и действий в войне, труде, религии, развлечениях, семейной жизни и гражданских институтах соединяются с верованиями, философскими доктринами (мифами, фольклором), а также предписаниями правильного поведения и долга (табу). Создание обычаев – дело нетривиальное, хотя действия мелки и незаметны. Каждый акт каждого человека закладывает атом в структуру, как исполняя долг, вытекающий из того, что предшествовало, так и обуславливая то, что грядет дальше в силу авторитета традиционного обычая. Структура, таким образом выстроенная, – не физическая, а социетальная и институциональная, и ее следует отнести к категории, которую нужно определить и изучать саму по себе. Это категория, в которой обычай создает неразрывность, согласованность и постоянство; и потому ткань отношений и предписанных позиций, с которыми постоянно соединены общественные функции, можно по праву называть «структурой». Процесс создания обычаев неизменен. Сегодня он такой же, каким был на заре цивилизации. «Привычка и обыкновение» действуют на всех людей во все времена. Они создают знакомое и привычное, и массовые акты становятся неосознанными. Тот же эффект создается обычными действиями, повторяющимися во всех постоянно повторяющихся случаях. Диапазон общественной активности может колоссально расширяться, интересы могут разрастаться и множиться, материалы, которыми обеспечиваются нужды, могут становиться гораздо более многочисленными, процессы общественной кооперации могут становиться сложнее, в случае многих интересов на место обычая могут заступать договор или уловка; но если это затрагивает способы действий и интересы масс, то народные обычаи будут развиваться дальше и посредством того же процесса, что и описанный, как происходивший с самого начала цивилизации. Способы ведения войны изменялись со всеми новыми изобретениями в вооружении и военной технике и развились в огромные по масштабу и важности народные обычаи. Фабричная система ремесел создала совокупность народных обычаев, в которой живут ремесленники и которая отличает фабричные городки от торговых городов и деревень земледельцев. Использование хлопка вместо льна колос-

сально повлияло на современные народные обычаи. Применение энергии и машин изменило стандарты комфорта всех классов. И все же народные обычаи сохраняли свой характер и авторитет, несмотря на все изменения в форме, которые они претерпевали.

41. Интеграция нравов группы или эпохи. Развивая далее эту же интерпретацию явлений, мы находим, что изменения в истории обусловлены прежде всего изменениями в жизненных условиях. Затем меняются народные обычаи. Далее в попытке обосновать новые способы действия изобретаются новые философии и этические правила. Вся обширная совокупность современных нравов развилась подобным образом из философии и этики средних веков. Тем самым нравы, развившиеся в приспособлении к системе больших светских государств, мировой торговли, кредитных институтов, договорной заработной платы и ренты, эмиграции на иные континенты и т.д., стали нормой для всей совокупности обыкновений, манер, идей, верований, обычаев и институтов, охватывающих всю жизнь общества и отличающих историческую эпоху. Так, Индия, Халдея, Ассирия, Египет, Греция, Рим, Средневековье и современность – это случаи, в которых интеграция нравов на основе разных жизненных условий производила общественные состояния, обладающие завершенной и отличительной индивидуальностью (этосом). В рамках любого такого общественного состояния великим резонансом для любого явления является его соответствие нравам времени и места. Кстати, историки всегда признавали действие такой определяющей силы. То, что в данный момент поддерживается, – не что-то случайное и подчиненное. Оно вершит и контролирует. Следовательно, научное обсуждение обыкновения, обычая или института состоит в прослеживании его связи с нравами, а обсуждение общественных кризисов и изменений состоит в демонстрации их связи с изменениями в жизненных условиях или с перестройкой нравов в приспособлении к изменениям в этих условиях.

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

(Окончание следует)

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2025 № 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 28.10.2025 г.

Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 9,75

Тираж 800 экз.

Цена свободная

Уч.-изд. л. 8,3

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: 8(499) 124-32-15

e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6